ПОКОРЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ И ОЧЕВИДЦЕВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге рассказывается о почти забытой, но оттого не менее славной истории покорения среднеазиатских ханств Российской империей. Завоевание, совершенное в тяжелейших условиях и сравнительно небольшими силами, имело для населения Туркестанского края чрезвычайное значение. Обширный край насильно выводился из дикости азиатского средневековья и деспотизма, и начинал приобщаться к плодам европейской цивилизации и законности. В сборник вошли очерк истории завоевания Средней Азии и рассказы участников и очевидцев этих событий. В оформлении обложки использован фрагмент картины В. Верещагина «У крепостной стены».

- Покорение Средней Азии
  -
  - Завоевание Средней Азии
  - Начало русского проникновения в Среднюю Азию. От Бековича до Перовского
    -
    - Колпаковский и Черняев
    - Подчинение Бухары
  - Хивинский поход и покорение Коканда 1873–1876 годов
  - Ахал-Текинские походы 1877–1881 годов
  - Гибель отряда Бековича-Черкасского в 1717 году
  - У уральских казаков
  - Из походных записок линейца
    - Страшное мгновение
    - Зара-Булакские высоты
    - Ургут
  - Покорение Хивинского ханства
    - Об истории Апшеронского полка. Апшеронцы в Хиве
    - Покорение Ахал-Теке
    - Заключение. Россия, Туркестанский край. Итоги
    -
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35

Покорение Средней Азии
А.В. Блинский

© Блинский А.В., текст, составление, 2007
© Издательство «Сатисъ», 2007

Завоевание Средней Азии

Завоевание Средней Азии резко отличается по своему характеру от покорения Сибири. Семь тысяч верст от «Камня» до Тихого океана были пройдены с небольшим в сто лет. Внуки казаков Ермака Тимофеевича стали первыми русскими тихоокеанскими мореплавателями, заплыв на челнах с Семеном Дежневым в чукотскую землю и даже в Америку. Их сыновья с Хабаровым и Поярковым стали уже рубить городки по Амур-реке, придя к самой границе китайского государства. Удалые ватаги, зачастую лишь в несколько десятков отважных молодцов, без карт, без компаса, без средств, с одним крестом на шее и пищалью в руке, покоряли огромные пространства с редким диким населением, переваливая через горы, о которых раньше никогда не слыхали, прорубаясь через дремучие леса, держа путь все на восход, устрашая и подчиняя дикарей огненным боем. Доходя до берега большой реки, они останавливались, рубили городок и посылали ходоков в Москву к Царю, а чаще в Тобольск к воеводе – бить челом новой землицей.

Совсем иначе сложились обстоятельства на южном пути русского богатыря. Против русских здесь была сама природа. Сибирь являлась как бы естественным продолжением северо-восточной России, и русские пионеры работали там в климатических условиях, конечно, хоть и более суровых, но в общем привычных. Здесь же – вверх по Иртышу и на юг и юго-восток от Яика – простирались безбрежные знойные степи, переходившие затем в солончаки и пустыни. Степи эти населяли не разрозненные тунгусские племена, а многочисленные орды

киргизов, при случае умевших постоять за себя и которым огневой снаряд был не в диковинку. Эти орды находились в зависимости, частью номинальной, от трех среднеазиатских ханств – Хивы на западе, Бухары в средней части и Коканда на севере и востоке.

При продвижении от Яика русские должны были рано или поздно столкнуться с хивинцами, а при движении от Иртыша – с кокандцами. Эти воинственные народы и подвластные им киргизские орды вместе с природой ставили здесь русскому продвижению преграды, для частного почина оказавшиеся непреодолимыми. Весь XVII и XVIII век наш образ действий на этой окраине был поэтому не бурно наступательным, как в Сибири, а строго оборонительным.

Гнездо свирепых хищников – Хива – находилось как бы в оазисе, огражденном со всех сторон на многие сотни верст, как неприступным гласисом, раскаленными пустынями. Хивинцы и киргизы устраивали постоянные набеги на русские поселения по Яику, разоряя их, грабили купеческие караваны и угоняли русских людей в неволю. Попытки яицких казаков – людей, столь же отважных и предприимчивых, как их сибирские собратья – обуздать хищников успехом не увенчались. Задача значительно превысила их силы. Из ходивших на Хиву удальцов ни одному не привелось вернуться на родину – их кости в пустыне засыпал песок, уцелевшие до конца дней своих томились в азиатских «клоповниках». В 1600 году на Хиву ходил атаман Нечай с 1000 казаков, а в 1605 году атаман Шамай – с 500 казаков. Им обоим удалось взять и разорить город, но оба эти отряда погибли на обратном пути. Устройством плотин на Аму-Дарье хивинцы отвели эту реку от Каспийского моря в Аральское и превратили весь Закаспийский край в пустыню, думая обеспечить этим себя от Запада. Покорение Сибири было делом частного почина отважных и предприимчивых русских людей. Завоевание Средней Азии стало делом Российского государства – делом Российской Империи.

Начало русского проникновения в Среднюю Азию. От Бековича до Перовского

Попытка первого из русских императоров проникнуть в Среднюю Азию закончилась трагически. Отряд Бековича, отправленный для отыскания сухого пути в Индию, весь стал жертвой хивинского вероломства. Одной из задач Петр поставил ему: «Плотины разобрать и воды Аму-Дарьи реки паки в Каспийское море обратить, понеже зело нужно». Дойдя до Хивы, Бекович пал жертвой вероломства хивинского хана и собственного легкомыслия. Хан изъявил на словах покорность, предложил ему разделить свой отряд на несколько мелких партий для удобства размещения в стране. После этого хивинцы внезапным нападением вырезали их порознь. «Пропал, как Бекович под Хивой», – стали говорить с тех пор, и на целых полтораста лет мечта проникнуть в Среднюю Азию со стороны Каспия была оставлена, а распространение русской государственности на юго-восток вообще приостановилось на весь XVIII век.

Одновременно с Бековичем, как мы уже знаем, был двинут из Сибири вверх по Иртышу отряд Бухгольца. Экспедиция эта имела результатом создание Сибирской линии – кордона постов и укрепления по Иртышу от Омска на Семипалатинск и Усть-Каменогорск для защиты русских владений от набегов степных кочевников. В последующие десятилетия Сибирская линия была продлена до китайской границы и на ней выстроено в общей сложности 141 укрепление – кордон на расстоянии одного перехода друг от друга.

Прикрыв, таким образом, Сибирь, русское правительство стало энергично укреплять свою власть в Приуралье. Заволжские степи заселены, границы с Волги и Камы продвинулись на Яик, и земли яицких казаков были включены в государственную систему. В 1735 году основан административный центр степных владений – Оренбург, а в 1758 году устройством Оренбургского казачьего войска положено начало Оренбургской линии, сперва учрежденной вдоль по Яику, но уже в 1754 году вынесенной вперед – на Илецк.

Так наметилось два наступательных плацдарма России – Сибирский и Оренбургский.

Вторая половина XVIII века и начало X1X-го протекли в

устройстве края, всколыхнувшегося лишь раз, по получении лаконического указа Императора Павла: «Донскому и Уральскому казачьим войскам собираться в полки, идти в Индию и завоевать оную!» Экспедиция эта, совершенно непродуманная и чреватая гибельными последствиями, была отменена Александром I. С назначением сибирским генерал-губернатором Сперанского пробудилась в этих краях российская великодержавность. В 20-х и 30-х годах русские посты постепенно продвинулись на 600–700 верст от Сибирской линии и стали достигать Голодной степи. Киргизские орды стали переходить в русское подданство. На Сибирской линии этот процесс проходил гладко, но на Оренбургской – в «Малой орде» – вспыхнули волнения, поддержанные Хивой. К концу 30-х годов положение здесь сделалось совершенно несносным.

Чтоб обуздать хищников, Император Николай Павлович повелел оренбургскому генерал-губернатору генералу графу Перовскому предпринять поход на Хиву. В декабре 1839 года Перовский с отрядом в 3000 человек при 16 орудиях выступил в поход тургайскими степями. Лютые морозы, бураны, цинга и тиф остановили отряд, дошедший было до Аральского моря. Энергией Перовского удалось спасти остатки отряда, лишившегося почти половины своего состава. После первого похода Бековича второй русский поход в Среднюю Азию кончился неудачей, что вселило в хивинцев уверенность в своей неуязвимости и непобедимости.

Все наше внимание обратилось на замирение киргизов. В 1845 году Оренбургская линия была вынесена вперед, на реки Иргиз и Тургай, где построены укрепления этого имени. «Малую орду» можно было считать окончательно замиренной. В 1847 году мы достигли Аральского моря, где учредили флотилию. С 1850 года зашевелилась и Сибирская линия, где стали учреждаться в Семиречье казачьи станицы, закреплявшие за нами киргизскую степь.

Вновь назначенный оренбургским генерал-губернатором граф Перовский решил предпринять операцию первостепенной важности: овладеть кокандской крепостью Ак-Мечеть, запиравшей у Аральского моря все пути в Среднюю Азию и считавшейся среднеазиатскими народами неприступною. В конце мая 1853 года он выступил с Оренбургской линии с 5000 человек и 36 орудиями и 20 июня стоял перед сильно укрепленной крепостью, пройдя 900 верст в 24 дня. 27 июня Перовский штурмовал Ак-Мечеть и овладел кокандским оплотом к вечеру 1 июля, на пятый день боя. Наш урон на приступе – 11 офицеров, 164 нижних чина. Кокандцев пощажено лишь 74 человека.

Ак-Мечеть была переименована в форт Перовский, ставший

краеугольным камнем новоучрежденной Сыр-Дарьинской линии. Линия эта явилась как бы авангардом Оренбургской линии и связалась с этой последней кордоном укреплений от Аральского моря до нижнего течения Урала (защищавшим киргизскую степь от туркмен пустыни Усть-Урт).

В неравном бою 18 декабря того же 1853 года гарнизон Перовска геройски отразил в двенадцать раз превосходившие силы кокандцев, пытавшихся вырвать Ак-Мечеть из русских рук. Гарнизон под начальством подполковника Огарева состоял из 1055 человек при 19 орудиях. Кокандцев было 12 000. Блестящей вылазкой Огарев и капитан Шкупь опрокинули всю орду, положив до 2000 и взяв 11 знамен и все 17 орудий неприятеля. Наш урон – 62 человека.

Колпаковский и Черняев

К началу нового царствования головными пунктами русского продвижения в Среднюю Азию являлись со стороны Оренбурга – Перовск, а со стороны Сибири – только что заложенный Верный. Между этими двумя пунктами находился прорыв, своего рода ворота шириною в 900 верст, открытые для набегов кокандских скопищ в русские пределы. Эти кокандские скопища опирались на линию крепостей Азрек – Чимкент – Аулие-Ата – Пишпек – Токмак. Необходимо было как можно скорее замкнуть эти ворота и оградить наших киргизов от кокандского влияния. Поэтому с 1856 года основной задачей России стало соединение линий Сыр-Дарьинской и Сибирской. На одном из этих направлений мы имели 11 оренбургских линейных батальонов, уральских и оренбургских казаков, а на другом – 12 западносибирских линейных батальонов и казаков Сибирского войска. Эти горсти людей были разбросаны на двух громадных фронтах, общим протяжением свыше 3500 верст.

Операция «соединения линий» была задержана сперва (до 1859 года) устройством киргизов, а затем ликвидацией нашествия кокандских полчищ на Сибирскую линию.

Начальником угрожаемого района – Заилийского края – был подполковник Колпаковский. В конце лета 1860 года кокандский хан собрал 22 000 воинов для того, чтобы уничтожить Верный, поднять на русских киргизскую степь и разгромить все русские поселки Семиречья. Положение для русского дела на этой окраине сложилось угрожающее. Колпаковский мог собрать в Верном около 2000 казаков и линейцев. Поставив все на карту, этот Котляревский Туркестана двинулся на врага и в трехдневном бою на реке Кара-Костек (Узун-Агач) наголову разбил кокандцев. При Кара-Костеке русских было всего 1000 человек при 8 орудиях. В последний день наши линейцы прошли с боем 44 версты. Этим блестящим делом Сибирская линия была обеспечена от неприятельских покушений. Одновременно отряд полковника Циммермана разорил крепости Токмак и Пишпек. В 1862 году генерал Колпаковский взял крепость Мерке и утвердился в Пишпеке. Россия стала твердой ногой в Семиречье, и ее влияние распространилось на китайские пределы.

К этому времени относится изменение нашего взгляда на значение среднеазиатских завоеваний. Прежде мы считали продвижение на юг делом внутренней политики и задачу видели в обеспечении степных границ. Теперь же наша среднеазиатская политика стала приобретать великодержавный характер. Раньше

в глубь материка нас тянул лишь тяжелый рок. Теперь же обращенным на юг взорам Двуглавого Орла стала угадываться синеватая дымка Памира, снежные облака Гималайских вершин и скрытые за ними долины Индостана… Заветная мечта окрылила два поколения туркестанских командиров!

Наша дипломатия осознала огромную политическую выгоду туркестанских походов, приближавших нас к Индии. Враждебное к нам отношение Англии со времени Восточной войны, и особенно с 1863 года, определило всю русскую политику в Средней Азии. Наше продвижение с киргизских степей к афганским ущельям являлось замечательным орудием политического давления – орудием, ставшим бы неотразимым в руках более смелых и искусных, чем были руки дипломатии Александра II.

Решено было не откладывать соединение Сибирской и Сыр-Дарьинской линий и объединить возможно скорее наши владения. Весной 1864 года навстречу друг другу выступило два отряда: от Верного – полковник Черняев с 1500 бойцами и 4 орудиями, и от Перовска – полковник Веревкин с 1200 человеками и 10 орудиями.

Пройдя Пишпек, Черняев взял штурмом 4 июня крепость Аулие-Ата и в июле подошел к Чимкенту, где 22-го числа выдержал бой с 25 000 кокандцев. Веревкин тем временем взял 12 июля крепость Туркестан и выслал летучий отряд для связи с Черняевым. Этот последний, считая свои силы (7 рот, 6 сотен и 4 пушки) недостаточными для овладения сильно укрепленным Чимкентом, отступил в Туркестан на соединение с полковником Веревкиным. Оба русских отряда, соединившись, поступили под общее командование только что произведенного в генералы Черняева и, отдохнув, направились в половине сентября под Чимкент. 22 сентября Черняев штурмовал Чимкент, овладел им и обратил в бегство кокандскую армию. У Черняева было 1000 человек и 9 орудий. Чимкент защищало 10 000. Черняев овладел крепостью, переведя свои роты через ров поодиночке по водопроводной трубе. Наши трофеи: 4 знамени, 31 орудие, много другого оружия и разных военных принадлежностей. У нас выбыло из строя 47 человек.

Кокандцы бежали в Ташкент. Черняев решил немедленно использовать моральное впечатление чимкентской победы и двинуться на Ташкент, дав лишь время распространиться молве. 27 сентября он подступил под сильно укрепленный Ташкент и 1 октября штурмовал его, но был отбит и отступил в Туркестанский лагерь.

Воспрянувшие духом кокандцы решили застать русских

врасплох и в декабре 1864 года собрали до 12 000 головорезов для внезапного нападения на Туркестан. Но эта орда была остановлена в трехдневном отчаянном бою у Икан с 4 по 6 декабря геройской сотней 2-го Уральского полка есаула Серова, повторившего здесь аскеранский подвиг Карягина. Из 110 казаков при 1 единороге уцелело 11, 52 убито, 47 ранено. Все получили георгиевские кресты. О сопротивление этой горстки героев сломился порыв кокандцев, и они, не приняв боя с высланным на выручку русским отрядом, возвратились восвояси.

Весной 1865 года учреждена Туркестанская область, и Черняев назначен был ее военным губернатором. С отрядом в 1800 человек и 12 орудий он выступил под Ташкент и 9 мая разбил под его стенами кокандские силы. Жители Ташкента отдались под власть бухарского эмира, выславшего туда свои войска. Решив упредить бухарцев, Черняев поспешил штурмом и на рассвете 15 июня овладел Ташкентом стремительной атакой. В Ташкенте, имевшем до 30 000 защитников, взято 16 знамен и 63 орудия. Наш урон – 123 человека. Занятие Ташкента окончательно упрочило положение России в Средней Азии.

Подчинение Бухары

Успехи Черняева и распространение русского могущества на Коканд сильно встревожило Бухару. Это ханство было до сих пор ограждено от русских кокандскими землями, ставшими сейчас русскими областями. Эмир претендовал на Ташкент, ссылаясь на волю его жителей, но домогательства его были отвергнуты. Положив овладеть Ташкентом силой, эмир весной 1866 года собрал у русских пределов до 43 000 войск. Генерал Черняев, в свою очередь, решил не дожидаться удара, а бить самому – и в мае двинул на Бухару отряд генерала Романовского в 3000 бойцов при 20 орудиях.

Кампания 1866 года генерала Романовского была сокрушительной. 8 мая он разбил бухарские войска при Ирджаре, 24-го овладел Ходжентом, 20 июля приступом взял Ура-Тюбе, а 18 октября внезапным и жестоким штурмом покорил Джизак. В трех этих беспощадных штурмах русские войска, лишившись 500 человек, положили на месте 12 000 азиатов. Под Ирджаром перебито 1000 бухарцев и взято 6 орудий. При штурме Ходжента перебито 3500. Наш урон – 137 человек. При Ура-Тюбе перебито 2000, взято 4 знамени, 32 орудия, наши потери – 227 человек. Наконец, в самом кровавом деле, при Джизаке, из 11 000 бухарцев легло 6000, из 2000 русских убыло только 98. Взято 11 знамен и 43 орудия.

Потеряв Джизак, бухарцы бежали к своей столице – Самарканду и поспешили вступить в переговоры о мире. В безрезультатных переговорах прошел весь 1867 год. Бухарцы их намеренно затягивали, стремясь выиграть время и набрать новую армию; Россия же провела капитальную административную реформу. В этом, 1867 году Туркестанская область была преобразована в Туркестанское генерал-губернаторство, составившее в административном отношении две области – Семиреченскую (город Верный) с военным губернатором генералом Колпаковским и Сыр-Дарьинскую (город Ташкент) с генералом Романовским. Образован Туркестанский военный округ, и войска на его территории – 7-й Оренбургский и 3-й Сибирский линейные батальоны – развернуты в 1-ю стрелковую дивизию и 12 линейных туркестанских батальонов. Первым туркестанским генерал-губернатором был назначен генерал фон Кауфман, Черняев был отозван.

Человек ответственных решений и волевой военачальник, генерал фон Кауфман сразу оценил обстановку. Примирительная политика не удалась, злая воля Бухары стала очевидной – эту

злую волю надлежало сломить. В конце апреля 1868 года Кауфман с отрядом в 4000 штыков и шашек при 10 орудиях двинулся от Ташкента к Самарканду, на подступах к которому эмир собрал до 60 000 человек.

2 мая 1868 года пехота генерала Головачева по грудь в воде перешла Зеравшан на глазах неприятельских полчищ, ударила на них в штыки, овладела высотами Чапан-Ата и обратила бухарцев в бегство. Самарканд закрыл ворота бегущим и сдался русским. В бой пришлось идти сразу же по переходе реки. Солдаты набрали полные голенища воды, разуваться же и вытряхивать воду не было времени. Наши линейцы становились на руки, и товарищи трясли их за ноги. После этого сразу пошли в штыки на бухарцев. «Халатники» решили, что постигли секрет русской тактики, и месяц спустя при Зарабулаке, подойдя на ружейный выстрел, их первые отряды стали головой вниз, тогда как задние добросовестно стали трясти их за ноги. По совершении этого обряда в победе никто из них не сомневался.

Оставив здесь гарнизон, Кауфман двинулся дальше на юг с войсками Головачева и Романовского. 18 мая он опрокинул бухарцев при Катта-Кургане, а 2 июня доконал армию эмира в жесточайшем степном побоище на Зарабулакских высотах. Зарабулак – первая проба игольчатых винтовок Карле, жестокая бойня, в которой перебито до 10 000 бухарцев, густые массы которых наш огонь косил, как траву. Наши потери – всего 63 человека. Всего в этом деле против 2000 русских действовало 35 000 войск эмира. Потрясенный эмир запросил аман. Бухара признала над собой протекторат России, уступила России Самарканд и все земли до Зарабулака.

В самый день решительной Зарабулакской битвы – 2 июня – в нашем тылу предательски восстал Самарканд. К восставшим присоединились полчища воинственных горцев-шахрисябцев, и 50 000 хищников атаковали цитадель, где засел геройский русский гарнизон (700 человек) майора Штемпеля. Шесть дней защиты Самарканда навсегда останутся блистательной страницей в летописях и традициях туркестанских войск. 7 июня вернувшийся из-под Зарабулака Кауфман выручил этих храбрецов и поступил с Самаркандом с примерной строгостью. Геройская стойкость гарнизона, отбившего яростные приступы 2 и 3 июня, повела к тому, что шахрисябцы, отчаявшись в успехе, уже 4-го числа ушли к себе в горы. Мы лишились 150 человек. Дальнейшие атаки самаркандцев отбивать стало легче. Кауфман в наказание (самаркандцы присягнули на подданство России и присягу эту нарушили) приказал сжечь город.

Одновременно с подчинением России Бухарского ханства

вспыхнуло восстание дунган в китайском Туркестане. Анархия эта вызвала брожение в смежной части русского Семиречья, и дунганский султан стал вести себя вызывающе. В 1869 году генерал Колпаковский предпринял экспедицию в китайский Туркестан, а в 1871 году оккупировал Кульджу. Большую часть этой провинции Россия возвратила в 1874 году Китаю, после того как китайцы управились с восстанием.

В 1869 году произошло важное событие – Россия утвердилась на восточном берегу Каспийского моря. В Красноводском заливе высадился генерал Столетов с отрядом в 1000 человек войск Кавказской армии. Таким образом, через полтораста лет возобновлена была попытка Бековича проникнуть в Среднюю Азию от Каспия. Тут мы столкнулись с новым храбрым и жестоким врагом – туркменами, населявшими закаспийские степи и пустыни. Возведение нами в 1870 году Красноводска послужило для них поводом к неприязненным действиям. В 1871 году состоялась знаменитая рекогносцировка капитана Скобелева от Красноводска до Хивинского Сарыкамыша через пустыню Усть-Урт. Скобелев произвел маршрутную съемку Усть-Урта, пройдя 760 верст в 6 дней с охраной всего из шести джигитов. В 1874 году занятые нами на восточном берегу Каспия земли составили Закаспийский отдел, подчиненный Кавказскому военному округу.

Хивинский поход и покорение Коканда 1873–1876 годов

Одна лишь Хива до сих пор не изведала силы русского оружия. Считая себя защищенными пустыней, помня двукратную неудачу русских походов на их оазис, хивинцы не желали прекращать разбоев, грабежей и прибыльной работорговли. На все представления генерала Кауфмана хивинский хан либо не отвечал, либо отвечал дерзостями, считая, что «белые рубахи» до Хивы не дойдут.

Тогда в конце зимы 1873 года было решено предпринять на Хиву поход четырьмя отрядами с трех сторон: со стороны Туркестана – Кауфман с 6000 человек при 18 орудиях, со стороны Оренбурга – генерал Веревкин с 3500 человек при 8 орудиях и со стороны Каспийского моря два отряда: Мангышлакский – полковника Ломакина, с 3000 человек и 8 орудиями, и Красноводский – полковника Маркозова, с 2000 человек и 10 орудиями – оба из войск Кавказского округа. По соединении всех отрядов у Хивы все эти силы, до сих пор в Туркестане неслыханные (до 15 000 бойцов при 44 орудиях), должны были поступить под команду Кауфмана.

Веревкин, которому надлежало идти по наиболее длинному машруту, уже в половине февраля тронулся небольшими переходами с Эмбы на Аму-Дарью северокаспийскими степями. Туркестанский отряд (колонны Кауфмана и Головачева) выступил 13 марта. Закаспийский и Красноводский – в половине марта, а Мангышлакский – в половине апреля.

Туркестанскому отряду, выступившему из Джизака, пришлось вынести всю тяжесть континентального климата – сперва резкий холод, затем, в апреле, ужасный зной. С половины апреля пришлось идти по безводной пустыне, запасы воды вышли, люди стали умирать, и, когда отряд 21 апреля пришел в урочище Адам-Крылган (что значит «погибель человека»), гибель его казалась неизбежной. Случайно открытые колодцы спасли войска, и Кауфман непреклонно шел вперед. 12 мая он вышел на Аму-Дарью, дал войскам отдых и направился к Хиве.

Двум закаспийским отрядам приходилось преодолеть 700-верстную пустыню Усть-Урт с ее песчаными сыпучими барханами. Красноводскому отряду это оказалось не по силам, и он вынужден был вернуться, сослужив, однако, ту службу, что удержал своим движением наиболее воинственное из туркменских племен – текинцев. Мангышлакский отряд (где

начальником штаба был подполковник Скобелев) перешел Усть-Урт в пятидесятиградусный зной, имея частые стычки с хивинцами и туркменами, и 18 мая близ Мангыта соединился с Оренбургским отрядом генерала Веревкина. 20-го числа Веревкин и Ломакин имели здесь упорный бой с хивинцами, положив их до 3000, а 26-го подошли к Хиве, куда затем прибыл и Туркестанский отряд Кауфмана.

28 мая начался штурм города, и 29-го решительная атака Скобелева завершила дело. Вслед за Кокандом и Бухарой покорилась и Хива. Хивинский хан признал себя «покорным слугой» русского Царя, освободил всех невольников в пределах своей страны и уступил России все земли на правом берегу Аму-Дарьи, где к вассальному отныне ханству был приставлен русский часовой – форт Петроалександровск.

Раньше, чем вернуться в Туркестан, Кауфман предпринял карательную экспедицию на туркмен-йомудов и покорил их, положив в делах 14 и 15 июня свыше 2000 человек. В этом деле было уничтожено как раз то племя, что вырезало отряд Бековича.

Этот Хивинский поход был самым трудным из всех многотрудных туркестанских походов. Безмерных лишений, которым подвергались здесь роты линейных батальонов и кавказских полков, не выдержала бы никакая армия в мире. Усть-Урт и Адам-Крылган – такая же победа над самой природой, как Муттенская долина и Траянов перевал. Военные и политические дарования генерала Кауфмана выявились еще раз в полном своем размере. А по рядам линейцев и казаков передавалось имя героя этой экспедиции – молодого, безупречно щеголеватого 30-летнего полковника Генерального штаба, отчаянной отваге и невозмутимой решительности которого изумлялись все. Через четыре года имя это знала вся Россия.

* * *

Подчиняя своему влиянию среднеазиатские государства, Россия оставляла этим ханствам полную внутреннюю самостоятельность, требуя лишь признания своего протектората, уступки некоторых важных в стратегическом отношении областей и пунктов и прекращения работорговли.

От этой умеренной линии поведения пришлось, однако, вскоре сделать отступление и показать зазнавшимся было азиатам, что великодушие – не слабость. В 1875 году в одном из трех наших протекторатов, Коканде, вспыхнули беспорядки. Худояр – хан кокандский – бежал в Ташкент, а власть

узурпировал бек Пулат, свирепый ненавистник России. В конце июля и начале августа 1875 года шайки кокандцев совершили ряд нападений на русские посты между Ходжентом и Ура-Тюбе, а 8 августа 15-тысячное скопище напало на Ходжент, но было отражено.

Энергичный Кауфман реагировал немедленно. Уже 11 августа генерал Головачев разбил 6000 кокандцев у Зюльфагара, а 12-го выступили из Ташкента и главные силы Кауфмана (4000 при 20 орудиях). Вся конница, 1000 шашек, была поручена полковнику Скобелеву.

Русские двинулись в ходжентском направлении. Пулат-хан с огромной армией (до 60 000) поджидал русских у Махрама на Сыр-Дарье. 22 августа русские на походе отбили атаки скопищ кокандцев, а 24-го в генеральном сражении при Махраме нанесли сокрушительное поражение кокандской армии. Махрам – удар стрелков в лоб врагу, конницы Скобелева – в тыл. 3000 кокандцев положено на месте и взято 46 орудий. Наши потери – всего 5 убитых и 8 раненых. Дорога на Коканд, столицу ханства, была открыта. 26-го, после дневки у Махрама, Кауфман выступил туда и 29 августа овладел Кокандом без боя.

Остатки разбитых кокандских войск собрались на востоке ханства – у Маргелана и Оша. Их возглавил Абдуррахман Автобачи. Кауфман двинулся на Маргелан, открывший ему ворота. Абдуррахман бежал, бросив свой лагерь, а его войско было рассеяно нагнавшим его Скобелевым. Коканд уступил России земли по правому берегу Нарыма, составившие Наманганский округ. «Нарым» – не что иное, как среднее течение реки Сыр-Дарьи (в верхнем своем течении именующейся также Тарагаем). Не смешивать с «Нарымским краем» в Сибири.

Лишь только русские покинули пределы ханства, как в сентябре все оно опять было охвачено восстанием. Пулат-хан и Абдуррахман провозгласили в Андижане «газават» – священную войну и в несколько дней собрали до 70 000 приверженцев. Генерал Кауфман двинул под Андижан отряд генерала Троцкого. Подойдя к Андижану, генерал Троцкий 1 октября предпринял штурм, отличавшийся невероятным ожесточением. Пощады здесь никому не было дано, фанатики ее и не просили. Андижан был разгромлен артиллерией, пехота и казаки добили врага. Наши потери – всего 5 офицеров и 58 нижних чинов. Повстанцев перебито до 4000.

В результате андижанского штурма Коканд казался замиренным. Русские его эвакуировали, и в декабре вспыхнул новый мятеж. Ликвидировать этот взрыв – третий за полгода – было поручено начальнику Наманганского округа, только что

произведенному в генералы Скобелеву. Скобелев устремился на Пулат-хана, засевшего в Маргелане, но вынужден был возвратиться: в тылу у него восстал Наманган. Этот город был сожжен, и мятеж пресечен в зародыше. Затем Скобелев возобновил свою экспедицию. 31 декабря он разгромил 20 000 кокандцев при Балыкчанских завалах, а 4 января 1876 года георгиевские рожки линейных батальонов вторично протрубили приступ Андижана.

На этот раз ханство было усмирено окончательно, Ош и Маргалан изъявили покорность. 28 января сдался Абдуррахман. Пулат-хан пойман и за зверства над русскими пленниками повешен. 12 февраля Коканд взят, и последний хан кокандский Наср-Эддин выслан в Россию. Кокандское ханство перестало существовать и присоединено Скобелевым к России под наименованием Ферганской области.

Ахал-Текинские походы 1877–1881 годов

Туркменские степи огромным клином вдавались в наши среднеазиатские владения, разделяя Закаспийский край и Туркестан и пересекая все наши караванные пути, так что сообщения между Красноводском и Ташкентом приходилось поддерживать через Оренбург. Из всех туркменских племен особенной свирепостью и воинственностью отличались текинцы, обитавшие в оазисах Ахал-Текинском и Мервском. Престиж этих чеченцев Средней Азии стоял высоко от Кабула до Тегерана.

Сразу же после нашей высадки и закладки Красноводска острые шашки текинцев воспротивились русскому продвижению в Закаспийский край. Владения их были трудно досягаемы – от моря Ахал-Текинский оазис отделяли 500 верст безводной и пустынной степи. Покорение этого «осиного гнезда» было настоятельно необходимо и стало на очередь сейчас же по учреждении в 1874 году Закаспийской области. Однако трепетавшая перед Англией русская дипломатия, опасаясь того, «что могут подумать в Лондоне», настояла на полумере. Решено было лишь утвердиться на краю оазиса в урочище Кизил-Арват – иными словами, осиное гнездо не уничтожить, а только потревожить.

Неудачная идея была еще неудачнее выполнена. Ходивший в 1877 году на Кизил-Арват генерал Ломакин не рассчитал средств снабжения и, заняв указанный район, должен был спешно ретироваться ввиду недостатка продовольствия. В 1878 году штаб Кавказского округа предписал генералу Ломакину предпринять «усиленную рекогносцировку» Ахал-Текинского оазиса. Это был большой психологический промах: движение крупного русского отряда туда и назад было истолковано как неудавшийся поход, и во всех окрестных землях стали говорить, что «текинцев никто не может победить – даже русские».

Тогда в 1879 году в Тифлисе решили предпринять серьезную операцию. Для покорения Ахал-Текинского оазиса был назначен сборный отряд, куда вошли батальоны славных полков Кавказской гренадерской, 20-й и 21-й дивизий. Отряд этот – силой до 10 000 человек – был вверен герою Карса генералу Лазареву.

Генерал Лазарев повторил ошибку Ломакина в 1877 году – он пренебрег устройством продовольственной части и смог поэтому двинуть в поход в августе 1879 года лишь половину своего

отряда. На пути к текинскому оплоту Геок-Тепе Лазарев скончался, и в командование вступил старший генерал Ломакин. При погребении Лазарева колеса пушки, производившей салют, рассыпались, что было всеми истолковано как дурное предзнаменование (вследствие чрезмерной сухости воздуха подобного рода аварии деревянных лафетов и повозок случались в этих местах часто). Этот последний (Ломакин) «к хаосу нерасчетливости добавил еще торопливость». 28 августа он подступил к стенам Геок-Тепе с 3000 усталых людей, с замороженными верблюдами и 12 орудиями, не пожелал выслушать депутации, хотевшей изъявить было покорность, штурмовал текинскую крепость, был отбит с уроном и поспешно отступил, едва не погубив всего отряда. Наш урон в этом упорном деле – 27 офицеров и 418 нижних чинов, самый значительный за все туркестанские войны.

Эта неудача сильно поколебала престиж России на Востоке. «Белые рубахи» были побеждены! Хивинцы и персияне злорадствовали (им, впрочем, самим солоно приходилось от дерзких набегов текинцев). Еще более ликовали англичане, только что потерпевшие сами поражение от афганских войск. Мы стали получать множество обидных советов и наставлений о том, как следует воевать с текинцами – от бухарского эмира, от хивинского хана, от пограничных персидских губернаторов. Эмир бухарский советовал идти на Геок-Тепе не менее как со стотысячной армией. Хивинский хан предлагал вообще отказаться от дальнейших предприятий против Геок-Тепе. Персияне заклинали не сходиться с текинцами врукопашную, «так как храбрее и сильнее текинцев нет никого на свете».

Командующим Закаспийским отрядом был назначен генерал Тергукасов. Он привел войска в порядок, подбодрил их, но вскоре сдал свою должность по болезни. Зимой 1879 года в Петербург поступали различные планы и проекты. План Тергукасова предусматривал, например, покорение Ахал-Текинского оазиса в 4,5 года при затрате 40 миллионов рублей. Штаб Кавказского округа тоже представил свой план, настаивая на назначении кого-нибудь из «своих» генералов. Намечались всевозможные кандидатуры.

Но Государь не согласился ни с одним из этих проектов. Он уже наметил своего кандидата – и вызвал к себе из Минска 37-летнего командира IV армейского корпуса генерал-лейтенанта Скобелева. Из Зимнего Дворца герой Плевны и Шейнова вышел полномочным начальником экспедиции и, садясь в вагон, послал из Петербурга в Закаспийский край по телеграфу свой первый лаконический приказ: «Подтянуться!»

* * *

С чувством глубокой грусти начинаем мы описание блестящего текинского похода Скобелева в 1880–1881 годах – последней кампании Белого Генерала. В первый и, увы, в последний раз он выступил здесь самостоятельным военачальником. Ловча была его Кинбурном, Шейново – Рымником, Геок-Тепе стало его Прагой, а Требии ему не было дано…

Глазомером полководца, как и инстинктом государственного человека – знатока Средней Азии, Скобелев сознавал необходимость и неизбежность занятия как Ахал-Текинского, так и Мервского оазисов. Но Министерство иностранных дел, страшась «дурного впечатления в Англии», настояло на ограничении экспедиции одним лишь Ахал-Текинским оазисом.

7 мая 1880 года Скобелев высадился у Чикишляра. За 4 версты от берега он спустил в море своего белого боевого коня, благополучно доплывшего. Рекогносцировав со своими ближайшими сотрудниками – начальником штаба полковником Гродековым и капитаном 2-го ранга Макаровым – побережье Михайловского залива, он выбрал место закладки и указал направление Закаспийской железной дороги, приказав немедленно же приступить к работам.

Силы текинцев исчислялись до 50 000 (за оружие взялись от мала до велика), из коих до 10 000 отличных конников. Огнестрельное оружие имелось у половины воинов (английские винтовки, захваченные русские и свои, старые самопалы огромного калибра, бившие с сошника на 2000 шагов). Острые шашки и кинжалы были у всех. На все войско имелась лишь одна пушка, что, впрочем, не беспокоило отважного и умного Тыкма-сердаря – текинского главнокомандующего. Он положил полевых сражений не давать, а отсиживаться в крепости Геок-Тепе – огромном квадрате в версту стороной, стены которой, толщиной в 3 сажени, не боялись огня русской артиллерии. При вылазках же и в рукопашных схватках бешеная отвага текинцев (надвигавших папахи на глаза и бросавшихся очертя голову в сечу) и их мастерское умение владеть оружием должно было вместе с огромным численным превосходством дать им победу, как в прошлом, 1879 году. Кроме того, текинцы были уверены, что русские, как и в предыдущие кампании, в конце концов должны будут отступить по недостатку продовольствия.

Организуя свой отряд, Скобелев принял известную «туркестанскую пропорцию» – русская рота равна 1000 неприятелей. У него было 46 рот, а главное – кавказских войск

(полков 19-й и 21-й дивизий) и 11 эскадронов и сотен – всего 8000 штыков и шашек. В продолжение всей кампании счет велся Скобелевым исключительно на роты, а не на батальоны, как то имело место обычно. На этот отряд Скобелев потребовал 64 орудия – по 8 орудий на тысячу бойцов, что вдвое превышало обычную норму и показывало значение, которое Белый Генерал уделял огню.

Сюда, в Закаспийский край, Скобелев вытребовал все новинки военной техники – пулеметы, оптическую и электрическую сигнализацию, узкоколейки Дековилля, аэростаты, холодильники, опреснители. Он не пренебрегал никаким средством, которое могло бы хоть сколько-нибудь сберечь силы солдата на походе и кровь его в бою (мы можем видеть всю разницу между открытым умом Скобелева и узким доктринерством Драгомирова – разницу между полководцем Божией милостью и рутинером военного дела).

Организация продовольственной части – этой вечной до сих пор нашей ахиллесовой пяты – всецело резюмируется лаконической директивой Скобелева: «Кормить до отвала и не жалеть того, что испортится». Довольствие войск сразу же стало великолепным и оставалось таким весь поход. Лихой рубака Хивинского похода, порывистый начальник конной партии Кокандской войны преобразился здесь в расчетливого, проникнутого сознанием ответственности полководца – полководца, сочетающего с огненной душой холодный ум, никогда не делающего второго шага, не закрепив первого, подчиняющего быстроту и натиск первой воинской добродетели – глазомеру.

* * *

В первую очередь Скобелев положил овладеть Кизил-Арватским районом и там создать базу для действий против Геок-Тепе. 23 мая Скобелев выступил из Чикишляра и 31-го занял Вами (в Кизил-Арватском оазисе). Оперативная база была таким образом одним – но великолепно рассчитанным – скачком вынесена на 400 верст вперед, и всего 100 верст отделяло русских от Геок-Тепе. Русские стали в Вами твердой ногой. Как раз в оазисе поспела посеянная текинцами пшеница, и обильная жатва обеспечила войска хлебом тут же, на месте. Скобелев знал, что делал, и приказал развести здесь огороды. Задача снабжения этим до чрезвычайности упрощалась, и Скобелев «заставил пустыню кормить экспедицию».

Разрешив продовольственный вопрос, заложив надежный фундамент под здание экспедиции, Скобелев перешел к следующему этапу – разведке противника, «чтобы не быть в потемках» (с текинцами до сих пор ему не приходилось воевать). С этой целью он решил предпринять разведывательный набег на Геок-Тепе, нарочно взяв крошечный отряд, чтобы не повторить психологической ошибки, допущенной Ломакиным в 1878 году. 1 июля отряд выступил и 8-го благополучно возвратился в Вами. Разведка удалась блестяще. Скобелев взял с собой 700 человек с 8 орудиями и 2 пулеметами. Дойдя до Геок-Тепе, он обошел крепость с «музыкой» со всех сторон и отразил с самым незначительным для нас уроном натиск текинцев.

Осенью Скобелев оборудовал вспомогательную базу на персидской территории (отклонив в то же время предложение персов нам помочь как не соответствовавшее достоинству России). Он все еще надеялся, по занятии Геок-Тепе, пойти на Мерв и покорить России весь край до афганской границы.

24 ноября, когда войска были всем обеспечены для зимней кампании, был объявлен поход под Геок-Тепе. С 24-го по 28-е русские трогались из Вами поэшелонно, и к половине декабря у Егян-Батыр-Калы, в 10 верстах от текинской твердыни, собралось уже 5000 бойцов при 47 орудиях. 11 декабря сюда прибыл из Туркестанского округа отряд полковника Куропаткина в составе 700 человек и 2-х орудий. Посылка отряда Куропаткина имела большое моральное значение для племен Средней Азии, показав, что текинцы уже не в силах препятствовать сообщениям Туркестана с Закаспийским краем. Текинский поход еще более сблизил Скобелева с Куропаткиным: «С ним судьба породнила меня боевым братством со второго штурма Андижана, в траншеях Плевны и на высотах Балканских», – писал Скобелев.

23 декабря началась осада Геок-Тепе, длившаяся 18 дней, энергично поведенная и сопровождавшаяся отчаянными вылазками текинцев и рядом жарких дел. 23 декабря у нас убит генерал Петрусевич. 28 декабря ночью текинцы внезапно ударили в шашки, ворвались в траншеи, изрубили 5 офицеров и 120 нижних чинов (почти все убиты, раненых – лишь 30), захватили знамя Апшеронского батальона и 1 горную пушку. 29 декабря, при взятии контрапрошей, мы лишились 61 человека, а во время вылазки 30 декабря потеряли 152 человека и еще 1 пушку. Текинцы увели с собой бомбардира Агафона Никитина (21-й артиллерийской бригады) и потребовали, чтобы он научил их обращаться с орудиями. Несмотря на нечеловеческие мучения и пытки, этот герой отказался и погиб. Но никогда не погибнет его имя! Текинцы так и не справились с трубкой, и стрельба их из

захваченных орудий нам вреда не причиняла, так как снаряды не разрывались.

29-го по занятии Куропаткиным «Великокняжеской калы» (контрапрошей противника) были проведены минные работы, которым текинцы, по незнанию, не препятствовали. При отбитии вылазки 4 января мы лишились опять 78 человек. Текинцы не имели понятия о минном деле и даже радовались, слыша шум работы. «Русские настолько глупы, что роют подземный ход, – говорили они, – когда они станут оттуда вылезать один за другим, мы их поодиночке и изрубим!»

Утром 12 января 1881 года по сигналу Скобелева была взорвана мина. Взрыв невероятной силы засыпал всю крепость и ошеломил текинцев. Войска ринулись на штурм и овладели текинским оплотом после жестокой схватки. Конница по пятам преследовала бегущие толпы, довершив их разгром. Наш урон на приступе – 398 человек, текинцев погибло при взрыве, заколото на штурме и побито в преследовании до 8000 – третья часть защитников Геок-Тепе. Апшеронцы отбили свое знамя.

Ахал-Текинский оазис смирился. Тыкма-сердарь и уцелевшие старшины присягнули на подданство России и были отправлены депутацией к Государю, милостиво их принявшему. С ними обошлись ласково. «Текинцы такие молодцы, – говорил про них Скобелев, – что свести несколько сотен такой кавалерии под Вену – не последнее дело». Занятием в феврале Асхабадского округа кампания закончилась. Скобелев получил георгиевскую звезду. Недолго ему довелось ее носить…

* * *

В 1882–1884 годах под руководством генерала Анненкова была сооружена Закаспийская железная дорога от Красноводска на Мерв. 1 января 1884 года жители Мерва сами присягнули на русское подданство. Но наша дипломатия, опять сробев, затянула дело с переходом в русское подданство окраин Мервского оазиса на границе с Афганистаном, «дабы не вызывать осложнений с Англией» (окраинные эти ханства сами, между тем, просились к России!). Робость эта, как всегда, принесла обратные результаты. Видя колебание России, афганский эмир, подстрекаемый Англией, наложил на эти земли свою руку. Это имело следствием острый и затяжной двухлетний конфликт с Афганистаном и Англией.

Чувствуя за собой могучую поддержку, афганцы стали вести себя с каждым месяцем все более вызывающе и дерзко.

Заносчивость эта сделалась в конце концов нестерпимой, и 18 марта 1885 года начальник Закаспийской области генерал Комаров нанес афганцам на реке Кушка при Таш-Кепри сокрушительное поражение и прогнал их за их границу. У Комарова было 1800 человек и 4 орудия. Афганцев было 4700 отборных воинов (афганцы дважды побеждали англичан – в 1841 и 1879 годах). Мы лишились 9 убитых и 45 раненых и контуженых, афганцев перебито свыше 1000 и взяты все бывшие у них 8 орудий и 2 знамени. Это было единственное военное действие в правление Царя-Миротворца.

Англия стала угрожать нам войной и потребовала третейского разбирательства. Но горчаковские времена прошли, и Александр III, умевший разговаривать с Европой, круто отвергнул английские домогательства, показав этим, что войны не страшится. В Лондоне немедленно же сбавили тон, и дело закончилось так, как того захотел Русский Царь!

От Индии Россию отныне стало отделять 150 верст афганских гор… В 90-х годах нами был предпринят ряд рекогносцировок и небольших походов в Памир (наиболее значительный – полковника Ионова). В этих экспедициях впервые проявили себя капитаны Корнилов и Юденич.

За какие-нибудь тридцать лет из скромных, как бы забытых степных гарнизонных войск создались войска, в которых служить стало завидной честью, – войска, закаленные в тридцатилетней боевой школе, где каждая рота, каждый взвод решали российскую великодержавную задачу. Их было немного – двадцать линейных батальонов, высоко державших свои знамена в покоренном ими для России краю, привыкших всегда встречать эти знамена громовым «Ура!» И это их «Ура!» неслось за горы и моря, за многие тысячи верст заставляло трепетать мировую державу – Британскую империю, заставляло ее все время держать в полной боевой готовности двухсоттысячную англо-индийскую армию из страха перед теми двадцатью батальонами, доказавшими, что для них нет ничего невозможного.

А. А. Керсновский «История Русской армии»

Гибель отряда Бековича-Черкасского в 1717 году

С заключением Прутского мира, когда Россия вынуждена была уступить Турции обратно Азов, этот ключ к Черному морю, Петр перенес свои любимые помыслы на каспийское побережье и решился предпринять исследование восточных берегов этого моря, откуда предположил искать торговый путь в Индию. Исполнителем этой могучей мысли был избран им князь Александр Бекович-Черкасский. В 1716 году Бекович отплыл из Астрахани и начал сосредоточивать сильный отряд близ самого устья Яика.

С Кавказа назначены были в этот поход конный пятисотенный полк гребенских и часть терских казаков, преимущественно из инородцев. Они прибыли в Гурьев-городок и здесь долго простояли в бездействии, так как князь Бекович ездил выбирать опорные пункты на Каспийском море и устраивал укрепления св. Петра, Александровское и Красноводское, поставленные им у мыса Тюп-Караган и у входа в Александровский и Балханский заливы, как на местах более удобных для сообщения с Астраханью.

Только утвердясь таким образом на восточном берегу Каспийского моря, русские войска вышли из Гурьева в июне 1717 года и двинулись по необъятным и неведомым среднеазиатским степям по направлению к Хивинскому царству. На дороге, у плотин, заграждавших течение Амударьи к каспийскому бассейну, требовалось остановиться, чтобы устроить городок и произвести некоторые сооружения, долженствовавшие возвратить древнему Оксусу славное некогда течение его к морю Хвалынскому. В народе жило предание, что среднеазиатские ханы отвратили это течение, носившее великие богатства, к пустынному морю Аральскому именно для того, чтобы не дать Руси пробраться в глубину неведомого мира азиатских пустынь.

С такой богатырской миссией князь Бекович-Черкасский шел шесть недель по голодной и безводной степи, сделал до тысячи четырехсот верст и ценой невообразимых лишений достиг наконец озер, образуемых плотинами Амударьи. До этого места только киргизы и туркмены сделали на русских два больших нападения, но едва русский отряд остановился на берегу Амударьи для короткого отдыха, как сам хивинский хан Шир-Гази появился перед ним с многолюдной ратью, конной и пешей, и начал биться «пищальным и лучным боем», продолжавшимся три

дня. Казаков за окопами было побито не больше десяти человек, а нападавших хивинцев с киргизами и туркменами полегло больше тысячи. На четвертый день хан вступил в мирные переговоры и клялся на Коране, чтобы против русских не поднимать оружия и быть во всем им послушным. Но едва Бекович, поверивший этой клятве, принял предложение хана посетить Хиву и разделить весь отряд на несколько частей для лучшего снабжения продовольствием, как вероломные хивинцы предательски напали на русских и по частям истребили отряд до последнего человека. Сам Бекович-Черкасский погиб мучительной смертью: с него сняли кожу и, сделав из нее чучело, выставили на позор над городскими воротами.

Пятьсот отборных гребенских бойцов и большая часть терских казаков погибли тогда в руках полудиких варваров, или под ударом предательского ножа, или в цепях тяжкого рабства. Сотни семей осиротели на Тереке, и памятником этого остаются в гребенских городках до сих пор своеобразные фамилии, данные оставшимся при вдовах мальчикам по именам их отцов: Семенкин, Фелюшкин и тому подобное. Осенью того же 1717 года четверо случайно ушедших пленных – яицкий казак Емельянов, татарин Алтын, гребенский казак Белотелкин и вожак похода туркмен Ходжа-Нефес – перед сенатом и в присутствии самого царя передали, что видели и знали о несчастном конце азиатского похода. Еще известны два станичника, которым, и то уже через многие годы, также удалось вернуться на родину. То были Червленного городка казак Иван Демушкин и Щедринского городка – Петр Стрелков. (Последнего до самой смерти звали Хивинцем, и это прозвище унаследовали и его дети.) Оба они, переходя от одного бусурманского хозяина к другому путем продажи, попали, наконец, в Персию, откуда и убежали уже в старости.

Вот как рассказывал об этом несчастном походе Демушкин.

«До Амударьи, – говорил он, – киргизы и туркмены сделали на нас два больших нападения, да и мы их оба раза как мякину по степи развеяли. Яицкие казаки даже дивовались, как мы супротив их длинных киргизских пик в шашки ходили. А мы как понажмем поганых халатников да погоним по-кабардинскому, так они и пики свои по полю разбросают; подберем мы эти шесты оберемками, да и после на дрова рубим и кашу варим…

За один переход от Хивы хан наконец замирился и просил остановить войска, а самого князя звал в гости в свой хивинский дворец. Собравшись ехать к хану, Бекович взял с собой наших гребенских казаков триста человек, у каких еще были лошади, и мы отправились, прибравшись в новые чекмени и бешметы с

галуном, а конец поседлали наборной сбруей. Хива – город большой, обнесенный стеной с каланчами, да только улицы в ней очень уж тесные. У ворот нас встретили знатнейшие хивинские вельможи; они низко кланялись князю, а нам с усмешкой говорили: “Черкес-казак якши, рака будем кушай”. Уж и дали же они нам раки, изменники треклятые, трусы подлые, что умеют бить только лежачего. Справивши почетную встречу, повели они нас в город, а там у них были положены две засады за высокими глиняными заборами. Уличка, где эта ловушка была устроена и по которой мы шли, была узенькая и изгибалась, как змея, так что мы проезжали по два да по три коня, и задним совсем не было видно передних людей за этими кривулями. Как только миновали мы первую засаду, она поднялась и запрудила дорогу и начала палить из пищалей. Наши остановились и не знают: вперед ли, назад ли действовать, а в это время показались новые орды с боков и давай в нас жарить с заборов, с крыш, с деревьев и из окон домов. Вот в какую западню мы втюрились. И, не приведи Господи, какое там началось побоище: пули и камни сыпались на нас со всех сторон, и даже пиками трехсаженными донимали – вот как рыбу, что багрят зимой на Яике. Старшины и пятидесятники с самого начала крикнули: “С коней долой, ружья в руки!”, а потом все подают голос: “В кучу, молодцы, в кучу!” А куда в кучу, коли двум-трем человекам с лошадьми и обернуться негде врастяжку, да и бились же не на живот, а на смерть, поколь ни одного человека не осталось на ногах. Раненые, и те отбивались лежачие, не желая отдаваться в полон хивинцам. Ни один человек не вышел тогда из треклятой трущобы: все там полегли, а изверги издевались даже над казацкими телами, отрезали головы и, вздевши их на длинные пики, носили по базарам. Самого Бековича схватили раненого, поволокли во дворец и там вымучили у него приказ к отряду, чтобы расходился малыми частями по разным аулам. А когда войска разошлись таким глупым порядком, то в ту пору хивинцы одних побили, других разобрали по рукам и повернули в Яссыри. С самого Бековича, после лютых мук, с живого содрали кожу, приговаривая: “Не ходи, Девлет[1], в нашу землю, не отнимай у нас Амударьи-реки, не ищи золотых песков…”»

Народная легенда прибавляет, что даже Терек-Горыныч, слушая простодушный рассказ вернувшегося из плена гребенца, вдался в порыв отчаянной горести. «По ком плачешь, Терек-Горынович?» – «По гребенским моим по казаченькам. Как-то я буду за них ответ держать перед грозным царем Иваном Васильевичем!»

Так рассказывал о злополучном, но беспримерно смелом

походе очевидец и соучастник его. Старые люди прибавляют, что два зловещих явления предзнаменовали плачевный конец хивинской экспедиции, напоминающей бесстрашное плавание аргонавтов в неведомую страну за золотым руном. Жена и двое детей князя Бековича погибли в самый день его отплытия к Гурьеву-городку из Астрахани: возвращаясь после его проводов домой в лодке, они были опрокинуты набежавшим вихрем и потонули в Волге. В другой раз, во время самого заключения мирного договора с хивинцами, полуденное солнце на безоблачном небе вдруг померкло и настолько затмилось, что от его диска остался видным лишь небольшой край наподобие народившегося месяца. Солнечное затмение в таком лунообразном виде было истолковано поклонниками луны в свою пользу, а на русских людей навело уныние, под влиянием которого они, быть может, и попались в западню и сделались жертвой хивинского вероломства.

В.А. Потто «Кавказская война».

У уральских казаков

В Требухах оказался интересный человек, старый 89-летний казак Ананий Иванович Хохлачев. Я слышал о нем, как о человеке любознательном, собравшем в своей старой памяти много преданий. Хозяйка постоялого двора, на котором мы остановились, оказалась крестницей Анания Ивановича и охотно вызвалась пригласить его к нам для беседы.

Через полчаса во двор явился рослый старик, с очень длинной седой бородой, в старинной формы стеганом халате и, несмотря на жаркий день, – в валеных сапогах. Глаза Анания Ивановича были старчески тусклы, голос несколько глух, но память ясная, речь связная и толковая. Он был из тех людей, с детства наделенных живой любознательностью, которые жадно прислушиваются к старинной песне, к преданиям и рассказам бывалых людей и стариков…

Он отказался выпить с нами чаю – скромно и не объясняя причины (на Урале многие не пьют чая, считая это грехом), но охотно взял яблоко, которое, впрочем, так и держал все время в руке (дело было еще до яблочного Спаса). Но на вопросы отвечал охотно и даже с некоторой гордостью и удовольствием. Это было удовольствие человека, много узнавшего в свою уже закатывающуюся жизнь и готового передать другим кое-что из этого запаса. О Пугачеве он говорил, как о настоящем царе, приводил очень точно разные предания, называя лиц, от которых все это слышал, и перечисляя степени их родства с самими участниками исторических событий. Заметив, что я записываю кое-что в свою книжку, он выпрямился и, положив руку на столик, сказал:

– Пиши: старый казак Ананий Иванов Хохлачев говорил тебе: мы, старое войско, так признаем, что настоящий был царь, природный… Так и запиши!.. Правда это…

– А как же, Ананий Иванович, он был неграмотен? Указы сам не подписывал.

– Пустое, – ответил он с уверенностью. – Не толи что русскую, немецку грамоту знал… Вот как! – потому что в немецкой земле рожден… Как ему не знать! Царь природный.

От Пугачева мы перешли ко временам более близким. О своих соседях-киргизах Ананий Иванович говорил с глубокой враждой и недоверием.

– Кыргыз – человек вредной, – говорил он. – Бывало, молодой я был… на покос и с покосу к поселку идем, – что ты думаешь: все кареем, как на войне. Чуть отбился от карея, уж он на тебя насел.

Заарканит, пригнется к луке – айда в степь! Человека волоком тащит… Приволокет живого в аул, – ладно, в есыр угонит, в Хиву, в Бухару продаст; а помер на аркане, – в степи бросит. Лежите, казачьи косточки… Ему что: убытку мало. Об нас они так понимают, что мы и не люди…

Ананий Иванович засмеялся и покачал своей седой головой…

– Ох-хо-хо!.. Не любили меня… Да, этак-ту вот… Бывало, едет кыргызин от меня. Другой – навстречу. «Кем джюрген?» Значит: отколь едешь? – «Капырнэм джюргем» – от проклятого, дескать, еду… – «Вы, говорю, подлые, зачем так говорите? Я не проклятый, я казак, православной веры человек»… Они наш род и теперь помнят, что их мой дедушка когда-то пушкой бил. И-то люди мне говорят: не ходи ты, Ананий Иванович, на бухарску сторону: они на тебя старую кровь имеют…

– Да ведь теперь, говорят, они совсем замирились…

Все, действительно, говорят, что «орда» теперь совсем смирна, а один купец в Уральске уверял, что он с деньгами и безоружный проезжал по всей киргизской степи. Нужно только подъехать к аулу и объявить себя гостем, иначе, пожалуй, ночью могут угнать лошадь. Но грабежей и убийств из-за денег не слыхано, и купцы спят среди степи, нисколько не остерегаясь.

– Это верно, – подтвердил и Ананий Иванович, но тотчас же добавил упрямо: – А все когда-нибудь змея укусит… Конечно, теперь подобрели…

Он опять улыбнулся.

– Усмирили мы их… Помню я еще Давыд Мартемьяныча…[2] Вот усмирял кыргыз, ай-ай! Бывало, чуть что – берет сотню казаков, айда в степь на аулы…

Он посмотрел на меня, и в старых глазах мелькнул огонек.

– Так они чего делали, кыргызы-то… Видят – беда неминучая, сами кто уж как может измогаются, а ребятишков соберут в какую ни есть самую последнюю кибитченку да кошмами заложат… Значит – к сторонке… Ну, казаки аул разобьют, кибитку арканами сволокут, ребятишки и вывалются, бывало, что тараканы…

– И что же?

– Да что: головенками об котлы, а то на пики…

Старик говорил просто, все улыбаясь той же старческой улыбкой… Ветер слегка шевелил седую бороду и редкие волосы на обнаженной голове казачьего патриарха.

В.Г. Короленко

Из походных записок линейца

Страшное мгновение

– Ваше благородие, генерал к себе требует-с!

Это было, по моему личному мнению, совсем уже некстати. Во-первых, потому что я уже очень устал за этот тяжелый сорокаверстный переход и, сняв с себя походные сапоги, вытянувшись на всю длину на пестром тюркменском гиляме (ковре), протянул руку к стакану янтарного чая, разливать который, на всю нашу компанию, обязательно взялся юнкер Гузяков… Аппетит мой, надобно заметить, настолько развился, что я намерен был выпить, по крайней мере, шесть таких стаканов… Во-вторых, мы собирались до вечерней зари перекинуться направо и налево, и я слышал, как капитан Спелохватов говорил своему денщику: «Ты, брат, новых-то карт нам не подсовывай; годятся пока и старые, а новые мы уже на Аму-Дарье распечатаем»… А в-третьих… да мало ли что в-третьих было такого, что заставило меня не совсем ласково взглянуть на рыжебородого казакакауральца, просунувшего свою взрытую оспой рожу между раздвинутых пол моей конической палатки. «Эх, – думаю, – значит, надо одеваться, напяливать ботфорты, в которых (так мне казалось в данную минуту) было по пуду весу в каждом, опоясываться».

– Да, может, не меня требует генерал-то, не ошибся ли ты?.. – обратился я вслух к казаку, и в моей голове шевельнулась легкая тень надежды.

– Никак нет; именно вас требуют… так и сказал: поди, говорят, Данило, и позови кап…

– Ну, ладно, ладно… сейчас иду!.. – тоскливо согласился я с казаком Данилой. – Вы уж, господа, подождите меня немного! – отнесся я к своим более счастливым товарищам.

– Подождем немного! – потянулся и зевнул поручик Усогрызов.

– А вы там недолго! – сообщил мне наш доктор, намазывая себе на солдатский сухарь паюсную икру из цилиндрической жестянки.

Он готовился пропустить объемистый серебряный стаканчик полынной, так и сверкавший своей чеканкой на серой суконной попоне, исправлявшей должность нашей походной скатерти.

– Мы без вас пока начнем маленькую; я закладываю четвертную, не больше! – утешил меня Спелохватов, с треском тасуя карты.

«Солдат весело живет, службу царскую несет…» – доносился из коновязи голос хорового запевалы.

– Да, служба! – покорно вздохнул я, снарядившись, как следует, и шагнул за пределы моей палатки. – Так ждите же, господа! – крикнул я, вглядываясь в эту знойную, дрожащую мглу: где же это торчит ярко-красный с семью большими звездами значок нашего генерала.

Вдоль по обоим берегам каменистой балки раскинулся наш отрядный бивуак. Группы солдатских переносных палаточек белели на темно-коричневом, словно накаленном, тоне почвы правильными четырехугольниками; длинные ряды составленных в козлы ружей окаймляли эти четвероугольники с лицевой стороны… У оружия, полудремля, чуть-чуть переступая, бродили с ног до головы белые линейцы-часовые. Из-под палаточек, вышиной в полтора аршина, не более, торчали во все стороны обутые и необутые ноги, слышался дюжий храп спящих… Тут же, свернувшись клубком, виднелись разношерстные жучки, полкашки, валетки, волчки – неизбежные спутники всякого военного отряда вообще и туркестанского в особенности.

Понурив свои горбоносые головы, не обращая даже внимания на растрепанные перед ними снопы сухого клевера, в длинных коновязях стояли артиллерийские лошади и лениво отмахивали хвостами докучливых, невесть откуда летевших мух и слепней. Из-под этих коновязей виднелись ярко-зеленые зарядные ящики, а дальше сверкали на солнце ярко вычищенные жерла медных орудий, и около них опять тоже неизбежные, клюющие носом, усталые часовые.

Более пестроты и движения было в казачьем лагере, расположившемся несколько на отлете. Сотенные значки цветными тряпками неподвижно висели в знойном воздухе; там и сям вились синеватые дымки, станки ракетных батарей казались издали какими-то треногими пауками… Совсем уж дикой, донельзя пестрой ордой расположились оборвыши туземные милиционеры, а самое большое пространство, обрамленное конными и пешими пикетами, хватающее чуть не до самого, терявшегося в мглистом тумане, горизонта, занимали вьючные обозы отряда, достигающие численностью до трех тысяч вьючных верблюдов, развьюченных и уложенных в данную минуту бесконечными рядами… Горбатые животные лежали на горячем песке, вытянув длинные шеи, пережевывая свою пенистую зеленоватую жвачку. Против них, такими же правильными рядами, сложены были тюки с фуражом, провиантом, войлочными кибитками, солдатским имуществом и прочим подобным скарбом.

Мешковатые, неуклюжие лаучи (верблюдовожатые) бродили

между своими животными, подкладывая им под морды саман (рубленую солому), осматривали на досуге вьючные седла – искоса, недружелюбно поглядывая на сторожевых казаков, охвативших весь обозный бивуак своей живой цепью.

Не раз уже случалось, что лаучи уходили от отрядов, угоняли с собой верблюдов, оставляя отряд в самом стеснительном положении. Неизбежная и продолжительная остановка движения посреди мертвой, бесплодной степи слишком давала себя чувствовать, чтобы не научить нас поменьше доверяться этим косоглазым степнякам, сродным по всему нашим противникам и потому невольно им симпатизирующим. Теперь уже как лаучи, так и вьючные верблюды ни на минуту не выходили из-под самого зоркого присмотра.

Самое же большое оживление царствовало у колодцев, поблизости которых расположились солдатские кухни. Густой черный дым стлался над лощиной; гарью и салом несло оттуда; уныло мычали быки, предназначенные на убой… Русский и туземный говор и песни слышались в этом хаосе всевозможных звуков.

– Сюда, ваше благородие, сюда! – торопил меня уралец-казак, мой проводник. – Сюда пожалуйте, там обозы, далеко обходить придется!

И я покорно шел за ним, шагая через растянутые на пол-аршина от земли веревки светло-зеленых, ярко-красных, белых, пестрых, полосатых, конических, цилиндрических, кубообразных, круглых – одним словом, всевозможных цветов и форм палаток.

Большая кибитка из белого войлока, подбитая снизу красным сукном, стояла как-то на отлете: место вокруг нее было значительно просторнее, чем вокруг остальных кибиток. Двое часовых ходили перед входом. У кибитки стоял на длинном древке большой значок, именно тот самый, с семью белыми звездами, расположенными в виде созвездия большой медведицы. Это и была генеральская кибитка.

Подойдя ближе, я заметил оригинальную группу в том самом месте, где от кибитки ложилась на песок полукруглая синеватая тень.

Несколько человек, полуголых, на израненном теле которых остатки одежды висели грязными, окровавленными тряпками, с какими-то пепельно-бледными, искаженными страхом и ожиданием лицами, сидели на корточках, связанные попарно, под конвоем двух или трех казаков, опершихся на свои танеровские винтовки. Это были пленные хивинцы, пойманные нашими разъездами поблизости лагеря… Несчастные нечаянно наткнулись на закрытый казачий секрет и поплатились свободой

за свою оплошность.

С них только что был снят допрос, в результате которого, как я узнал впоследствии, и оказалась посылка за мной, так некстати прервавшая мой кейф.

Генерал сидел на складном табурете, спиной ко мне, и что-то писал. Я задел нечаянно шпорой за ковер, потянул его, опрокинул что-то и вообще наделал шуму своим появлением.

– А, это вы? – обернулся немного генерал.

– Ваше превосходительство изволили…

– Звал, звал. Садитесь пока, я сейчас кончу!

Он кивнул мне на другой складной стул и занялся своим делом, казалось, вовсе не обращая внимания на мое присутствие.

Ждал я четверть часа, наконец полчаса… час даже. Меня начала одолевать самая неотвязная дремота.

И вот заходили перед моими глазами и заволновались все предметы, наполнявшие внутренность кибитки: походная кровать, прикрытая ковром, начала подниматься то одним концом, то другим: она колыхалась, как шлюпка по волнам… Заскакал на одном месте серебряный умывальный прибор; туманом застлало светлый четырехугольник зеркала. Широкая генеральская спина с перетянутыми накрест шелковыми подтяжками (генерал был без сюртука) стала расползаться все шире и шире… вот она заняла уже почти всю кибитку… «Постойте… куда же мне деваться?! Я, ваше превосходительство, сейчас… я сейчас…» – а генеральское перо так и трещит, так и скрипит по бумаге: трр… трр… трр…

– Э… гм!.. – громко откашлялся генерал.

– Ваше превосходительство!.. – шарахнулся я со стула.

– А! Вы, верно, устали… Ну, это ничего. Вы будете иметь часа четыре отдыха перед исполнением моего поручения!

– Я готов, ваше превосходительство… – побравировал было я.

– Нет, отдохните. Вам предстоит трудная и небезопасная прогулка!

Генерал встал, прошелся раза два по кибитке и произнес:

– А действительно, припекает! Вот эти конверты – их два – вы отвезете полковнику А. в передовой отряд… Он, как вы знаете, впереди нас на один переход, в расстоянии… в расстоянии… А Бог его знает, в каком это расстоянии, одним словом, вы постарайтесь в ночь добраться туда и поспеть прежде, чем он снимется с ночлега… Понимаете?

– Понимаю, ваше превосходительство… – пробормотал я.

Вероятно, в моем голосе зазвучало что-нибудь подозрительное, потому что генерал внимательно посмотрел на меня и добавил:

– Темнота ночи вас прикроет… Это не так опасно, как

кажется с первого взгляда; к тому же, у вас такая прекрасная лошадь: кровный тюркмен, кажется?

– Да, ваше превосходительство, то есть оно не то, чтобы кровный…

– На прошлогодней скачке она заметно выделялась… Вы взяли первый приз?

– Да-с, но теперь как будто что-то на левую ногу жалуется! – заговорил я в минорном тоне; но генерал, кажется, не обратил внимания на это обстоятельство.

– Так вот вы поедете… Направление вам известно, а что касается до подробностей пути, то такой отряд не мог пройти по голой степи, не оставив за собой заметных следов, а проводники (да их, кстати, и нет вовсе) вам не понадобятся.

– А в случае, если?.. – начал было я, и холодный пот проступил у меня под рубашкой от одного только предположения «этого случая».

– Вы поедете с закатом солнца. До свиданья… счастливого пути!.. Донесите мне о часе и даже минуте вашего отъезда!

Молча я взял оба полновесных конверта, повертел их в руках, поклонился и вышел. Не успел я сделать и десяти шагов, как услышал за собой генеральский голос: он громко и отчетливо произносил мою фамилию. Я обернулся. Генерал высунулся из кибитки и звал меня. Часовые отхватили подходящий к случаю ружейный прием и замерли на месте. Пленные хивинцы тоскливо начали переглядываться.

– Мне необходимо, чтобы эти конверты своевременно попали в руки полковника А. И понятно, что вы ничего не проиграете по службе, если… Ну, Господь с вами!

И генерал тронул меня по плечу, скрылся в своей кибитке.

Последний намек был для меня тоже очень понятен, и, признаться, дух честолюбия заглушил на мгновение ту не то чтобы робость, а что-то весьма похожее, что испытывал я, взвешивая все хорошие и дурные шансы предстоявшей мне поездки.

Придя к себе домой, я первым долгом завалился спать, я хотел подкрепить себя сном перед бессонной ночью. Товарищи, узнав, зачем меня требовал генерал, не беспокоили меня ни предложением карточки, ни чем другим, более или менее соблазнительным; только сосед мой, артиллерист, подойдя ко мне, сказал:

– А знаешь что?! Ты, на всякий случай, часы и бумажник оставь здесь, зачем им пропадать даром?

Но, вероятно, я посмотрел на него за это таким волком, что он поспешил отретироваться, бормоча:

– Да ведь что же, я не с какой-либо корыстной целью, а досадно, если такая хорошая вещь попадет в руки этой косоглазой сволочи!

– Да с чего ты это взял, что я непременно попадусь, а не проскачу благополучно? – крикнул я на всю палатку, обернулся к стенке и завернулся в простыню с головой.

Медленно опускалось в густую туманную полосу багровое, словно расплавленный чугун, солнце. Этот кровавый диск казался громадным, он был без лучей, и от него по степи разливался матовый красный свет, скользя по вершинам камней, по гребням и остриям палаток, сверкая на остриях пик, частоколом воткнутых в землю за казачьими коновязями, на кончиках штыков пехотных ружейных козел. Глухой, унылый рев подняли обозные верблюды; теперь пришел их черед к водопою, и их вели к колодцам длинными вереницами.

Осторожно пробрался я мимо солдатских палаточек и скоро выехал на простор, миновал последние пары часовых в цепи. Наш лагерь остался сзади – и с каждым шагом моего коня все стихали, замирали в ночном воздухе его разнообразные звуки.

Скоро перестали долетать до меня и эти замирающие отголоски. Мертвая, тоскливая тишина охватила меня кругом… эта страшная, давящая душу, наводящая суеверный ужас тишина пустыни.

Раз-два, раз-два, раз-два… – отчетливо щелкал своими плоскими тюркменскими подковами мой Орлик. Та-та, та-та, та-та, та-та… – семенили тропотой моштаки двух казаков-уральцев, Бог весть, по какому вдохновению навязанных мне в бесполезный конвой.

С двойным чувством посматривал я на этих коренастых, обросших бородами парней, беспечно согнувшихся на своих высоких седлах. Я был и доволен их присутствием, и – нет: доволен потому, что все не один в этой мертвой степи, все есть хоть с кем-нибудь перебросится словом; зато на меня находило и другое, скверное, чувство: я посматривал на этих толстоногих откормленных лошадей, неутомимых на продолжительном тихом бегу, но далеко не быстрых накоротке. Что если мы наткнемся на какую-нибудь партию хищников?.. Что – пустяк для моего тюркмена, то положительно немыслимо для них. Мне представляется в этом случае выбор: или гибнуть вместе с этими двумя казаками, или бросить их на произвол судьбы и спасаться самому. Долг службы обязывал меня сделать последнее, честь требовала первого.

– И как это я не догадался просить, чтобы меня уволили от

этого бесполезного конвоя?.. – досадовал я сам на себя и вымещал эту досаду, натискивая слегка шпорами бока моего Орлика.

Передо мной расстилалось небольшое пространство, задернутое туманной ночной мглой. Горизонт исчезал, сливаясь с небом в этом тумане. Чуть-чуть мерцала высоко звезда. Какой-то странный молочный, фосфорический свет дрожал над каменистой поверхностью степи, усеянной кое-где сухой, колючей растительностью, годной только разве на одно топливо. Даже неприхотливый верблюд – и тот пренебрегает этой флорой, не рискуя наколоть свои губы и язык, защищенные, между прочим, такой жесткой шероховатой кожей, о которую способна ломаться и тупиться даже обыкновенная английская иголка.

– А что я вам доложу, ваше благородие? – подогнал поближе ко мне один из казаков.

– А что?

– Хорошо, таперичи вот что, очень это было бы прекрасно… Коли бы ежели взять по лоскутку кошмы да подвязать подковы коням снизу, важно было бы!

– Это зачем? – спросил я и тотчас же сообразил, что сказал глупость.

– Теперь… темно, значит, не видно; одначе тихо, и потому далеко слышно! – принялся объяснять мне уралец, удивляясь, вероятно, как, мол, этакой пустяк я не понимаю. – Теперь, если мы подвяжем кошемки, пойдем мы, ровно кошки, самым неслышным шагом!

– Дело! – согласился я, и мы все трое остановились, чтобы привести в исполнение предложенный план.

Более получаса употребили мы, пока снова тронулись в путь и, как оказалось, потратили совершенно бесполезно дорогое ночное время. Сначала пошло отлично… мы даже сами не слышали шагов своих коней, неслышно ступавших в своих мягких башмаках, но, увы, это было ненадолго. Не прошли мы и трех верст по этому каменистому грунту, как снова послышалось знакомое бряканье… сперва изредка, потом все чаще и чаще… Импровизированная конская обувь пришла в полную негодность гораздо скорее, чем мы предполагали.

Плюнули мы, освободили щиколотки наших лошадей от обрывков войлока и поехали дальше, бесцеремонно оглашая степь мерным щелканьем двенадцати подков.

Фррр!… – вылетела из-под самого носа моего коня какая-то птица… Дрогнул Орлик, запрял ушами и попятился.

– Тс!.. Ваше благородие, а ваше благородие! – шептал сзади тревожный голос.

Я и сам заметил вправо от дороги что-то подозрительное… Какая-то темная масса громадных размеров и совершенно неопределенных очертаний двигалась на нас; по крайней мере, мне ясно казалось, что она двигается… Около нее, то отделяясь, то сливаясь вместе с ней, виднелись другие темные пятна меньших размеров… Красноватые точки искрились во мраке, глухое, злобное ворчание и повизгивание дало нам понять, в чем дело. Это волки теребили павшего верблюда. Туман увеличил размеры тех и других; мелкие степные волки казались с добрую лошадь, труп верблюда – не меньше киргизской кибитки.

– Ах, вы, стервецы! – брякнул казак.

– Ну, чалки, небось! Не заедят, поштрели-то в пузо! – ободрил своего коня другой.

Подался в сторону мой Орлик и бочком, косясь направо, прошел мимо волков, отбежавших в сторону и оставивших на минуту свой ужин.

– Мы на хорошей дороге, – заметил я, – вон еще виднеется какая-то падаль! Здесь шел отряд… Вон и следы орудийных колес, глубоко врезавшихся там, где местность была песчанее и рыхлее.

– Не собьемся! – утешал меня казак. – Чу-кось!

Опять какой-то странный шум слышался спереди… Теперь это топотали десятки конских ног, и этот грозный топот медленно двигался нам навстречу.

– Господи, благослови! – шептал казак и снял с плеча винтовку.

– Спешиться надо! – посоветовал другой, тоже освобождая свое оружие.

За моими плечами висела короткоствольная английская двухстволка, заряженная охотничьей картечью; я всегда предпочитал эти заряды пулям… Все верней как-то! Я поспешно взвел курки, повернул коня и стал всматриваться в темноту.

Темная группа, очевидно конная, осторожно шла нам навстречу.

– Подожди, не стреляй! – шептал казак своему товарищу. – Кто их знает, может, свои, так вот, как и мы…

– Хивинцы! – шепнул другой, прицеливаясь.

Орлик вытянул шею, фыркнул и громко заржал.

– Попались! – подумал было я и приготовился к схватке.

Во все стороны шарахнулись мнимые всадники и большими козьими скачками скрылись в темноте.

– Сайгаки! – невольно крикнул казак.

– Ах, волктя заешь! А я было испужался! – произнес тот, кто уверял, что это были хивинцы.

Часа два мы ехали спокойно после этой маленькой тревоги и, по моему расчету, должны были сделать, наверное, более тридцати верст от нашего лагеря. Мой Орлик шел ходким проездом, тем оригинальным смешанным аллюром, которым обыкновенно барантачи наезжают своих лошадей. Проезд не утомляет коня, чрезвычайно покоен для всадника и настолько быстр, что непривычная к этому ходу лошадь только рысью может поспевать за конем, идущим этим ходом.

Мой тюркмен, казалось, нисколько не был утомлен, он весело потряхивал своей сухой головой, шелестел подвесками и амулетами, украшавшими уздечку туземного образца. Легкий, предрассветный ветер так приятно пробирался под складки моего плаща, освежая эту душную, тяжелую ночную атмосферу. Даже казачьи моштаки тоже, по-видимому, нисколько не уставшие, шли бодро, хватая друг друга зубами за загривки, едва только казак отпускал вольнее ременный повод. Все шло очень хорошо, все предвещало полный успех нашей поездке.

Что это?.. Никак зарево бивуачных костров?.. Вон вспыхивает легонько и тонкой светлой полоской тянется по горизонту… Нет, это утренняя заря… Близок рассвет. Утро скоро наступит и разгонит спасительную темноту, а передового отряда и не слышно, и не видно. Где же он? Неужели мы сбились с дороги? Нет, не сбились, мы на «хорошем» пути (как сказал казак). Стоит только нагнуться, чтобы видеть бесчисленные следы пеших и конных, широко расползающиеся двойные следы верблюдов, борозды, колеи… Все, все говорит, что отряд шел здесь, именно по той самой дороге, по которой бегут наши кони, которых мы не на шутку принялись подгонять легонькими ударами нагаек и толчками шпор в их замаслившиеся бока, перетянутые седельными подпругами.

Углы обоих конвертов, которые я засунул за пазуху рубахи, все время меня ужасно беспокоили; я их перекладывал то направо, то налево, прихватывал поясом; казалось, через минуту-две опять начинается беспокойное поталкивание.

«И как это я сразу не догадался!» – подумал я, поспешно отстегнув седельную кожаную сумку на потнике, предназначавшуюся собственно для запасных подков, и сунул бумаги.

– Тут много будет способней, – заметил казак мой маневр, – отсюда ни в жисть не вывалются!

«Си-идит беркут на кургане. Зорко на степь он глядит…» – замурлыкал какую-то песню.

«Он глядит на ту дорогу…» – подтянул ему товарищ.

Быстро начало светать. Колыхнулся туман от свежего ветра;

дымчатыми волнами погнало его этим самым ветром; мало-помалу развертывался перед глазами бесконечный горизонт. Легкие миражи голубоватыми силуэтами рисовались на золотистом, светлом-рассветлом фоне. Засверкала окраина солнечного диска, и потянулись от коней и всадников длинные, бесконечно в степь убегающие тени.

– Много, черт их дери, за день проперли! – заметил казак, прервавший свою песню о беркуте.

Это сердитое замечание относилось к передовому отряду, до которого мы никак не могли добраться… Отряд этот действительно находился только в одном переходе, но в каком? В таком, который может совершить разве только туркестанский отряд, где люди, как кажется, заразились от верблюдов терпением, силой и выносливостью.

– Теперь дело дрянь, это точно уж! – шепотом заговорили сзади меня.

– Это, брат, уж не сайгаки…

– Человек двадцать будет?

– Больше!..

– Пронеси, Господь!.. Ваше благородие!..

– Вижу, брат, авось проберемся! – подбодрил я казаков, а у самого сжалось сердце и в мозгу заворочались тяжелые мысли.

Вереница красных точек подвигалась в стороне, пересекая нашу дорогу. В свой бинокль я ясно различал масти лошадей и вооружение всадников… это были «не наши».

Круглые металлические щиты сверкали за спинами джигитов, когда кто-нибудь из них поворачивался задом к солнцу… Тюркмены, должно быть, не замечали нас – да это им было довольно трудно, потому что мы пробирались лощиной в тени, между тем как они шли по гребням наносных песчаных бугров, ярко освещенных косыми лучами утреннего солнца.

Эта спасительная лощина, в которую мы попали, тянулась на далекое расстояние, наискось к направлению нашего пути. Не выходя из нее, мы не должны были слишком много уклоняться от нашей дороги, и потому мы решились отнюдь не оставлять этой лощины, рассчитывая выиграть этим время у наших врагов. Если мы попадем прежде на точку пересечения лощины с тем путем, по которому шли тюркмены, то еще не все потеряно.

Я пустил казаков вперед, так как мне приходилось соображать бег своего коня с их бегом, и уральцы, пригнувшись к самым шеям коней, понеслись во всю прыть своих моштаков, погоняя их увесистыми ударами ременных нагаек… Я пошел за ними сдержанным галопом, зорко оберегая правую сторону – ту сторону, откуда могли показаться наперерез идущие нам

барантачи.

Минут пятнадцать скакали мы таким образом. Лощина кончилась, мы вынеслись на открытое место.

Дикий крик и какое-то волчье завывание приветствовали наше появление. Неприятельские наездники расскакались и пустились за нами, как борзые за зайцами.

– Не уйти!.. – тоскливо поглядывал назад казак.

– Бог милостив! – совершенно, впрочем, безнадежным тоном бормотал другой.

Я видел, насколько лучше скакали лошади преследователей. Расстояние, отделявшее нас, становилось все меньше и меньше… Вот они наседают… Я слышу уже фырканье лошадей и торопливый, задыхающийся на скаку говор.

– А! Вот оно что!.. Берегись!..

Жалобно пропела оперенная тростинка с острым, гвоздеобразным наконечником… Другая стрела опередила меня слева, врезалась в песок и переломилась.

Мы выскакали на вершину скалистого кургана.

– Стой, брат, все равно не уйти! – решительно осадил уралец своего моштака и соскочил на землю.

Мгновение – и оба казака были пешком, пустив своих запыхавшихся коней вольно, на длинные чумбуры.

Я один остался верхом. Орлик горячился и рвался вперед. Его смущало это гиканье, несущееся нам навстречу.

Заметив наш маневр, тюркмены тоже остановились и окружили наш курган. Они хорошо знали превосходство нашего оружия, чтобы рискнуть прямо броситься в атаку, когда увидели перед собой уже не беглецов, а людей, приготовившихся к отчаянной обороне.

Они шагом ездили вокруг барнака, придерживаясь, впрочем, почтительного отдаления. Сложив трубой у рта руки, они посылали нам самую унизительную, по их мнению, брань и грозили издали своими длинными, гибкими, как трость, пиками.

Я насчитал двадцать лошадей и восемнадцать всадников, потому что двое из них были, что называется, о двуконь, т. е., сидя на одной, держали другую в поводу. По всем признакам, это были рыскачи из шаек Садыка.

Солнце поднималось все выше и выше; мы начали чувствовать жажду. Солнечный жар мог утомить и измучить нас и наших коней больше, чем движение. Выжидательное положение, в котором мы находились, становилось невыносимо.

– Ваше благородие! – окликнул меня казак.

– Что? – отозвался я, не поворачиваясь к нему и не спуская глаз с высокого молодца в остроконечной войлочной шапке, так и

вертевшегося на поджаром белом коне перед прицелом моей двустволки.

Ах, как мне хотелось влепить в него заряд картечи из одного ствола! Трудно было мне удержаться от этого соблазна.

– Вон курган синеет… вершина у него, словно спина верблюжья, двойным горбом выходит… Там он и есть!

– Что там есть?

– Отряд… мне арбакеш киргизин сказывал вчера… Говорит: энти родники под курганом, у которого гребень раздвоенный… Ну, вот он самый раздвоенный и есть!

Очень могло быть, да даже и действительно не могло быть иначе, что отряд находился от нас близко, верст восемь, не больше. Расстояние, которое мой Орлик проскакал бы в полчаса, даже менее – минут в двадцать… Эх! Не попытаться ли? – мелькнуло у меня в голове.

– Нам долго сидеть всем не приходится; может, к нам еще народ подойдет, тогда плохо будет! – говорил опытный уралец. – На своих конях нам тоже не уйти, а вы на своем, пожалуй, и уйдете… Гоните в лагерь, а мы уж отсидимся, даст Бог, коли скоро на выручку к нам вышлете!

Я не мог не убедиться в неотразимости предложения уральца; от него так и веяло обдуманностью и здравым смыслом. Бумаги должны быть утром у полковника – это необходимо… Значит, надо было оставить казаков отсиживаться и возложить всю надежду на быстроту Орлика.

Я слез, оправил седло, протер коню ноздри платком, намоченным в водке, поправился сам и сел в седло…

Маневр мой, должно быть, был понят тюркменами, потому что они заволновались и стали стягиваться к той стороне, с которой, по мнению их, я должен был пуститься.

А казаки меж тем стреножили коней, положили их и, прислонившись спинами друг к другу, приготовились отсиживаться.

– Ну, Орлик, выноси! – гикнул я. – Помогай вам Бог! – обернулся я на мгновение к казакам и дал коню волю.

Орлик прыгнул, как дикая коза, заложил назад уши и ринулся вперед. Вдруг что-то щелкнуло о его круп; он присел; мне показалось, что он споткнулся на заднюю ногу, однако, оправился и поскакал.

Выстрелы моей двустволки, направленные почти в упор в эти скуластые, уродливые рожи, загородившие мне дорогу, расчистили путь. Тонкое острие тюркменской пики задело меня слегка в бок и разорвало рубаху.

– Выноси, Орлик, выноси! – шептал я на ухо своему скакуну.

Слыша за собой вытье преследователей, несколько раз я оборачивался. Мне казалось, что вот-вот пихнет меня в спину что-нибудь острое, и каждый раз, когда мне приходилось взглянуть назад, я не без удовольствия замечал, как все более и более растягивался промежуток между мной и тюркменами.

Но вот мой Орлик стал ослабевать, я чувствовал, как все тяжелее и тяжелее становились его скачки; я чувствовал, как резкий свист ветра, несшийся мне навстречу, становился все тише и тише… и снова громче раздавались страшные крики сзади.

«Неужели лошадь слабеет, неужели она утомляется?» Но этого не могло быть! Я знал свойства своего коня… А!.. Что это? Рука моя вся в крови; я погладил по крупу коня, и вот моя рука стала красная, намок даже рукав моей рубахи. Бедный Орлик! Он ослабел не от бега… его сломила потеря крови. Он, раненный, несся все это время, и, по его следам, на горячем песке оставались красные кровавые пятна.

А ведь уже немного… Вот уже ясно очерчиваются Верблюжьи Горбы; черные точки мелькают впереди: никак, наши белые рубахи мелькнули.

Вдруг Орлик остановился, присел назад и зашатался… Выхватив револьвер, я соскочил с седла – и в то же мгновение был сбит с ног наскочившими на меня лошадьми.

Я ничего больше не помнил.

Сопение, храп, тупой удар по темени, какая-то отвратительная вонь и резкая, колющая боль в боку… – вот все, что осталось у меня в памяти.

Голова у меня болела невыносимо, тупо, и в ушах стоял непрерывный гул; левой руки я почти не чувствовал вовсе. Я испытывал то ощущение, когда, что называется, отлежишь руку; острые покалывания перебегали в пальцах и по всей ладони. Но более всего страданий доставляли мне щиколотки ног: они были так усердно перевязаны тонкой волосяной веревкой, что аркан перетер уже давно кожу, и весь окровавленный, все дальше и дальше врезался в мясо, производя режущую жгучую боль, от которой я, вероятно, и начал приходить в чувство…

Меня сильно покачивало; чья-то рука придерживала меня за пояс, кругом фыркали и топали лошади, слышался неясный гортанный говор… Вот выстрелы – один, другой, третий… целая перестрелка доносилась откуда-то очень издалека… Стихла… Опять началась еще дальше.

– Уйдем, уйдем, береги только конскую прыть… уйдем! – ободрительно, негромко говорит голос близко около меня; это произнес, как мне показалось, по крайней мере, тот, чья рука придерживала меня за седлом в таком неудобном положении…

Фраза эта была произнесена незнакомым голосом, не русским языком и ничего не имела для меня утешительного.

Фраза эта дала мне почувствовать, во-первых, что я в плену, а во-вторых, что нет уже надежды на избавление… Они уходят, значит, их не догонят, а догонять могли только наши, русские – русские, вероятно, те самые, которых я видел вдали, падая вместе со своим Орликом.

Дышать тяжело… воздуху нет! Хоть бы голову мою кто-нибудь поддерживал в более удобном положении; мне казалось, что она слишком уж безнадежно висела на бессильной, словно парализованной шее. Я опять перестал все слышать, перестал даже видеть перед глазами те красноватые круги света, тот туман, в котором двигалось что-то неопределенное… Все погрузилось в глубокую темноту…

– Сдох!.. – неожиданно и совершенно ясно услышал я голос.

– Пожалуй, что и так! – говорил другой.

– Нет, дышит. Да все равно, скоро околеет!

– Это его Гассан так по затылку огрел!

– Барахтался очень, оттого и огрел. Да что с ним возиться – брось! Все равно, живого не довезешь до стана! Только задержка одна!

– Чего задержка! Ведь ушли… Ну, а к ночи дома будем… Мулла Садык халат даст за него… Ведь это, должно быть, большой «тюра»![3]

– Все равно привезти: что все тело, что одну голову – а везти много удобнее будет. Отрежь-ка…

– Погоди, может, очнется, все живьем лучше!

– Не очнется!

– Ну, там посмотрим!

Я слышал весь разговор так отчетливо ясно… Я так хорошо понимал его содержание… Я совершенно понял смысл и ужас этого спора. Боже, как мне захотелось очнуться!

Если им все равно было, довести все тело или одну только голову, то мне это было далеко не все равно. В теле могла еще храниться жизнь, а с жизнью – надежда; но в одной голове… в этом круглыше, отделенном от тела… Я собрал все свои силы. Я сделал нечеловеческое усилие. Я застонал.

– Эй! – одобрительно крякнул первый голос.

– Замычал баран! Ха-ха! – усмехнулся другой.

– Приедем на колодцы – водой облить нужно – совсем очнется!

– Гайда, гайда!

И опять я погрузился в беспамятство, и опять я словно в воду нырнул и не слышал уже ничего, кроме неясного, мало-помалу

затихающего, неопределенного гула.

Солнце садилось в густом знойном тумане. Громадный ярко-красный диск его до половины выглядывал над горизонтом – и вся степь, весь воздух, все было залито багровым светом. Крупные камни, разбросанные в большом количестве по песчаному сыпучему грунту, казались издали раскаленными угольями. В глубокой котловине, где мы остановились, веяло сыроватой прохладой. Синеватая тень стояла над этой котловиной; тонкий, беловатый пар поднимался над зияющими круглыми отверстиями степных колодцев. Песок кругом был влажен, и на нем искрились мелкие солонцоватые блестки. Там и сям виднелись кучки побелевшей, оставшейся золы, чернел помет, отпечатки перепутанных следов, верблюжьих, конских и человеческих, обрывочки веревок, лоскутки какой-то ткани и тому подобные остатки минутных бивуаков.

Лошади стояли порознь, на приколине, и, должно быть, они очень устали, потому что уныло понурили свои сухощавые, красивые головы, прикрытые полосатыми капорами с наушниками. По этим капорам и по теплым попонам, покрывавшим лошадей, я догадался, что мои похитители – разбойники высшего полета, тюркмены, а не какая-нибудь киргизская сволочь. Да вот и сами они: один стоит ко мне спиной, нагнулся и, часто перебирая руками, вытягивает на веревке кожаное ведро из ближайшего колодца; другой на корточках сидит неподалеку и перетирает между мозолистыми ладонями горстку зеленого табаку для жвачки; третий возится с кучкой собранного сухого помета и пытается развести огонь, раздувая тлеющий лоскуток тряпичного трута; четвертый так лежит, ничком на песке, и тихо стонет, ерзая животом по влажной его поверхности.

Сам я лежал со связанными ногами, с руками, стянутыми в локтях, и просунутой за спиной палкой. Голова моя была совершенно мокрая, вокруг меня стояла узкая лужа, понемногу всасывающаяся в песок. Должно быть, меня облили – припомнил я дорожное предположение.

– Пить дайте, пить! – простонал я, едва только успел сообразить все окружающее. – Воды!..

– Ага, брат, и по нашему говорить умеет. Гассан, дай ему ведро. Вот видишь-ли, очнулся совсем, живого привезем. Теперь уж недалеко!

Один из тюркменов порылся в коржумах (переметных сумках), достал оттуда кусок сухого, твердого, как камень, овечьего сыра, называемого по-киргизски «крут»; потом отделил

от него небольшую часть и распустил в воде на дне кожаного ведра.

– На, лакай! – сунул он мне ведро к самому лицу.

Я приподнялся на локте, приподнял голову и даже застонал от боли. Я не мог воспользоваться предложенным мне питьем.

– Развяжи ему руки!

– Совсем развяжите, совсем… Ноги болят… – стонал я. – Зачем меня мучить, я не уйду… Вас много, я один, чего боитесь?

– Да, один! Небось, там так барахтался, что коли бы я не сломал приклада о твою голову, ничего бы с тобой не сделал! Просто зарезать бы пришлось!

– Вон, гляди, Мосол все со своим брюхом возится!.. – кивнул другой в ту сторону, где лежал раненый тюркмен. – Все твоих рук дело!

– А, знаешь, его надо и в самом деле распутать, пусть отдохнет, после опять скрутим!

– Пеший в степи не убежит, да на таких ногах… – усмехнулся тюркмен, глядя на мои искалеченные веревками ноги.

Меня развязали, часа полтора, по крайней мере, лежал я навзничь, лицом к небу, пока только восстановилось кровообращение. Слабыми дрожащими руками подтянул я к себе ведро, чуть не опрокинул его… Захватил зубами за его край и всосал в себя кисловатую, сильно пахнувшую потом сырную гущу… Я почувствовал себя много свежее, и если бы только не эта тупая боль в голове… Я ощупал рукой больное место: громадная шишка находилась у меня как раз над левым ухом, волосы вокруг были совершенно склеены запекшейся кровью… Левым глазом я видел гораздо хуже, чем правым…

– Ты куда это ехал? – спросил меня, пытливо оглядывая с ног до головы, первый барантач.

– В отряд, что впереди стоял… – отвечал я, быстро приготовляясь к предстоящему допросу.

– Зачем?..

– Послали меня… а зачем – про то начальники знают!

– Гм! Да ты сам разве не начальник?..

– Нет, я простой сарбаз (солдат). Какой я начальник!.. – употребил я маленькую хитрость. Я знал, что это могло бы пригодиться мне впоследствии: за пленными солдатами, во-первых, гораздо меньше присмотра, а во-вторых, гораздо меньше придирок и хлопот, если бы могло коснуться обмена или выкупа…

– Не хитри, не лижи языком грязи! Вон те двое, что остались отсиживаться, то простые; а ты тюра… мы, брат, тоже не в первый раз вашего брата видим!

– Как знаешь!

– То-то!.. Что же это ты так просто по степи ехал, или не знал, что мы тут же держимся?..

– А чего мне вас бояться?

– А вот видишь чего!.. Эй!.. Го-го… Я тебя!.. – прикрикнул он на своего жеребца, только что хватившего задом своего соседа.

Помолчали все немного. Слышно было только, как стонал и охал тюркмен, теперь уже скорчившийся кренделем, так что лицо его приходилось у самых колен.

– Пулька твоя маленькая в животе у него сидит! – объяснил мне Гассан причину страданий своего товарища.

Опять наступила ночь, настоящая степная ночь: тихая, душная, с мерцающими сквозь туманную мглу звездами.

Мне опять связали локти и просунули сзади между ними обломок пики; ноги, впрочем, оставили мне на свободе…

И к чему они могли бы послужить мне, когда я положительно не способен был подняться даже на колени? Тюркмены очень хорошо заметили это обстоятельство и потому не позаботились даже стеречь меня ночью, а все четверо крепко заснули, за исключением только раненого, теперь уже непрерывно стонавшего. Только в смертельной агонии человек может стонать таким образом.

Несколько раз что-то вроде сна набегало на меня, мои глаза закрывались, но и в эти минуты мне ясно слышались тоскливые стоны, заглушавшие даже дружное носовое похрапывание спящих разбойников.

До рассвета еще поднялся на ноги наш бивуак – и начали все собираться к отъезду.

Два тюркмена разостлали на песке конскую попону, подошли к своему раненому товарищу, который, наконец, перестал стонать, взяли его за голову и за ноги, брякнули, как мешок, на попону и заворотили его, как пеленают маленьких детей. Весь сверток был обвязан арканом – и этот продолговатый тюк перевесился поперек седла, притороченный к нему ременными подпругами. Лошадь храпела и рвалась, когда усаживали на нее такого оригинального всадника.

– Если бы это я умер, то со мной поступили бы иначе! – невольно представлял я сам себе милую картину. – Со мной дело было бы гораздо проще. Мне бы не потребовалось целого войлока; одного мешка, маленького мешка, в чем обыкновенно дают корм лошадям, было бы совершенно достаточно, чтобы спрятать мою голову; а тело было бы брошено на месте, разве только оттащили бы его подальше от колодцев, к которым обыкновенно всякий номад питает некоторого рода уважение.

– Гайда, гайда!.. – прикрикнул Гассан, когда, наконец, и меня усадили на конский круп за седлом, и вся шайка гуськом выбралась из котловины. Выехал один всадник, посмотрел налево… принюхался, как волк, оставивший логово… За ним другой, затем третий… Фыркая и подбрасывая, выскакала лошадь с трупом, и все волчьей неторопливой рысью потянулись степью – совсем в противоположную сторону той, где все ярче и ярче разгоралась золотистая предрассветная полоска.

О, нам предстоял тяжелый знойный день, к концу которого, впрочем, Гассан, как можно было догадаться из разговора, предполагал добраться до большого лагеря на Дарье – лагеря, где, по его соображениям, должна была находиться ставка муллы Садыка, этого степного богатыря, постоянного непримиримого нашего соперника.

К вечеру этого дня мы заметили вдали какую-то дымчатую полосу, слегка волнующуюся вместе с нижним слоем нагретого за день воздуха. Полоса эта то исчезала, то появлялась снова; наконец, мы ее совсем потеряли из вида, спустившись в какую-то лощину; поднялись снова и снова увидели ее, теперь уже значительно ближе, так что можно было уже узнать воду, обрамленную белыми песчаными берегами.

– Дарья!.. Дарья!.. – протянул Гассан вперед свою руку, вооруженную нагайкой.

– Дарья! – отозвались остальные более веселым голосом.

Даже лошади обрадовались воде и чуяли хороший отдых; они заметно поддали ходу, все поводили беспокойно ушами и широко раздували красные ноздри, словно чуяли уже благодетельную свежесть водных масс.

Там и сям поднимались на самом горизонте струйки дыма, паслись верблюды на редко поросших солонцах, виднелась даже верхушка закопченной рваной кибитки, выглядывающая из-за небольшого кургана.

Чем ближе подходили мы к Аму-Дарье, тем яснее и яснее развертывалась перед нашими глазами картина необъятного военного лагеря степных кочевых народов.

Вон там весь берег, до самых отмелей, занят киргизами, адаевцами и другими народами, сочувствующими хивинскому хану; это видно по конским табунам, разбросанным на громадном пространстве, под охраной нескольких конных групп. Воинственные тюркмены – те пускают своих лошадей на подножный корм и держат их на приколе – совершенно оседланных и во всякую минуту готовых к услугам своего господина. Вон торчат их пики; издали легко принять за редкий

тростник эти тонкие, гнущиеся по воле ветра черточки… Вон кольчуги и щиты их сверкают на солнце. Дальше ярко зеленеют островерхие палатки… Везде народ, везде движение. Целые стада овец пригнаны к лагерю и столпились у воды тесными группами. А верблюдов сколько!.. Все склоны берега усеяны медленно двигающимися бурыми горбатыми массами.

– Гайда, гайда! – покрикивали мои конвойные.

– С барышом… с добычей! – кричали им попадающиеся навстречу наездники. – Где взяли?..

– Там, где и для вас много осталось! – уклончиво отвечали тюркмены. – Тюра-Садык дома, что ли?

– Мулла вчера ушел на разведки, «черные» с ним пошли…

– Когда назад будет?

– А кто его знает!..

– Жаль!.. А мы было думали… Наши на том же месте стоят?

– На косе, за камышами!

Стемнело. Огоньки загорелись во всей степи, дрожащие красные столбики потянулись от них по гладкой поверхности реки. Жалобно блеяли овцы, согнанные для водопоя. Звонко ржали лошади, хриплым ревом надрывались верблюды…

– Ну, здесь станем! – задержал коня Гассан на самом берегу реки, на краю большого тюркменского становища.

Меня страшно мучил голод: кроме крута, выпитого с водой еще на прошедшем ночлеге, я положительно ничего не имел во рту. Мои мучители, кажется, забыли обо мне и, спокойно расположившись на песке вокруг маленького огонька, на котором кипел чугунный плоский котелок, даже и не поглядывали в мою сторону. Меня положили между двух больших тюков с чем-то; в двух шагах от меня сопела и страшно воняла косматая верблюжья голова, медленно пережевывающая зеленую жвачку. Я мог только наблюдать за небольшим треугольным пространством перед моими глазами, все же остальное было совершенно скрыто от меня тюками.

– Эй, Гассан! – решился я окликнуть одного из сидящих у котла.

Тот, казалось, не понял сразу, откуда его зовут. Я повторил призыв.

– Как… это ты! – усмехнулся Гассан. – Чего тебе?

Он встал и, неловко шагая по песку в своих сапогах с острыми каблуками, подошел ко мне и сел на один из тюков.

– Коли я вам живой нужен, а не одна моя голова, так вы уж не морите меня жаждой и голодом. Вам же никакой от того прибыли не будет…

– Ишь ты какой!.. Ну вот, погоди, завтра утром придет мирза

один, он хотел у нас купить тебя – он тебя и кормить будет!

Очевидно, тюркмены передумали сдать меня Садыку, которого не оказалось в лагере, и решили продать меня первому покупщику, чтобы, во-первых, развязать себе руки, а во-вторых, поскорее воспользоваться барышом от своей военной прогулки.

– А все же дайте есть, – простонал я, – пить дайте!.. Умру до завтра… Пить!.. Слышите, пить!..

Я подполз к Гассану и уцепился за полу его халата; я решился добиться во что бы то ни стало воды и пищи или же получить второй удар прикладом по темени, который, может быть, окончательно успокоил бы мои страдания, начинавшие становиться невыносимыми.

– Ну, ну… ты и вправду подумал, что тебя уморить хотят… Вот погоди, поспеет (Гассан кивнул на котел), и тебе дадут. Лежи пока смирно…

Он отошел от меня и опять занял свое место, продолжая начатый им какой-то рассказ о прежних своих подвигах.

В эту ночь движение и шум почти не затихали ни на минуту по всему становищу. Мне даже казалось, что в этом смешанном гуле есть что-то тревожное; это положительно не был обыкновенный шум, неизбежный при такой многолюдности.

Около полуночи заворочались «тюркмены на косе», лошадей начали взнуздывать и выбираться дальше от берега. Мимо нас потянулся самый беспорядочный караван навьюченных и просто свободных верблюдов, проскрипело несколько двухколесных арб; пешие шли толпами, видимо, спеша куда-то. Конные пошли напрямик, вброд, через водный плес, далеко вдающийся в песчаные низменные берега. Все стремилось от воды дальше, словно в воде находилась настоящая причина тревоги.

Впоследствии я узнал, что эту тревогу наделали наши гребные суда, подходившие сверху, весть о приближении которых принесли сторожевые отряды.

Тронулись и тюркмены. Я очутился на верблюде, подвязанный сбоку на одном из тех тюков, что лежали подле меня.

Почти до рассвета шли мы, охваченные со всех сторон самой беспорядочной массой людей и животных. С первыми лучами солнца движение начало получать вид некоторого порядка. Показались всадники в дорогих, шитых золотом и обложенных мехом, халатах, в высоких меховых шапках; за этими всадниками везли значки на длинных древках, украшенные конскими хвостами. Гремя, звеня, бряцая, издавая всевозможные звуки, протащилась допотопная артиллерия, состоящая из трех или четырех пушек, запряженных десятком кое-как напутанных

лошадей.

Вдруг все это остановилось, шарахнулось в сторону и заволновалось. Если бы не было кругом такого оглушительного крика, визга, говора, ржанья лошадей и рева верблюдов, я бы, наверно, слышал треск разрыва гранаты над нашими головами – теперь же я видел только маленькое беловатое облачко, внезапно вспыхнувшее в воздухе – и больше ничего. Другое такое же облачко вспыхнуло еще ближе – два или три всадника кувыркнулись ногами кверху. Верблюд, везший меня, споткнулся и рухнул на землю (еще счастье, что не на мою сторону). Врозь шарахнулось все живое.

Теперь ясно слышались отдаленные выстрелы; это были глухие, словно громовые удары… Я узнал выстрелы наших пушек!

А!.. Вот запрыгала картечь, прокладывая себе страшную дорогу в этой массе людей и животных. Страшная, дикая картина разом развернулась перед моими глазами. Все ринулось в бегство, все перепуталось между собой… все, казалось, потеряло всякое сознание, всякий смысл, охваченное паническим страхом.

Я видел Гассана. Он вертелся на своем аргамаке и озирался кругом; должно быть, он искал меня. Я забился, сколько мог, за свой тюк, с другой стороны на меня повалилась издыхающая лошадь и совершенно спрятала меня от глаз тюркмена.

Мне чудилось все это словно во сне. Всадники на маленьких лошадках, в белых рубахах, в белых шапках с назатыльниками, замельками перед моими глазами…

Очнулся я в палатке капитана Г., одного из моих товарищей; около меня сидел доктор. За холстиной палатки сопел и посвистывал походный самоварчик. Я думал, что это все продолжается сон.

За свою неудачную поездку я отделался двухнедельной горячкой, после которой, впрочем, поправился очень быстро.

Впрочем, я напрасно назвал поездку неудачной. Цель ее была достигнута, а это только и нужно было. Бумаги, с которыми я был послан, отысканы были казаками в седле моего погибшего Орлика. Если бы я не переложил их в седельную сумку, то, пожалуй, тогда действительно поездка моя была бы вполне неудача, и я, может быть, даже лишился бы навсегда возможности находиться в цивилизованном обществе и тянул бы свою печальную жизнь рабом какого-нибудь кочевого мирзы в полудиком ауле.

Зара-Булакские высоты

В эту ночь мало кому довелось спать: всем было работы вдоволь, и над просторно-раскинутым лагерем стоял гул смешанных голосов и движения.

Только с наступлением совершенной темноты прекратилась беспокойная перестрелка с неприятельскими наездниками; а еще с раннего утра, чуть забрезжил рассвет, появились на горизонте эти джигиты и, как мухи, усеяли все окрестные холмы, сдвигаясь все теснее и теснее, охватывая почти непрерывной дугой наш лагерь.

Стрелки целый день сидели в канавах и дождевых рытвинах, в которых тут не было недостатка, не допуская назойливых всадников слишком уж близко подбираться к бивуакам, и уже не один увлекшийся тюркмен поплатился жизнью за свою горячность, подвернувшись под пулю шестилинейной винтовки.

К ночи неприятель скрылся; все всадники словно сквозь землю провалились, и усталая цепь наших стрелков свернулась, оставив на всякий случай в удобных местах небольшие секреты[4].

Ночь была теплая и туманная; густой пар стоял над извилиной Нурупая и над низменными, сырыми садами и огородами Катта-Кургана. Серая масса городской цитадели неясными очертаниями выдвигалась из-за деревьев. По трем дорогам, ведущим к городу, ползли, словно громадные змеи, бесконечные обозы: отправляли в безопасное место раненых, больных и все излишние тяжести. Двухколесные арбы, нагруженные до невозможности, скрипели на несмазанных осях; с треском дребезжали ветхие мостики под непривычной тяжестью; взад и вперед, путаясь между повозками, сновали верховые; по сторонам дороги, между темными кустарниками, белелись рубашки пешего конвоя. Крики арбакешей, брань на все лады, повелительные возгласы, полупьяный смех и заунывные туземные напевы смешивались с ревом верблюдов и с пронзительными воплями ишаков.

Красные пятна костров, расположенных по берегу реки, длинными столбами отражались в воде; черные фигуры окружали эти пятна, ворочая в грудах раскаленных угольев длинными сучковатыми жердями. Густой дым боролся с туманом, и в воздухе несло по ветру кухонным чадом. Хотели еще до рассвета приготовить для солдат чего-нибудь горячего, благо под руками было достаточно некупленного мяса. Опытные фуражиры нагнали к лагерю всякого скота, и рогатого, и безрогого, и между повозками обозов неподвижно лежали трупы быков.

У самой дороги, при въезде в разрушенный до основания Чаганак[5], рота солдат усиленно работала китменями и мотыгами, проделывая дорогу для проезда тяжелых батарейных орудий. Дружно взмахивались и опускались тяжелые инструменты; пар валил от потных рубах; с глухим грохотом, поднимая облака пыли, рушились глиняные стены… «Проворней, ребята, проворней!» – покрикивало, сидя в сторонке, усатое начальство; и судорожно, порывисто закипала притихнувшая на минуту стукотня, и солдаты, поплевывая на руки, вскидывали глазами в ту сторону, где искрились красные точки закуренных сигар и откуда несло аппетитным букетом маркитанского рома.

– Батюшки!.. Словно обжег проклятый… – вдруг раздается в толпе работающих, и солдатик выпускает из рук тяжелый китмень, хватаясь за ногу, обутую в дырявый сапог: он наступил в темноте на скорпиона, а эти ехидные насекомые во множестве гнездяется в трещинах стен жилых и нежилых строений.

– Пожалуйста, чтобы были люди у лазаретных фур, – горячо говорил кому-то какой-то приземистый доктор, неловко скорчившись на казачьем седле. – А то, как и в прошлый раз, ни души… ну как есть, ни души; согласитесь, что не могу же я один с фельдшерами…

– Варгушин!.. Где ты там, скотина, пропал с чайниками?.. – вопит кто-то из-под палаточного навеса.

– Всех адъютантов к генералу…

– Ни одной карты… это удивительно!.. Даму бьет, девятку бьет, и пошел, и пошел…

– У меня в роте половина людей перепилась, – говорил за стеной густой бас, – я уже велел, чтобы их в арыке отмачивали.

– Дементьев убит, Мамлыгин тоже, а Савельеву, братцы мои, голову, как есть, до самых мозгов рассадили…

– До мозгов, ишь ты!.. Что же, помер?..

– Ершов сказывал, что мычит еще; голосу, то есть настоящего, не подает, а мычит…

– Мы две цыганки черно-о-о-кие! – завывал чей-то тенор…

– Мы за неверррность готовы кровь пролить! – подхватывал тот самый бас, который говорил, что у него полроты перепилось.

Шипя, прорезала темноту огненная лента ракеты, громко хлопнула она в воздухе; эхо подхватило удар и понесло его по окрестным холмам, дробя в бесконечных перекатах. Барабаны в разных местах лагеря глухо забили подъем. Зазвенели казачьи трубы и шарахнулись в коновязях стоявшие до сих пор спокойно артиллерийские лошади.

Беспорядочный говор и шум на секунду затих при первых

звуках тревоги, и снова закипел и разлился по всему лагерю, но совершенно в другом тоне: прежней неопределенности и беспорядочности уже не было; слышно было, что всякий знает, куда бросаться и что делать. Опытное ухо могло бы смело разобрать, что и в каком месте лагеря творится.

Над горизонтом, между двух громадных карагачей, поднимался огненный серп последней четверти луны – ее-то мы и ждали, чтобы начать выступление. Стало холоднее, и звезды ярче заблистали на темном небе. Туман поднялся выше и расплывался в свежем воздухе. Где-то далеко закричал петух, ему неожиданно ответил, хлопая крыльями, петух на ротной повозке; шарахнулись испуганные кони… «Ишь, леший!» – произнес конюх солдат и замахнулся кнутом на усердную птицу.

Долго вытягивались войска на дорогу, снявшись со своих бивуачных позиций. Лошади, тяжело дыша, волочили пушки, колеса которых без стука ворочались в густой пыли, доходящей почти до колена. Надо было подняться на довольно крутую гору по узкой улице между разрушенных сакель Чаганака.

– Подхватывай, братцы, подхватывай!.. – кричали выбивающиеся из сил артиллеристы, и солдаты, забросив ружья за плечи, хватались за станины и за постромки. – Ну, еще! Ну, еще маленько… Разом!..

Лошади, готовые уже остановиться, снова натягивали уносы и порывистыми прыжками выносили на гору свою тяжелую ношу.

На вершине обрыва, рисуясь темными силуэтами на небе, стояла конная группа: это был командующий войсками со свитой. Пониже в беспорядке теснились конвойные казаки, белые конские морды и светлые тряпки значков мелькали там и сям в темноте.

Гуськом, друг за другом, медленно ползли в гору темные массы, раскачивая своими громадными вьюками, заражая воздух таким отвратительным запахом, свойственным исключительно только одним верблюдам, что солдаты невольно зажимали носы и отплевывались.

Беспорядочными толпами казаки выбирались на дорогу, и густые тучи пыли неслись вслед этим конным массам.

А сзади, на местах брошенных бивуаков, вдруг запылали яркие огни и поднялось пожарное зарево: это отсталые позажигали весь брошенный хлам и остатки топлива, запасенного широкой, нехозяйской рукой. Не доставайся, мол, ни нашим, ни вашим: таково уж здешнее, туркестанское правило.

Голодные собаки, не те, которые всегда во множестве прикармливаются солдатами и составляют ротную собственность, – эти никогда не бывают голодны, и в настоящую минуту они весело снуют между ногами пехотинцев, – а совсем

другие собаки, Бог весть откуда набежавшие, поджав хвосты, робко озираясь, оскаливая зубы при приближении себе подобных, шныряют по лагерю, подбирая все, что только годится в снедь. Бродят в темноте и какие-то человеческие тени – полуголые, также робко, по-собачьи озираясь и судорожно бросаясь на какую-нибудь тряпку, кинутую солдатом за совершенной негодностью.

Мало-помалу выбрались-таки совсем на дорогу. Даже обозы вытянулись, и лошади бодрее поволокли повозки по относительно ровному пути.

Наконец, разместились все, где кому следовало быть по предварительному распоряжению: кому нужно было идти вперед – те прошли; другие, сойдя с дороги, дожидались в стороне своей очереди. Даже, несмотря на темноту, можно было заметить, как из хаоса, беспорядочно волнующегося еще там, где только что оканчивался подъем, образовывалось что-то похожее на движущуюся армию. К тому же перед рассветом поднялся довольно сильный ветер и относил в сторону пыль, поднятую тысячами людских и конских ног, и дышать стало свободнее, да и можно было видеть сколько-нибудь ясно, что делается по сторонам, не так, как внизу, где положительно приходилось идти ощупью.

Почти сутки, проведенные без сна, оказывали свое действие на всех; едва только окончилась лихорадочная суета сборов и подъема и началось относительно покойное походное движение, как стала одолевать всех сонливость, которую невозможно было разогнать ничем. Пробовали песни петь, затягивали песенники: «Как султан турецкий захотел с Россеей воевать», но на этом и оканчивалась их энергия, а уже на словах: «стал он войско собирать…» совсем затихла песня, и солдаты, спотыкаясь, клевали на походе носом и вздрагивали, широко раскрывая и протирая грязными пальцами свои осовелые глаза. Казаки – так те совсем спали на своих покойных седлах, со свистом прихрапывали и даже бредили во сне; один рыжебородый урядник даже про какую-то тетку Дарью вспомнил, да вдруг, как сноп, с седла повалился и заорал на всю сотню, спросонья должно быть: «Голубчики, режут!..»

Забелелась на востоке полоска утренней зари, одна за одной потухали звезды, уступая более яркому свету. Ветер усилился, и неприятная дрожь пробежала по спинам, забираясь в холщовые солдатские рубахи.

Исторические события, предшествовавшие настоящему дню, сложились следующим образом: все наши силы, которыми мы располагали в 1868 году для похода в бухарские пределы, разделились на две массы: одна расположена была под Катта-

Курганом для наблюдения за тем, что делается со стороны Бухары, другая же – и самая главная – занимала Самарканд с самого дня его сдачи, т. е. с 1 мая. Отсюда предпринимались разные более или менее удачные экспедиции в горы, к Ургуту и к Кара-тюбинтскому ущелью, но экспедиции эти не принесли никаких существенных результатов. Все горные народы восстали чуть не поголовно и двинулись к Самарканду; к тому же получено было известие из Катта-Кургана, что эмир со своими главными силами остановился не более как в двенадцати верстах от города и что войска наши там недостаточно сильны, чтобы предпринять против него что-нибудь решительное. Тогда командующий войсками, оставив в Самарканде небольшой гарнизон, со всеми остальными силами направился на помощь катта-курганскому отряду и, дав войскам отдохнуть после похода один день, предполагал напасть на эмира, разбить его и, таким образом, иметь перед собой только одного противника, именно Шхарисябского бека с его горными союзниками. Так вот, значит, мы теперь шли разбивать эмира, а где он находился и в каких силах, мы положительно не знали; существовало множество самых разнообразных предположений, но только ничего положительно верного. Массы конных тюркмен, киргизов и разного сброда, являвшиеся аккуратно с рассветом в виду нашего лагеря и исчезавшие с темнотой наступающей ночи, ясно говорили о присутствии невдалеке значительных неприятельских сил, около которых группировались эти подвижные массы, но в чем заключались эти силы, мы, как я уже сказал, не знали ничего приблизительно.

Впрочем, мы почему-то не сомневались в успехе; никогда еще, во всех наших среднеазиатских походах, не собирались русские войска в таких крупных массах, как в настоящем случае: насчитывалось до трех тысяч человек – разного оружия, а эта цифра, по здешним войскам, считается весьма солидной.

Скоро рассвело окончательно, и на востоке появился сквозь пыль и туман мутный беловатый круг восходящего солнца.

Ветер дул порывисто, без всякого определенного направления. Справа и слева, спереди и сзади неслись на нас пыльные тучи, местами поднимались к небу винтообразные столбы степных смерчей; и по мере того, как солнце поднималось все выше и выше, наступала удушливая жара, сменявшая ночную прохладу.

Вот к завываниям ветра начали примешиваться какие-то живые звуки: казалось, что в пыльных тучах несутся со всех сторон одушевленные существа, такие же крылатые, так же неуловимые, как степной ветер, с воем которого слились их

заунывные вопли.

Там и сям замелькали неопределенные черные точки: больше, и больше, и живая лента, прерываясь в тех местах, где гуще клубилась степная пыль, и яснее очерчиваясь там, где проносилась струя жаркого ветра, охватывала мало-помалу наши походные колонны.

Быстро приближались эти точки, росли по мере своего приближения, и можно было различать уже что-то похожее на всадников, но точки эти внезапно разрешались беловатым клубочком дыма и исчезали из глаз, прежде чем успевал долететь до слуха сухой звук ружейного выстрела.

Чу! Далеко сзади послышались глухие удары… Один, другой… Два разом… Это заговорили в арьергарде наши пушки. Пользуясь растянутостью наших обозов и малочисленностью прикрытия, которое не превышало трехсот человек, тюркмены вплотную насели на наши хвосты и произвели страшный переполох в обозных вереницах. Подгоняемые непрерывными ударами плетей, тощие лошади, запряженные в арбы, собрали последние усилия и, несмотря на тяжесть груза, пустились вскачь, чтобы из растянутых караванов сплотиться в более сплошную массу, которую удобнее было бы прикрывать небольшим числом нашей пехоты. Перепуганные выстрелами верблюды, не жалея своих окровавленных ноздрей, рвались со своих волосяных привязей. А неприятельские наездники все ближе и ближе подскакивали к обозу и своими длинными, гибкими, как хлысты, бамбуковыми пиками чуть не ссаживали с седел оторопелых арбакешей.

Вот высокая, длинноногая белая лошадь, до сих пор довольно благополучно тащившая свою арбу, крытую полосатым киргизским ковром, замялась, попятилась назад и стала. Смуглый сарт, в засаленной тюбетейке и изорванном бумажном халате, усиленно заработал голыми пятками по тощим бокам заупрямившегося коня.

– Чего стал, леший… – налетел на него уральский казак. Из-под ковра выглянула испуганная личность в белом кепи на стриженой голове; в руках у нее была форменная офицерская сабля, вся заржавленная, дребезжащая в костлявых руках своего владельца.

– Постой, каналья… ты у меня пойдешь… пойдешь… пойдешь.

И он принялся сверлить под хвостом несчастной лошади.

Ударило задом бедное животное, взвилось на дыбы, рванулось и понеслось в карьер, прыгая через водомоины.

Маленькая азиатская пулька шлепнулась о седло одного

верблюда; тот пошатнулся и упал на колени; другой оторвался от него и, тяжело разворачиваясь, неуклюжей рысью побежал в степь как раз к неприятельским всадникам. Несколько казаков поскакали за ним, но тотчас же вернулись, благоразумно уклонившись от опасности поздороваться с пикой тюркмена.

– Пропали наши сухари! – говорил один пехотинец другому, видя, как всадники тотчас же окружили добычу.

– Что же, нешто он им на пользу, – отвечал товарищ, – потому как наши сухари без привычки никак жрать невозможно!

– Эвось, поволокли его сердечного!

– Берегись!.. Ах ты, проклятый, чуть-чуть не ссадил… Погоди-же ты…

Солдат приложился…

– Стреляй по красному!

– Есть. Эх, мимо, никак… Нет, гляди-ко, валится… Валится… Бац… Готов, значит.

И солдат пытливо поглядывал вдаль, вскинув свой штуцер и роясь в глубоком кармане красных кожаных шаровар, где он отыскивал ружейный капсюль, завалившийся между сухарными крошками.

Кое-как, с большими усилиями, удалось собрать бесконечный обоз во что-то похожее на громадный, движущийся квадрат, защищать который было несравненно удобнее. Неприятельская кавалерия стала держаться поодаль, коль скоро оборона приняла более правильный характер. Из-под войлочных верхов повозок повылезали на свет Божий разные личности, благоразумно укрывавшиеся до сих пор от опасности попасть под удар закатанной в свинец глиняной пульки, которыми обыкновенно стреляют из фитильных пищалей, или, в крайнем случае, под тонкое, как ножка циркуля, острие тюркменской пики.

А пыль поднималась все гуще. Сквозь эту пепельную подвижную завесу едва можно было различать влево от дороги неопределенные очертания волнообразных холмов, из которых один, средний, поднимался значительно выше прочих, изогнувшись седлом почти на самой вершине. Это были Зарабулакские высоты. Впереди чуть виднелись группы сакель деревни Зара-булак, а над ними широкие, развесистые вершины деревьев.

Авангард наш прошел уже мимо высот и скрылся за саклями. До сих пор, кроме неотвязных групп неприятельской кавалерии – групп, к которым как бы они ни были многочисленны, туркестанские пехотинцы привыкли питать глубочайшее равнодушие, – мы ничего не встречали. Правда, мы пристально всматривались в ту туманную черту, в которой рисовалась в

пыльном воздухе вершина главной зарабулакской возвышенности: нам казалось, что эта едва заметная кривая линия, словно колыхалась, словно вся она была покрыта чем-то живым, и это живое группировалось по временам в длинные красноватые массы. Нам особенно подозрительным казался этот оттенок, весьма близкий к цвету курток регулярных войск эмира Мозофара-Эддина. Мы даже замечали что-то похожее на большие треугольные знамена, которые на своих длинных древках, как тени, веяли над этими линиями.

Скоро мы были выведены из недоразумения.

Прежде чем долетел до нас глухой гром пушечной канонады, мы увидели, как вся поверхность холмов покрылась клубами белого дыма. Какие-то тяжелые снаряды со стуком падали между наших колонн и зарывались в мягком грунте. Бичуя воздух, звеня и дребезжа, пронеслась картечь высоко над белыми кепи пехотинцев… Понятно стало всем, в чем было дело: мы прошли мимо позиции бухарских войск, которая очутилась у нас с левой стороны и поспешила приветствовать нас весьма оживленным и энергическим, но, по неопытности артиллеристов и недоброкачественности орудий, не слишком губительным огнем.

Все приостановились, как будто озадачились немного. С минуту не сообразили, как и что – послышалось множество команд самых разнообразных и даже противоречащих друг другу.

– Каша! Каша! – кричал, задыхаясь, худощавый штабс-офицер, суетясь на лошади, в беспорядочной толпе белых рубах; ему очень хотелось преобразовать эту толпу в нечто похожее на стройный батальон, и он пытался подействовать на самолюбие солдат, подобрав такое обидное сравнение.

Расталкивая солдат, в щеголеватом, коротеньком кителе прискакал на сером коне один из адъютантов.

– Это четвертый батальон? Генерал приказал… чтобы сейчас…

Шагах в десяти шлепнулось ядро, за ним другое, несколько ближе. Адъютант исчез.

Само собой, словно инстинктивно, дело делалось, как следует: машинально каждый повернулся лицом к неприятелю, и всякий, как кто стоял, так и пошел прямо на выстрелы.

Значительно левее, совершенно отдельно от всех, шел какой-то батальон в стройном порядке, странно режущем глаза в общей неурядице. Впереди колонн, волнуясь, то выбегая вперед, то припадая к земле, бежали стрелки. Между белыми взводами линейцев ярким пятном рисовалась группа пехотинцев в красных куртках, в белых чалмах, с локонами черных, блестящих волос, раскинутых по зеленым воротникам курток. Это была рота

афганцев-ренегатов, передавшихся нам с Искандер-ханом еще за месяц до открытия военных действий. Теперь они шли вместе с нашими солдатами на неприятеля, от которого отличались только узкими белыми перевязями на левых руках.

Впереди, почти тотчас же за цепью стрелков, ехал высокий красивый всадник с роскошными льняными бакенбардами – и как ехал! Покойно, молча, не обнажая оружия, с сигарой в зубах, пристально всматриваясь в красные ряды неприятеля, сползающие с высот навстречу этой горсти гяуров.

Нога в ногу, словно отчеканивая, подавались роты, усиливая шаг по мере приближения. Чем менее становилось расстояние, отделявшее белых от красных, тем яснее и яснее замечалась громадная разница в численности той и другой стороны. Длинные фланги бухарской пехоты, словно гигантские руки, загибались, охватывая русский батальон; зашитые в золото всадники горячились на своих аргамаках, ударами сабель возбуждая в задних рядах порывы заметно угасающей храбрости.

На минуту приостановились бухарцы, и по всем их линиям затрещала ружейная пальба; синий дым затянул эти линии…

Дикий вопль на разные лады пронесся в воздухе: красавец-всадник поднял руку, и, как охотничьи псы срываются с освобожденных свор, рванулись вперед белые рубахи, высоко взмахнув ружейными прикладами.

Стройные крики «ура!», которые мы слышим на парадах и на маневрах, не дают понятия о том адском хаосе звуков, который слышится в минуту отчаянной свалки. Те, кто в данную минуту перестали быть людьми, не могут издавать человеческих звуков: рев, свист, пронзительный визг, то что-то похожее на дикий хохот, то жалобное, почти собачье завывание, смешались с характерным стуком окованных медью ружейных прикладов о голый человеческий череп.

Рукопашь завязалась.

А между тем сзади разыгралась оригинальная, трагикомическая сцена. Скрипя и раскачиваясь, катилась целиком по степи неуклюжая лазаретная фура. Она скакала по направлению к атаковавшему батальону. Тяжелым галопом, спотыкаясь и чуть не падая, прыгала тройка приземистых лошадок; усердно накаливал кнутом по всем трем спинам длинный, худой солдат, привстав на козлах; винтовка с примкнутым штыком билась у него за спиной. Из-под холстинных занавесок фуры выглядывали испуганные лица фельдшеров еврейского происхождения.

Пригнув гибкие пики, привстав на стременах, неслись со всех сторон тюркмены, догоняя фуру. Особенно два всадника близко

вертелись около самой почти тройки, не решаясь наскочить для удара; их пугал толстенький всадник на чалой лошадке, который то справа, то слева вертелся около фуры, грозя наездникам своим револьвером. Этот всадник был герой-доктор, всегда поспевавший со своей фурой и пособиями в самые горячие места боя. И теперь он спешил догонять свой батальон, зная, что ему работы будет достаточно.

Еще бы минута, и не спасла бы беглецов даже докторская отвага и его незаряженный револьвер, но тройка доскакала и врезалась между атакующими.

Далеко сзади, распластанные крестообразно на серой земле, лежали несколько белых фигур; одна из них пыталась приподняться, отделяя от земли голову и выгибаясь конвульсивно всем туловищем.

Всадники, которым не удалось догнать лазаретную фуру, заметили их и поскакали по тому направлению. Доскакали, сошли с лошадей, что-то повозились с телами и торопливо поскакали дальше…

Какую скверную, отталкивающую форму имеет человеческое тело, от которого отделяют голову: сразу даже не разберешь, что это такое. Зияет багровый разрез, хлещет алая кровь и, шипя, смешивается с пылью, запекаясь в черные клубы, темной дырой виднеется перехваченное горло…

Зрелище, к которому привыкают… но с большим трудом. Я знал многих господ, которые весьма спокойно сравнивали это со свежеразрезанным, переспелым арбузом[6].

Бессознательно выпучив помертвелые глаза, с искаженными чертами лица, с открытыми ртами, бухарцы как-то странно, почти машинально махали своими дрянными ружьями; они, по-видимому, не сознавали, где они и что делают. Тупой ужас овладел ими; этот ужас не был похож на обыкновенный панический страх, под влиянием которого бегут, не решаясь даже оглядываться. Несчастные видели перед собой не белые рубашки русских, нет; перед ними рисовались адские чудовища с тысячами рук, с красными раскаленными пастями, дико вопящие и ревущие. Они даже боли не чувствовали и без стона падали на землю, когда ружейный приклад раскалывал им черепа или тупой штык рылся в распоротых внутренностях…

Они находились под влиянием паров опиума, усиленных палящими лучами, почти вертикально над головой стоящего солнца, до размеров кровавого кошмара. Это их с утра угостили так по приказанию эмира для возбуждения храбрости. Теперь понятен был тот озадачивший нас всех сначала прилив необычайной отваги, с которой бухарцы встретили нашу атаку, а

не бежали, как всегда, при первом ее начале.

Вся эта громадная толпа, в несколько тысяч человек, мало-помалу подавалась по тому направлению, по которому шел русский батальон; только с левой стороны упорней держались красные куртки: там была афганская наемная бригада, и афганцы, видимо, добирались до своих бывших товарищей, благоразумно державшихся в середине, укрываясь между нашими ротами. На этих и опиум не действовал, или они накурились его не в такой сильной мере, как бухарцы. На высоком вороном коне, весь сверкающий золотом и камнями, в кольчуге и с круглым щитом на левой руке, бесновался начальник этой бригады, напирая грудью коня прямо на штыки русских: он заметил Мирамура, командовавшего нашими афганцами, и с пеной у рта, ругаясь на все лады, ринулся прямо на него; тот увильнул. Попятились наши, опрокинутые напором горячего коня, но это была только секунда торжества. Несколько штыков впилось под ребра, в то место, где кольчуга перехватывается широким кушаком, и всадник повис, судорожно хватаясь руками за концы ружейных стволов. Со стоном рухнул на землю конь-красавец, и зазвенела дорогая сбруя в конвульсиях издыхающего животного.

Подались, наконец, и афганцы и повернулись к нам спинами.

Это не было бегство, это не было отступление; это было что-то непонятное, озадачившее даже наших туркестанцев, никогда не озадачивающихся.

Они шли тихо, понурив головы, столпившись в плотные массы; никто не оглядывался. Тот, кого догоняла пуля, молча падал ничком на землю, тяжело подымался, если у него хватало еще на это сил, и снова падал без поддержки, без всякого внимания со стороны своих товарищей; казалось, каждому только до одного себя было дело, да и о себе-то, кажется, никто не думал: в отуманенном мозгу не было места для какой-нибудь определенной мысли, только пересохший от жажды язык машинально бормотал всякую нелепицу из корана, и над толпами носился смутный говор, весьма напоминающий бессвязный бред сонных.

Когда мы осмотрелись несколько вокруг после отвратительной бойни, то заметили, что стоим на самом гребне зарабулакской возвышенности. Правее выдвигались в беспорядке из-под лощины наши, лениво стреляя по отступавшим. Далеко, то спускаясь, то поднимаясь с холма на холм, двигалась густая масса кавалерии с распущенными в воздух разноцветными значками: это были казаки из авангарда. Из оврага, который наискось пересекал всю позицию, теряясь в волнистой линии горизонта, словно из земли вырастали одна за одной наши пушки;

снимались поодиночке с передков, едва только выбирались на высоту, и белое облако дыма, внезапно вспыхнув на том месте, где видно было только что орудие, закрывало собой на минуту и саму пушку, и кучку людей, суетливо около нее бегающих, и группу лошадей, отъезжающих с передками.

Все более и более растягивалась та полоса, которая отделяла нас от отступавших; вот уже не видно отдельных фигур, вот уже эти красные толпы стало затягивать, словно туманом. Широкий, страшный след оставляли они за собой. Это все были человеческие трупы; но как мало похожи были они на тела: казалось, что степь была усеяна грязными красными и беловатыми тряпками, – если бы эти тряпки местами не шевелились в предсмертных агониях, если бы они не издавали звуков, потрясающих до глубины души.

Глухой громовой удар потряс воздух – это далеко в горах разразилась гроза, и ее торжественный отголосок пронесся над нашими головами. Обнажились сотни стриженых голов, и грязные, окровавленные пальцы сложились для крестного знамения…

Обозы, освободившиеся от натисков неприятельской кавалерии, скоро растянулись по дороге, и голова их подходила уже к селению Зура-булак. С высоты верблюжьих вьюков, с нагруженных арб сотни глаз жадно следили за ходом дела. Генеральские лакеи, забравшись на козлы тарантасов, вооружились биноклями.

– Имеем честь с победой поздравить! – произнес с некоторой степенностью повар в парусинном статском костюме, с французской бородкой под нижней губой.

– Неужели видно, Василий Петрович? – говорил голос из глубины экипажа.

– Весьма явственно… я даже своего генерала узнал…

– В лицо-с?!

– Больше по их сановней осанке… опять же, значок с эмблемой…

– Голубчики мои! Наши-то как поперли!.. – заорал с телеги солдат с подвязанной рукой.

– Малайка, кричи сперва ура! Валяй за мной! – и писарь завопил, сложив руки трубой у рта. Татарин сплюнул и презрительно хмыкнул.

– А! Так ты так…

– Ну… ну… невежа…

Писарь юркнул за арбу.

Как раз посередине деревни, заросшей камышом и тиной,

находился небольшой пруд. Из него вытекал узенький ручей, пересекал поперек улицу и между кустами тальника пробирался вниз, в заравшанскую долину. Через этот ручей вел небольшой, полуразвалившийся мостик, и арбам пришлось проходить поодиночке. Это обстоятельство остановило обоз надолго, и все разбрелись шарить и рыскать по дворам и саклям, оставленным по большей части жителями. С громким кудахтаньем перелетали с одной крыши на другую пестрые стаи кур, спасаясь от града камней и палок; подшибленным вертели головы и прятали их под кошмы повозок. Два осла бежали с пронзительным ревом, путаясь в растрепанном вьюке; цветные одеяла волочилась по грязи, из мешка сыпалась медная посуда, звеня под копытами испуганных животных. С разбитым лицом, волоча перебитую ногу, выполз из-за угла седой сарт, приподнялся, цепляясь рукавами за выступы штукатурки, и рухнул в густую крапиву, оставив на стене красные полосы. Там и сям раздавались выстрелы.

Над одной арбой поднялся густой черный дым – это загорелся тюк с различной одеждой, вымененный у солдат на водку. Маркитант из казанских татар кинулся спасать свое добро.

– Ребята, пожар!.. – крикнул кто-то.

Около злополучной арбы собралась целая толпа.

– Господа… братцы!.. – стонал маркитант.

У запертых ворот караван-сарая собралась значительная группа солдат и казаков. На своих массивных, железных запорах, ворота выдерживали натиск и не поддавались. Несколько ружейных прикладов разлетелось вдребезги в чересчур усердных руках. Раздавались крики: «Тащи вон там бревно!.. Подкладывай!.. Поддавай дружней!.. Орудию бы сюды… Ну, еще разом… ну…»

Ворота затрещали.

– А народу-то там что – страсть! Гляди-ка сюда в щель!

Не выдержали, наконец, запоры и подались: разом распахнулись ворота, и передние попадали прямо под удары китменей и батиков[7].

– Наших бьют!

– Вали все сюда… Помоги!!

Началась резня.

Прижавшись к стене, стиснув бледные губы, махая своим тяжелым орудием, предназначенным для другой, более мирной цели, отбивались найманы, задыхаясь от едкого дыма направленных в упор выстрелов.

– Ячменю набирай в торбы. Не зевать! – распоряжался казачий урядник, верхом проехавший в тесные ворота. – Говорил подлецам, чтобы захватили копы (мешки) с собой, теперь хоть в

штаны накладывай, а чтоб было… беспременно…

– Вон все отсюда! К арбам! – кричал из-за стены начальнический голос. – Ишь, напакостили сколько… к арбам, черти!

Обоз все подавался и подавался вперед, прошли разгромленной улицей и остальные повозки, прошел и арьергард. Прибыли офицеры, которые позаботились разогнать мародеров, и по дворам и саклям разоренного селения бродили только, подбирая брошенное, все те же оборванные тени, которые, как шакалы за львами, бродят за нашими. Бог весть, откуда являются эти существа; если вы начнете всматриваться в черты этих тощих лиц с заискивающим, собачьим выражением, с гноящимися глазами, покрытыми всевозможной лишайной сыпью, то вы найдете и намеки на характерный монгольский тип, и прямые крупные черты тюркских племен, и сквозь слой грязи различите красный значок индийца – парии, не забывавшего мазать себе на лбу изображение вечного пламени. Никто не помнит, где именно пристали они к отряду, никто не замечает убыли и прибыли в этих стаях; все столько же сегодня, сколько и вчера было, сколько было и прежде; а действительно убывает их немало – сколько их гибнет во время грабежа, так называемой баранты, где они подвертываются под руку расходившихся солдат. Без жалости бьют их и туземцы, зная, с какой гнусной целью бродят они за русскими. Чтобы избегать опасности, они держатся в стороне, где-нибудь в скрытых местах, или же примешиваются к погонщикам арб и верблюдов.

Некоторым из этих несчастных судьба улыбается, и в два-три похода они успевают приобрести себе что-нибудь похожее на одежду, а иногда даже и ослика, на котором и разъезжают впоследствии. Иные из них ухитряются приобрести себе знакомство между солдатами, с помощью различных услуг, а от знакомства недалеко и до покровительства. Эти счастливцы решались даже напяливать поверх своих лохмотьев старый солдатский мундир или казачью одежду. Тогда они называли себя джигитами, жили в лагерях вместе с русскими, преимущественно поблизости кухонь, служили чем-то вроде шутов и составляли первое ядро нашей туземной милиции. Но таких счастливцев было очень немного; в ряды попадали только молодые, успевавшие чрезвычайно быстро отъедаться и округляться на объедках из ротных котлов.

Часам к четырем пополудни стянулись все войска к месту отдыха. Бивуаки расположены были по краю заравшанской долины между селениями Шарык-хатынь и Магаль и тянулись версты на полторы по линии крайних садов, так что всем ротам

досталось стоять в тени и поблизости воды, что составляет одно из самых важных условий бивуачного расположения.

Бухарская дорога шла вдоль бивуачной линии, и все обозы заранее были расположены по этой дороге.

Между бивуаками авангарда и главных сил протекал широкий и глубокий ручей Шарык-хатынь, и по его берегу, в тени громадных тополей, урюковых и абрикосовых деревьев, расположилась главная квартира.

Всюду поднялись высокие столбы дыма: целые бревна из разобранных крыш подкладывались под котлы, и красное пламя взвивалось языками кверху, облизывая черные, закоптелые бока чугунных посудин. Тут же неподалеку ярко краснели свежевыпотрошенные внутренности зарезанных быков, и парные туши были подвешены повыше на ветви деревьев, для безопасности от проголодавшихся псов. Смелые вороны, каркая, садились на эти ветви, бочком подбираясь к мясу. С шумом, похожим на крупный дождь, сыпался на землю недозрелый урюк, трещали ветви, не выдержавшие тяжести забравшихся на них солдат. Ротные лошади весело ржали, завидев издали конюхов, которые тащили на спинах зеленые, душистые вязанки свеженакошенного клевера… Бивуаки быстро принимали свой обычный шумный, оригинально-пестрый вид, и маркитанты в обозах, раскинув яркие, азиатские палатки, открыли свой выгодный торг спиртом и привозными винами.

В широком месте Шарык-хатына, близ моста, на бухарской дороге плескались и копошились в грязной воде сотни голых тел – тут же, кстати, мылись и рубашки, и просушивались на солнце, разложенные на траве или развешанные на ружейных козлах. Длинными вереницами артиллеристы и казаки вели на водопой лошадей. В офицерских палатках слышалось то хоровое пение, то возгласы: «На пе! Угол от валета, девятка по полтине очке… Запишите за мной… Нет, батенька, лучше пришлите, я иначе не бью».

В походных канцеляриях дружно работали адъютанты и писари, сочиняя материалы официальных реляций.

В прохладной лощине, между двух стен, на разостланных войлоках лежали наши раненые. Им было очень удобно: легкий ветерок, прорываясь по лощине, освещал знойный возлух и уносил различные миазмы; ветви фруктовых деревьев, низко свесившиеся из-за стен, словно гигантские зонтики, защищали лежавших от лучей солнца. Тут же, у самых ног, тянулся арык со свежей, проточной водой; говор и шум бивуаков не так резко доносился в это укромное местечко, выбранное с любовью и со знанием дела все тем же толстеньким доктором.

У входа стояла лазаретная фура, между поднятыми оглоблями которой, под натянутой парусиной, устроено было уютное помещение, лично принадлежащее доктору. Молодой солдат еврейского происхождения мыл в арыке бинты и сворачивал в трубочки, другой приготовлял тазы и ампутационные инструменты. Сам доктор, засучив до плечей рукава рубашки, подвязав себе салфетку вместо фартука, обходил раненых.

Несколько солдат пришли из лагеря проведать своих товарищей. Все говорили шепотом, с некоторой торжественностью, только веселый, немного писклявый голос владыки и повелителя этого места скорбящих громко раздавался то около одного, то около другого раненого, ободрительно действуя на упавший дух несчастных, разгоняя тоскливое, тяжелое чувство.

Афганцы лежали немного в стороне; за ними ухаживали их же товарищи, присланные сюда Искандер-ханом. Между ними нашелся даже один эскулап, который с сановитой важностью размазывал по тряпкам какое-то зелье. Ему никто не препятствовал применять на практике свои медицинские познания, тем более что почти все туземные лекари отлично умеют лечить всевозможные, особенно поверхностные, раны.

Одному афганцу, у которого совершенно раздроблена была рука, пришлось делать ампутацию; он долго не соглашался, кричал, ругался, призывал на помощь Аллаха и своих товарищей, но потом успокоился, увидев, как сделали у него на глазах подобные же операции нескольким нашим солдатам, и покорно протянул свою искалеченную руку нашему доктору.

Вообще, заметно было, что туземцы, поняв значение хлороформирования, охотно прибегали к этому способу, между тем как наши солдаты предпочитали выносить операции, сохраняя при этом ясное сознание всего, что их окружало: они недоверчиво относились к этому неприятному чувству обмирания и боялись не проснуться вовсе.

Совсем поодаль, так что раненые не могли видеть, лежало несколько тел, покрытых с головами солдатскими шинелями. Все, что шумело кругом, приближаясь к этому месту, притихало, словно из боязни потревожить умерших. Вот какая-то пегая собака с громадной костью в зубах на всем собачьем карьере задела за ружейный козел, оружие повалилось с дребезгом и звоном; сидевший поблизости солдат громко ругнул неосторожного пса, но на половине характерной фразы вдруг оборвал и покосился в ту сторону, где серое солдатское сукно угловатыми линиями облегало сложенные на груди неподвижные

руки и торчавшие врозь носки грубых сапог.

Конюх с кнутом поминутно бегал отгонять собак от этого священного места, одной только мохнатой черной шавке сделано было исключение. Свернувшись клубочком, лежала она у ног убитого и так жалобно взвизгивала при приближении конюха, что у того не хватало духу прогнать грустившее животное.

– Ну, ну, лежи! Тебя не трону… – ворчал солдат. – Ведь вот, тоже – скотина, а душа, почитай, человечья! – заметил он своему товарищу.

– Потому – чувствует! – отвечал тот, выбирая из-под ног лошадей затоптанный клевер.

Пришли еще из батальонного бивуака человек шесть, эти пришли с новостями.

– То есть, что в кишлаках (в деревнях) делается – страсть!

– Афганцы наши все туда шарахнули!

– Шандрин-горнист сказывал: баб ихних, что поотыскали!

– Ишь ты… важно! Махнем, братцы…

– Поди-ка, махни; наш бородастый увидит, он те махнет!

– Братцы, палят никак… слышь… раз…

– Ну – расходились…

Из долины донеслись отдельные выстрелы; это были наши ружья, их легко можно было узнать по отчетливому громкому звуку.

Крики, доносившиеся из долины, все чаще и чаще повторяющиеся выстрелы, наконец, вспыхнувший пожар, обратили на себя внимание тех, кому надлежало о том ведать. Позаботились унять неистовство и выгнать оттуда мародеров. В лагере велено было произвести самую тщательную перекличку, чтобы узнать, кого нет на своих местах, а в долину было послано несколько офицеров; в числе последних отправился и я.

Едва я выехал за черту наших бивуаков, как дорожка сузилась и пошла вилять между глиняными стенками огородов, на каждом шагу пересекая бесчисленные водопроводные арыки; через некоторые из них вели скороспелые мостики, через большинство – ничего не было, и мой Орлик козлом прыгал через подобные препятствия, привыкший не задумываться и не перед такими пустяками.

Почти в начале моей поездки я лицом к лицу встретился со следующей группой: два солдата в изодранных замаранных рубахах, без кепи, распоясанные, тащили на поводу маленького ослика, нагруженного всевозможным хламом: тут были и пестрые халаты, и яркие, полосатые одеяла, какие-то туго набитые мешки и разные металлические мелочи. Все это было навьючено кое-как, наспех, билось по бокам животного, свешивалось и волочилось по

земле, путаясь между ногами. Усталый ослик упирался и неохотно тянулся на веревочном поводу; третий солдат подгонял его сзади ударами здоровенной дубины.

Случилось так, что как раз при повороте с боковой дорожки вся группа лицом к лицу встретилась со мной.

– Какого батальона? – спросил я.

Солдаты переглянулись. Я повторил вопрос. В одну минуту все трое кинулись в разные стороны и принялись скакать со стенки на стенку, а передо мной вертелся только озадаченный ослик, окончательно запутавшийся в своем несоразмерном вьюке.

Пробравшись между ослом и стенкой, я поехал дальше. Пришлось спуститься под горку. С шумом, разбрасывая тысячи брызг, работала небольшая мельница; узенький живой мостик вел почти над самыми колесами; только по этому мостику можно было перебраться на ту сторону, где находился мельничный сарайчик с плоской крышей, густо заросшей травой, и длинная живая сакля. Но мостик этот был как раз наполовину перегорожен человеческим трупом: руки и бритая голова свешивалась с одной стороны, и водяные брызги от колес обмывали пробитое до мозгов темя, из которого сочилась густая черная жидкость. Тело лежало ничком и было положительно обнажено; поясница была перебита чем-то острым, словно топором, и страшно зияла. Мой Орлик упирался, фыркал на это страшное препятствие и не решался скакнуть через него, несмотря на мои одобрительные толчки в его бока. Пришлось слезть и сбросить несчастного с мостика…

Весь дворик мельницы был в ужаснейшем беспорядке: дверки в сакле были выбиты, разная домашняя утварь разбросана по всему двору, на самой середине лежал на боку разбитый кувшин с кунжутным маслом, ведра в четыре вместительности; темно-зеленая лужа масла распространяла свой характерный запах; кое-где бродили уцелевшие куры. Русские и туземные голоса слышались невдалеке, в густом фруктовом саду, прилегавшем к мельнице. Туда никак нельзя было пробраться верхом, я слез с лошади, привязал ее к колесу арбы, стоявшему у стены, и, нагнувшись, вошел, или, правильнее сказать, влез в стенной пролом. Человек шесть казаков и два афганца преспокойно лежали под тенью абрикосового куста и курили трубочки, около них находились порядочные узелки, связанные аккуратно, с походной опытностью. Казаки повскакали и, видимо, смешались; поднялись и афганцы, и оскалили свои белые, цыганские зубы…

– Вы что тут делаете?..

– Фуражиры, ваше б-ие…

– Как фуражиры?

– За ячменем присланы: урядник приказал непременно, чтобы на три дня запаслись!

– Это у вас ячмень? – указал я на узелки.

– Никак нет! – казаки замялись. – Ячменя не нашли!

– Теперь, ваше б-ие, какой ячмень, – принялся объяснять черноватый казак из башкир. – Татарва весь повысняла уже. В ямах, как есть, пусто…

– Какой сотни?

Казаки сказали. Я записал номер и велел им идти в лагерь и явиться к командиру; кстати, я велел им захватить с собой и афганцев…

Проследив немного за ними и убедясь, что они намерены исполнить мое приказание, я вышел из сада и поехал дальше на поиски.

Скоро я наткнулся на серую лошадь, оседланную офицерским седлом; лошадь эту я узнал – она принадлежала одному из адъютантов, тому самому, что так толково и ясно передавал приказания в начале боя. Два конных казака стояли тут же.

– АЫ. где?

– Там, в сакле, ваше б-ие!

Из темной сакли доносились женские голоса.

– Что вы там делаете? – крикнул я, нагнувшись с лошади к двери.

Из сакли вышел адъютант.

– Ах, это вы… Я послан тоже… эти подлецы, представьте, тут женщины. Это ужасно…

– Да, действительно ужасно, – согласился я. – Ну, садитесь и поедем вместе. Это казаки ваши?

Дальше мы поехали уже целой кавалькадой. По сторонам дороги в зелени мелькали то белые рубашки, то красные халаты и куртки афганцев; первые прятались, завидя нас; вторые же продолжали свое дело совершенно спокойно: они были положительно убеждены в законности грабежа после битвы и весьма удивлялись нашим требованиям возвратиться в лагерь.

– Посмотрите! – указал я адъютанту на что-то яркое, лежавшее в густом винограднике. Мой спутник задрожал и побледнел, как полотно. Да и было отчего.

Это что-то – была женщина, даже не женщина, а ребенок лет четырнадцати, судя по форматам почти детского тела. Она лежала навзничь, с широко раскинутыми руками и ногами; лиловый халатик и красная, длинная рубаха были изодраны в клочья; черные волосы, заплетенные во множество косичек, раскидались вокруг головы, глаза были страшно открыты, судорожно стиснутые зубы прикусили конец языка, под

туловищем стояла целая лужа крови.

Даже казаки переглянулись между собой и осторожно объехали, отвернувшись от этого раздирающего душу зрелища.

А вот и наш поплатился: из какой-то очень небольшой дверки, ведущей в землянку, до половины вырытую в земле, торчали две ноги, обутые в русские, подкованные сапоги; эти ноги были неподвижны. Казаки ухватились за них и принялись тащить наружу. Вытащили, смотрим, ничего не разберем: только и осталось человечьего, что одни ноги, все остальное буквально измолочено тяжелыми китменями.

Солнце садилось, когда я окончил свой объезд. Несмотря на мои отлично выдрессированные нервы, несмотря на привычку к виду крови и человеческих страданий, я был положительно измучен нравственно, и какие горькие, самые безотрадные думы лезли в голову и разгоняли сон, рисуя перед глазами дикие, отвратительные сцены!

Быстро, почти без сумерек, наступила ночь, и весь бесконечно растянутый лагерь победителей запылал бесчисленными огнями; над долиной только стоял густой мрак, кое-где прерывающийся зловещими пятнами пожарного зарева. Угомонились, наконец, и там, и мертвая тишина царствовала за пределами наших бивуаков, обнесенных живой цепью часовых.

Когда минутами вдруг стихал разнообразный гул бивуачного движения и наступала неожиданная затишь, из степи, той страшной безводной степи, куда ушли на свою погибель разбитые бухарские войска, доносился хриплый вой волков, бродивших по месту побоища; щедрой рукой рассыпана была им пожива в степных лощинах, по скатам холмов, на гребнях высот, опаленных солнцем.

Чу! Вот и в нашем лагере завыл кто-то по-волчьи: это маркитант, у которого тайком просверлили днище у спиртного бочонка. Вот еще… нет, это хоровое пение в одной из офицерских палаток. Жиденький тенорок затягивает с вариациями:

Горные вершины спят во тьме ночной…

Подхватывает вразброд голосов десяток; один бас с густым хрипением выделяется из хора. Сам певец в длинной белой черкеске. Особенно подчеркивает слова:

Кавказские долины – кладбище удальцов.

Хлоп! – вылетевшая пробка стукнулась о палаточный верх.

– Сбегай в роту, – говорит кто-то вполголоса около палатки, – чтобы людей прислали… с лопатами…

– А что – помер?

– Все четверо кончились. Завтра, кто его знает, может,

выступать утром будем – некогда будет…

– И за такую-то мадеру четыре рубля! – волнуется чей-то солидный баритон.

– Да ведь пойми ты: в долг. По-моему, так это – почти что даром…

Молча, с лопатами в руках, прошли друг за другом несколько солдат. Сзади несли за ними что-то длинное, завернутое в шинель; через минуту еще протащили два или три таких же свертка: это понесли хоронить умерших на перевязочном пункте.

Случалось не раз, что после того, как уходили наши войска, туземцы отыскивали могилы русских солдат и издевались над телами неверных; главным же образом трупы отрывались для того, чтобы отрезать у них головы и присоединить их к своим трофеям – кто там узнает, каким путем добыты эти кровавые доказательства воинской доблести, а между тем в Бухаре джигит, привезший русскую голову, щедро одаривается самим эмиром и приобретает себе знаменитое звание батыря, т. е. богатыря. Официальной платой за голову обыкновенно бывает полосатый яркий халат из полушелковой ткани (адраса) и золотая монета – тилля, но главное – заманчивый блеск военной славы…

Зная этот обычай – пакостить покойников (как выражаются наши солдаты), изобретен совершенно особенный способ погребения, которым удается обмануть чуткого азиата.

Прежде всего тщательно срезают пластинками дерн где-нибудь в менее бросающемся в глаза месте, затем вырывают узкую, довольно глубокую яму, стараясь поаккуратнее складывать вырытую землю, чтобы не очень насорить по окружности. Опустив тело, засыпают его и укладывают дерн опять на свое прежнее место. Это все солдаты так ловко и скоро делают, что, зная даже о существовании могилы, трудно определить без ошибки точный пункт погребения.

Старик унтер-офицер с кусочком георгиевской ленточки на рубахе распоряжался несложным похоронным обрядом. Выйдя немного за цепь часовых, вся группа спустилась немного в долину и остановилась у высокой стены, вдоль которой тянулась неглубокая рытвина, густо заросшая крапивой, мальвами и диким терновником. Застучали лопатки по сухой земле, и заколыхались стронутые с места высокие стебли.

– Поглядывай, братцы, чтобы какая погань не подглядела! – говорил один из роющих.

– Кому глядеть!.. Их теперь, чай, и в живых никого не осталось поблизости!

– И на завод не оставили…

– Ну, не скаль зубы при таком случае! – оборвал унтер с

ленточкой.

– А Никонов, братцы мои, еще вчера-с в бессрочный собирался идти: «Что-то, – говорит, – словно по дому взгрустнулось – такая это, говорит, тоска, что и-и, Боже мой».

– Потому – конец свой чуял!

– А всех пуще Колосова, беднягу, жаль: то есть, вот душа-солдат был! Сказывал он как-то, что хотел ротного просить, чтобы ему жену выписали; детей, говорил, двое махоньких… вот-те и жена!..

– Шабаш, довольно! – остановил рабочих унтер, смерив глазом глубину ямы. – Кто молитвы читать будет?

– Красков знает!

– Я заупокойной не знаю! – отговаривался рыжий Красков.

– Ну, ничего, читай «Отче», потом «Богородицу» – и баста!

– Трижды «Со святыми упокой» опосля всего! – посоветовал кто-то.

– Ладно! Заваливай!

Однозвучно вылетали слова молитвы; им вторил лязг лопат, когда они, засыпая яму землей, сталкивались в дружной работе.

Молодой солдатик не выдержал и заплакал.

– Уж очень, братцы, Колосова жалко! – всхлипывал он, принимаясь за дерновую пластину.

Да и все остальные угрюмо, сосредоточенно работали, и тяжелый вздох не раз прерывал обыкновенную рабочую одышку.

Зарыли последнего, осмотрели еще раз, все ли в порядке, и пошли в лагерь. Там замирал уже неугомонный шум: все засыпало мало-помалу после тревог и волнений буйного, боевого дня. Даже у маркитанских палаток все успокоилось: последних потребителей разогнали дежурные, и торгаши укладывались и приводили в порядок свои походные магазины и рестораны.

Предположение выступать на следующий день оказалось одним только предположением. Войска простояли на тех же позициях весь день, простояли и еще один, собирались простоять и третий.

Из Самарканда доходили только туманные слухи, да иначе и быть не могло, потому что сообщение отряда с этим городом было отрезано, и джигиты, посланные с той и другой стороны, не достигли до цели, попадаясь в руки бродячих неприятельских партий.

Вдруг, Бог весть из какого источника, по всему лагерю разнесся ужасный слух: говорили, что весь самаркандский гарнизон перерезан до одного человека, что город этот снова в руках неприятеля, и что весь народ поднимается священной

войной на пришельцев. Слух этот начинал подтверждаться; он, видимо, шел через наших арбакешей, имевших кое-какие сношения с туземцами, а, между прочим, мы знали, что около Самарканда творится что-то необыкновенное, и слух этот с каждой минутой принимал все более и более вероятия. Наши почтовые джигиты, которым удалось если не доехать до Самарканда, то, по крайней мере, вернуться обратно в лагерь, говорили все единогласно, что Самарканд весь окружен горными народами, пришедшими с Джура-Бием шегрисябзским, и что жители присоединились к восстанию. Многие приуныли у нас, да и было отчего: несмотря на превосходство нашего оружия, несмотря на кое-какие признаки, напоминающие европейские войска, мы не могли бы устоять при этой катастрофе и нам дорого пришлось бы поплатиться.

Так же внезапно, как распространился слух о нашем поражении, по лагерю разнесся другой, более утешительный говор: мы победили, неприятель бежит от самаркандских стен, сам Джура-Бий убит; а кто говорил – что взят в плен.

Все – вздор! Прихлынула третья волна тревожных слухов: и поражение – вздор, и победа – вздор; но дела наши в Самарканде все-таки весьма плохи, и если мы не поспешим на выручку самаркандского гарнизона, то, пожалуй, кое-что окажется и правдой.

Ввиду всего этого решено было не предпринимать дальнейших победоносных движений к Бухаре, а отступать к Самарканду.

На четвертый день нашей стоянки, рано утром, отряд снялся с бивуаков и потянулся обратно.

Проходя Зара-булаком, невольно зажимали носы, а конные подгоняли лошадей, спеша проехать зараженную полосу воздуха. Страшный вид представляла эта деревня: вся улица засорена всевозможным хламом, всюду гниют неубранные, разбухшие от июльской жары трупы. А во внутренность дворов лучше и не заглядывать, особенно теперь, когда страсти поулеглись, и многим пришлось взглянуть на дело рук своих более трезвым, неподкупным взглядом.

У мостика вода шла через, наводняя узкую улицу: громадный труп верблюда запрудил арык, заражая своим гниением зеленоватую воду, даже из пруда чем-то пахло весьма подозрительно, и лошади, подведенные для водопоя, отворачивали морды, отказывались от предложенного им пойла.

Прошли Зара-булаком, повернули ближе к степи. Высоты – место недавнего боя – находились теперь по правую руку и, словно усеянные маком, краснелись на солнце. От авангарда

отделилась группа всадников и поехала к высотам: это были офицеры из штаба, которым хотелось по числу трупов на данном пространстве определить, хоть приблизительно, размеры неприятельской потери. Но они недолго считали: в этой адской атмосфере было трудно пробыть хоть несколько минут, и компания вернулась к отряду, имея случай убедиться в необыкновенной живучести человека; особенно один труп поразил всех своим видом: он не разбух, как все остальные, а сохранил свои первоначальные формы; когда к нему подъехали, то заметили, что труп этот глядел живыми глазами. Несчастного подняли, привезли к лазаретным фурам и подали медицинские пособия; у него оказались: проколотое штыком плечо, переломлена нога выше колена и удар прикладом по черепу. Через час больной мог говорить, хоть и слабо, почти невнятно, но совершенно определенно выражая свои желания. «Воды… воды!..» – вот первые слова, которые он произнес на гортанном афганском языке. Почти четверо суток пролежал на страшном припеке без всякой помощи, да вдобавок с такими ужасными ранами! К ночи, однако же, он отошел в вечность; может быть, потому, что его уж очень старались поставить на ноги.

Солнце было еще высоко, когда мы вернулись в Катта-Курган и расположились на пепелищах прежних бивуаков.

К югу от бухарской дороги, именно в ту сторону, куда отброшены были пешие бухарские войска, тянется на несколько дней конного пути мертвая, безводная степь. Изредка степь эту прорезывают неглубокие, каменистые балки, кое-где виднеются невысокие, пологие холмы, и все это покрыто слоем серой пыли, похожей на пепел, в котором кое-где торчат рыжеватые, словно верблюжья шерсть, сожженные летним солнцем остатки жалкой степной растительности. Свободно носится ветер по необъятному простору, поднимает целые облака этой пыли и заносит ею белеющие кости палого верблюда или дробные следки быстрых, как сам ветер, сайгаков. Окидывая взглядом волнующуюся в степном мираже линию горизонта, редко можно заметить какое-нибудь живое существо, разве проголодавшаяся, чахлая пара мелкорослых волков, подняв кверху носы, перебегут от одной балки к другой, потягивая горячий воздух – не пахнет ли откуда еще необглоданной окончательно падалью.

Бросая свое жалкое оружие, беспорядочными толпами шли бухарцы с холма на холм, из лощины в лощину, забираясь все дальше и дальше в мертвую пустыню. Давно прекратилось преследование, давно замолк гул последнего выстрела, а в ушах несчастных беглецов все еще раздавались страшные, победные крики гяуров, резкий свист пуль врага беспощадного.

Вперив в пространство тусклые взоры, бормоча коснеющим языком бессвязные молитвы, они шли и падали, ослабев от потери крови, от мучительной жажды. В воспаленных мозгах бродил тяжелый чад и угар – следы одуряющего опиума.

Кто падал – тот уже и не пытался вставать более: ему суждено было умереть в степи.

Верстах в тридцати находится, почти на самой дороге в Карши, группа небольших колодцев, у которых кочевые наймы поят своих неприхотливых овец. В эту именно сторону, словно инстинктивно, тянулись вереницы красных курток, и, по мере приближения к колодцам, в помертвелых глазах загорались искры слабой надежды на спасение.

Вот синим гребнем протянулась скалистая гряда, за этой грядой, в лощине, колодцы, в колодцах – вода, а с ней – спасение. Усталые ноги движутся бодрее, даже раненые приподнимаются и ползком тянутся к этой синеющей гряде, задерживая мучительные стоны.

Густая пыль стоит над лощиной; там слышны ржание лошадей, крики и ругань: конные тюркмены раньше поспели к колодцам; им надо и себе утолить жажду, и напоить своих лошадей, а в колодцах воды немного: они вырыты как раз по размеру суточных потребностей кочевников, только через сутки опять они наполнятся водой; как же ждать сутки, когда час ожидания может окончиться смертью? Но, может быть, счастливцы не всю воду выпьют, может быть, достанется и на долю отставших пеших…

Крики вокруг колодцев усиливаются, слышны выстрелы, из пыли вырываются кони без всадников с разметанными седлами и несутся в степь. Начинается ожесточенная схватка… Нет надежды! Это дерутся за последние капли.

Реже и реже становится толпа вокруг колодцев, конники уходят дальше; толпа за толпой тянутся они по каршинской дороге; длинные пики с пучками конских волос, словно гибкий камыш, волнуются между холмами, скрываясь из глаз мало-помалу; развеваются по ветру концы белых тюрбанов, ярко сверкает на солнце золотое шитье на спинах сановных наездников.

В свою очередь, все ближе и ближе подходят разрозненные массы пеших: вот они поднимаются на гребень, им осталось только спуститься в лощину, на дне которой, словно в беспорядке наброшенные груды камней, виднеются жерла колодцев.

Опять появляется слабая надежда; передние ускоряют шаг… вот побежали…

На дне колодцев ничего, кроме клейкой, зеленовато-черной,

густой грязи. Поблизости валяются раздавленные в свалке кожаные ведра – постоянная принадлежность степных колодцев; волосяные арканы, на которых опускают эти ведра, увезены; да если бы они и оставались, так разве для того только, чтобы на них удавиться.

А жаждущие все прибывают и прибывают, гуще и гуще становится толпа – задние еще не подозревают о катастрофе.

Капля по капле медленно просачивается влажность сквозь песчаные стены колодцев и стекает на дно; жиже становится грязь… еще бы час-два терпения, и воды, хотя бы для немногих, накопилось бы достаточно. Но возможны ли эти час-два терпения, когда человеком начинает овладевать бешенство, когда человек забывает все, кроме жгучей потребности пить?

Чем попало вычерпывают эту грязь, глотают ее, давятся и падают, задыхаясь в конвульсиях.

Высокий, мускулистый, словно бронзовая статуя, татарин виднеется выше всех над толпой: он стоит на колодезной обкладке, его сжатые кулаки подняты к небу; из охрипшего горла вырываются самые ужасные ругательства, направленные на небо, на Аллаха, на пророка, но пуще всего достается эмиру Мозофару. Вдруг он как-то странно закинулся назад, руки взболтнули в воздухе – и эта атлетическая, полуобнаженная фигура полетела головой вниз, прямо в темное отверстие колодца. Старик мулла, с длинной пожелтевшей бородой, стоит в двух шагах от этого места, опустив дымящийся ствол фитильного мултука. До этой минуты он молча молился в стороне, пока его не вывели из религиозной задумчивости богохульные ругательства татарина.

Припадки бешенства сменились мало-помалу тупым безмолвием; полная апатия овладевала большинством… Вон, в стороне, прислонившись к большому камню, сидит один: на лице его полнейшее спокойствие, глаза закрыты, голова опущена на грудь… он спит, но уже дыхание прекратилось – это пораженный солнечным ударом – смерть спокойная, она незаметно приходит в глубоком сне, и счастливец вовсе не знает ее приближения…

Широко махая гигантскими крыльями, носятся над этим царством смерти степные орлы-стервятники: они заранее предвкушают обильную жатву, и их не пугают даже те конкуренты, которые, вон, там, за этой усеянной мелкими камнями красноватой отлогостью, притаились, поджав свои хвосты, щелкая, словно в лихорадке, голодными зубами.

С наступающими сумерками все более и более сбегается волков из степи, занимая соседние рытвины, выжидая, когда уйдут живые и оставят им на съедение своих мертвых собратий.

Спустя месяца два после этих событий мне пришлось быть с

казачьим разъездом у этих самых колодцев. Всюду, куда только хватал глаз, белелись человеческие кости и пестрели клочья цветной одежды. Туземцы-пастухи, которые поили своих овец у колодцев (так как время клонилось уже к ночи), говорили мне, что на пути от зара-булакских высот и около колодцев человеческих тел было гораздо больше, чем на месте самого побоища. Недаром говорили, что из семи тысяч регулярных пехотинцев эмира Мозофара едва одна тысяча собралась в Бухаре, и то почти через месяц после сражения.

Страшное положение, когда на несчастных побежденных восстает даже сама, не знающая пощады, природа.

Колодцы эти носят теперь название «Кара-Кудук», что значит – черные колодцы.

Ургут

После чапан-атинского погрома и занятия Самарканда прошла целая неделя. Отряд наш тесным лагерем расположился по сторонам большой бухарской дороги, на выезде из Самарканда. В городской цитадели, где помещен был походный лазарет, устроены временные склады провианта и артиллерийских снарядов, и находилась главная квартира, стал шестой батальон линейцев и три роты стрелков нашей туркестанской гвардии.

На очень небольшом пространстве, прорезанном по всем направлениям арыками, стеснилось около трех тысяч человек. Солдаты помещались в крохотных парусинных палатках, на манер переносных алжирских. Поблизости краснели, зеленели и пестрели азиатские палатки офицеров, ослепительно сверкали медные тела орудий; между зарядными ящиками, на протянутых коновязях привязаны были артиллерийские кони, которые фыркали и чихали от мелкой, всюду проникающей, пыли и тоскливо отмахивались хвостами от мириад докучливых мух. Целыми тучами носились над лагерем эти несносные насекомые, набивались в палатки, лезли и падали в котлы, миски и стаканы и не давали сомкнуть глаз до солнечного заката, внося в наш лагерь одно из самых существенных неудобств. Дым от ротных кухонь черными и сероватыми облаками носился над рядами палаток. В воздухе пахло котлами, жареным салом, свежеиспеченным хлебом и другими, более или менее возбуждающими или отбивающими аппетит, снадобьями.

Небольшой ручей, протекавший на дне оврага, шагах в трехстах впереди, снабжал весь лагерь довольно порядочной водой. Кругом зеленели тенистые фруктовые сады; над лагерем кое-где торчали полувысохшие, ощипанные деревья.

Дорога в Бухару, обсаженная тутовыми деревьями, разделяла лагерь на две почти равные части. В настоящее время дорога эта кипела самой оживленной деятельностью. По обеим сторонам ее тянулись наскоро сколоченные шалаши, в которых продавались разные съедобные вещи: варился плов, жарились шашлык и рыба, и даже устроены были две или три небольшие хлебопекарные печки, в которых пеклись плоские туземные лепешки. В более опрятных и тенистых шалашах продавались шербет и разные фрукты. Разноплеменную, пеструю толпу по всем направлениям прорезывали сартяга и жиденки с лотками на головах, выкрикивая ломаным языком русские названия продаваемых предметов.

В просторных полотняных палатках, принадлежащих нашим русским купцам и маркитантам, толпились солдаты. Татары-приказчики, суетясь, сновали взад и вперед, особенно если в палатку заходили офицеры, что всегда приносило хороший доход, ибо в лагере жилось весело.

Афганцы Искандер-Хана, в ярких халатах, гремя оружием, рыскали верхом в толпе, усердно прикладывая руку к козырьку, по русскому обычаю, при встрече с нашими офицерами. Лошади ржали, ишаки вытянули длинноухие морды, пронзительно выкрикивали усталые, вылинявшие верблюды, уложенные рядами у самых боковых арыков, жалобно вздыхали, пережевывая рубленую солому (саман). В воздухе стояла невыносимая жара, градусов двадцать пять и более в тени – по Реомюру.

По вечерам, когда становилось гораздо прохладнее, в разных пунктах лагеря гремела незатейливая музыка линейных батальонов, звонко заливались хоры песенников и туземная торговля на базаре прекращалась. Сарты, жиды и индийцы уходили в город с тем, чтобы на другой день вернуться со свежими продуктами. Только в маркитантских палатках было яркое освещение; торговля в этих теплых местах не прекращалась вплоть до рассвета. Впрочем, все меры осторожности, принятые в военное время, исполнялись с возможной тщательностью: сплошная цепь часовых охватывала весь лагерь, и в разных укромных пунктах закладывались довольно сильные секреты.

Так изо дня в день проводилось время в самаркандском лагере.

В самом Самарканде жители относились к нам чрезвычайно дружелюбно. Мы еще и не подозревали, до какой степени притворна эта миролюбивость. Депутации от всех окрестных местечек и кишлаков почти ежедневно представлялись генерал-губернатору. С самого раннего утра можно было видеть разных представителей, которые молча сидели в тени, на мощенном плитами дворе эмирского дворца (кокташа), где помещалась главная квартира. Перед депутатами стояли круглые медные подносы с лепешками, изюмом, сушеным урюком и разными местными сластями; тут же жалобно мычали быки на волосяных привязах; все это назначалось на поклон Ярм-Паше (полгосударя), как называли туземцы нашего генерал-губернатора. Часов в одиннадцать, обыкновенно, назначался прием депутации. Разные сласти и скот отбирались и поступали в пользу караульной роты, на почетнейших из депутатов надевались золотые и серебряные медали, всем без исключения – цветные, а иногда и шитые золотом халаты, и вся публика, по-видимому, чрезвычайно

довольная, отправлялась с миром восвояси.

Один только из городов, казалось, вовсе не расположен был признавать нашей власти. Это был Ургут. Город этот лежал верстах в сорока от Самарканда к югу, в глухом горном ущелье, и дороги к нему вели не совсем-то удобные. К Гусейн-Беку, тамошнему правителю, уже не раз посылали сказать, чтобы он явился в Самарканд представиться и получить распоряжения от своего нового правителя и что иначе он рискует навлечь на себя гнев русского губернатора, что могло бы иметь для него очень вредные последствия; на все это Гусейн-Бек отвечал чрезвычайно уклончиво и неопределенно, или же не отвечал вовсе. А между прочим, это странное упорство могло вредно влиять на окрестное население. К Ургуту, как к опорной точке, начали пристраиваться то те, то другие партии недовольных новым порядком вещей; получено было важное известие, что Гусейн-Бек сносился с Джура-Бием, шегрисябзьским беком, по ту сторону самаркандских гор, а Шегри-Сябзь явно выставил себя врагом русских и союзником бухарского эмира. Подобное положение дел относительно Ургута надо было прекратить как можно скорее и окончательно, и решено было послать туда довольно сильный самостоятельный отряд, начальнику которого поручено было, между прочим, стараться, насколько это возможно, устроить дело мирным путем, не доходя до вооруженного столкновения. Десятого мая, вечером, отряд этот был сформирован и ночью выступил из Самарканда по ургутской дороге.

Была чудная весенняя ночь – такая ночь, какие и здесь, в Средней Азии, выдаются на редкость. Полная луна стояла в небе, было так светло, что читать можно было почти без затруднения. Удушливые, отнимающие сон летние ночи еще не начинались, и в воздухе было прохладно.

Отряд наш вытягивался по узким улицам Самарканда. Пехота шла молча, без песен и говора, тяжело переступая по вершковой пыли. Сильно клонило ко сну, и солдаты на ходу дремали. Все ворота были наглухо заперты, и в городе царствовала мертвая тишина; изредка только выскочит тощая дворовая собака и с хриплым лаем пробежит по плоской крыше, провожая мелькающий перед ее глазами ротный значок. Колеса орудий и ящиков глухо гремели по камням. Пестрые джигиты-киргизы и афганцы, щелкая нагайками по тощим бокам своих лошадей, пробирались вплотную к стенам, обгоняя пехоту. Офицеры, распустив поводья, клевали носом, сидя на мягких казачьих седлах. Скоро подошли к городским воротам; здесь находилась маленькая базарная площадка с запертыми лавочками и пустыми

навесами. Четыре оборванных сарта с большими бубнами в руках сидели на корточках под навесом, угрюмо глядя на проходящих солдат; ни один мускул не пошевелился в этих типичных, резко очерченных лицах, и казалось, что они совершенно равнодушно относились к шуткам и остротам гяуров, сыпавшимся на них из шедших мимо рядов. Это был один из туземных городских караулов, обязанность которых была обходить базары и улицы и караулить по ночам городские ворота. Сзади, от хвоста колонны, послышались крики: «Направо, налево раздайся!» Пешие прижались к стенам, очищая дорогу, конные ускорили шаг. Показалась небольшая группа верховых, которые ускоренным шагом, почти рысцой, обгоняли отряд. Это был начальник отряда полковник А-в. Он ехал впереди на красивой рыжей лошади, вполголоса здороваясь с людьми и слегка кивая своей белой фуражкой; два-три офицера и несколько казаков рысили за ним тесной кучкой; над конвоем развевался большой полосатый значок, тень от которого длинной полосой бежала по плоским крышам. Скоро весь отряд, пройдя под темными, массивными воротами, выбрался из города и втянулся в окрестные сады. Дорога стала значительно шире; по сторонам тянулись довольно высокие глиняные заборы, из-за которых виднелись развесистые, курчавые верхушки фруктовых деревьев. Громадные туты, сплошь покрытые белыми ягодами, бросали на дорогу густую, непроницаемую тень. Часто попадались отдельные садики с квадратными прудиками посередине, обсаженные высокими, кудреватыми карагачами; сквозь темные массы зелени виднелись жилые дворы, обнесенные высокой зубчатой стеной, часто с затейливыми украшениями, вырезанными по сырой глине. Везде по сторонам, сквозь яркую зелень засеянных клевером полей, серебрились узкие арыки, по которым с глухим журчанием бежали мутные потоки воды; такие же арыки, но только значительно шире, поминутно перерезали дорогу, и через них вели ветхие, полуразвалившиеся мостики. В воздухе пахло медовым запахом тутовника. Целый град ягод сыпался на пыльную дорогу при каждом ударе штыка о низко свесившиеся ветви. Красноватый шар луны спустился к самому горизонту, и на нем ясно рисовались далекие горные вершины. Вся восточная сторона неба подернулась бледным золотистым светом, а через час ослепительно блеснули яркие, огненные лучи и погнали перед собой по целому морю изумрудной зелени легкую дымку утреннего тумана.

Скоро мы выбрались из садов, которые по этому направлению тянутся почти на пятнадцать верст от городских стен. Необозримые поля, засеянные клевером, пшеницей, рисом,

виднелись всюду, куда только хватал глаз; кое-где возвышались насыпные курганы, желтели низенькие стенки из глины и отдельно разбросанные небольшие садики. Около дороги лежало довольно большое, взрытое и заросшее бурьяном, мальвами и разными сорными травами, пространство, усеянное продолговатыми, белыми и темно-серыми каменными плитами; над некоторыми из них торчали шесты с повешенными тряпками и железными зубчатыми наконечниками – это было кладбище с бесчисленными могилами правоверных. В стороне видны были два кургана, на вершинах которых сложены были грубые подобия мавзолеев, осененные бунчуками из конских хвостов и медными, пустыми внутри, шарами, висящими на тонкой проволоке: здесь покоились те, которые еще при жизни получили высокий сан святых – столпов мусульманства. Мы прошли еще верст пять и, спустившись в небольшую лощину, расположились на привал по берегам довольно широкого арыка с мутной, землистой водой. Обозы с трудом вытягивались на противоположную возвышенность и, выстраиваясь рядами, распрягали лошадей; офицерские повозки катились к своим частям; казаки ставили на приколы своих запыленных и отряхивающихся лошадей. Скоро то там, то сям затрещали веселые огоньки и потянулись голубоватые струйки дыма; оживленный разговор слышался со всех сторон, весь берег арыка усеян был умывающимися солдатами.

Недолго отдыхали мы на этом месте. Скоро барабаны затрещали подъем, люди поднялись и выстроились, артиллерия впрягла лошадей, и мы тронулись снова. Впереди, за лентой полей, виднелся прелестный голубой хребет Самарканд-Тау, подошвы которого рисовались большими темно-синими пятнами; нам говорили проводники, что это были заросшие садами ущелья Ургута. Странно, что мы по дороге совершенно не встречали никого из жителей, даже в полях не видно было ни одного человека; казалось, что жители бежали от нас и оставляли на полях работы при первом появлении вдали, на дороге, белой ленты нашего отряда со сверкающими на солнце черточками штыков.

Часам к четырем вечера отряд наш пришел к месту ночлега, верстах в шести не доходя до Ургута. Мы расположились на просторной луговой равнине большим четырехугольником, примкнув к быстро бегущему ручью, называвшемуся также Ургутом. Шесть рот пехоты стали развернутым фронтом по фасам четырехугольника, казачьи орудия стали между ротами, казаки растянулись по берегу, прикрывая расположенные здесь же ротные кухни; середину лагеря заняли отрядный обоз и офицерские палатки. Несколько пустых сакель примыкали к

самому лагерю; эти, видимо, были брошены не более как за час перед нашим прибытием. Жители успели захватить только самое для них ценное, все же остальное было в беспорядке брошено, как внутри сакель, так и посреди двориков: посуда глиняная и деревянная, несколько мешков (батманов) с зерновым хлебом, какие-то пестро раскрашенные с позолотой шкапики и много разного хлама. Сейчас же занялись варкой ужина. На дрова разобрали крышу одной из сакель, и под громадными ротными котлами запылали яркие костры. Офицерские денщики забегали с медными чайниками. Лагерь принял свою обычную физиономию.

Прямо перед нами подымались горы; казалось, что можно было рукой достать эти покрытые сочной зеленью склоны, но почти таш (восемь верст) отделял нас от подножья хребта. Ближе всего, постепенно сливаясь с равниной, высились роскошные ярко зеленые холмы; выше поднимались грозные скалы причудливой формы, громоздясь одна на другую, то расходясь и образуя темные теснины, то сплошной стеной загораживая темно-синее небо. Клочковатые, разорванные тучи скользили по каменным утесам, бросая на них бегущие тени; иногда они сплывались в большие массы, спускались к самым подножьям и медленно ползли понизу, пока вырвавшийся из ущелья стремительный порыв ветра не разрывал их и не гнал снова ввысь, к искрившимся на солнце ярко-белым снежным вершинам. Густые сады, между которыми виднелись глиняные постройки, раскинуты были по ближайшим склонам; за ними возвышался отдельный курган, вершины и скаты которого тесно были обстроены. В бинокль можно было ясно различить отдельные сакли и зубчатые стены на вершине кургана. Далее, за курганом, снова виднелись сады, постепенно теряясь в глубоком ущелье. Это и был Ургут, расположенный у входа в свое недоступное ущелье.

Между тем свирепствовавшие в горах порывы ветра стали доноситься и до нас; заколыхались легкие шелковые значки и дрогнуло натянутое на тонких веревках полотно солдатских палаток. Свинцовая туча, охватив полгоризонта, шла прямо на наш лагерь с глухими ударами грома; горное эхо вторило им с бесконечными перекатами; крупные капли дождя защелками по пыльной дороге. Через пять минут хватил проливной дождь. Люди попрятались в палатки и под повозки; одни только часовые, плотно завернувшись в свои серые плащи, мерно расхаживали перед рядами составленных в козлы ружей. Через полчаса пронеслись дождевые тучи. Яркие лучи заходившего солнца заискрились на мокрой зелени, и по горам протянулись чудные радужные полосы. В воздухе стало прохладно. День клонился к

вечеру.

Цель нашей экспедиции, как я уже сказал, не была безусловно враждебна. От Гусейн-Бека требовалось только одно – чтобы он прибыл в Самарканд для личных переговоров с генерал-губернатором и принял далеко не тяжелые условия покорности. Только в случае полного сопротивления позволено было нам употребить в дело оружие. Итак, надо было испробовать предварительно мирные средства.

Решено было послать к Гусейн-Беку письма от генерал-губернатора и от начальника нашего отряда, в которых, по возможности кратко и вразумительно, изложена была бы цель нашего прибытия. Кроме того, надо было послать эти письма с таким человеком, который бы сумел лично говорить с беком и не побоялся бы довольно крупных неприятностей, могущих случиться с посланным, если только предложения наши не будут встречены миролюбиво. Не раз бывали случаи, что подобные посланные возвращались или с обрезанными ушами и носом, или же не возвращались вовсе. В настоящем случае выбор пал на Нурмеда.

Какой-то всадник на высокой тюркменской лошади, в полутатарском костюме и в косматой лисьей шапке с красным верхом, шагом подъезжал к ставке нашего полковника и слез с лошади. Это был Нурмед. Он, согнувшись и приподняв на голове шапку, вошел в ставку. Редко можно встретить такую оригинальную физиономию: под густыми, нависшими бровями сверкали, как угли, два темно-карих глаза, высокий гладкий лоб окаймлялся густой щеткой гладкостриженных седых волос, широкий чувственный рот постоянно складывался в какую-то добродушную и вместе с тем чрезвычайно лукавую улыбку, сквозь белые кольца вьющихся усов сверкали ослепительные зубы и роскошная черная с частой проседью борода длинными прядями расползлась чуть не наполовину груди.

Куда только судьба не закидывала эту оригинальную личность! Вся его жизнь наполнена была разнообразными, в высшей степени романтическими приключениями. Он сам не любил рассказывать эпизоды своего прошлого, а если и рассказывал, то часто в его рассказах, видимо, было умышленное противоречие. Говорили, что лет тридцать тому назад он бежал из Сибири, что долго слонялся по обширным степям киргизской орды, потом пробрался в бухарское ханство, служил у отца нынешнего эмира Насрулла, был у него в милости и в немилости, участвовал с ним в походах, потом был придворным медиком при дворе уже настоящего эмира Мозофара и, наконец, снова явился к русским, рассчитав, что давно забыто его прошлое и не

докопаться до него никаким пресловутым следователям, да и кому охота была заглядывать в его далекое былое.

Ему сообщили сущность его поручения; он молча выслушал, завернул в широкий пояс письма и, пожав руки ближайшим из офицеров, с поклоном вышел из палатки. Скоро мы увидели его далеко, уже за цепью часовых – длинноногий аргамак ходко рысил по узкой дороге, верхушка лисьей шапки ярко краснела издали, и за согнутой богатырской спиной торчали стволы вынутой из чехла винтовки.

Между тем стало заметно темнеть; звезды все гуще и гуще усеивали синее небо; над кухонными огнями стояло красноватое зарево; казаки и артиллеристы навешивали на коней торбы с ячменем, солдаты уже поужинали, и ночная цепь часовых расставлена была вокруг лагеря. Люди, утомленные большим переходом, крепко спали, свернувшись под своими шинелями. В офицерских палатках кое-где еще виднелись огни, в ставке же начальника отряда было ярко освещено: там никто не спал, ждали возвращения Нурмеда и решения вопроса, быть или не быть назавтра кровавому штурму строптивого Ургута.

Прошло часа три. Наконец, в цепи послышался тревожный оклик. Топот нескольких лошадей приближался к лагерю, и из темноты начали одна за другой выделяться конные фигуры. Они остановились уже внутри лагеря и стали слезать с лошадей, их встретили и ввели в палатку начальника отряда. Через пять минут все прибывшие сидели полукругом на разостланном ковре; напротив них поместился на складной кровати полковник А-в, правее и левее его несколько офицеров, а сзади, в полуосвещенных пространствах, виднелось одно за другим множество любопытных лиц, пришедших послушать, чем кончится это интересное заседание. Нурмед вернулся вместе с прибывшими и что-то рассказывал одному из наших офицеров. Мы узнали, что это прибыл сам Гусейн-Бек для личных объяснений с начальником отряда. Объяснения эти, после обычных разменов любезностей, начались.

Теперь мы обратимся несколько назад, к минуте отъезда Нурмеда из нашего лагеря[8].

Версты четыре проехал джигит, не встретив ни одной живой души; уже ясно были видны первые стенки ургутских садов, можно было свободно различать группы плодовых деревьев; тогда он заметил за стенками какое-то движение: казалось, что толпы пешего народа двигались взад и вперед, что-то работали, спеша и суетясь; кое-где сновали конные, красные халаты которых заметны были издали; глухой говор слышался по садам, можно было уже различить отдельные крики и звуки дребезжавшего

рожка. Нурмед постоял минуту на месте, осмотрелся и потом потихоньку начал спускаться к быстрому, бегущему по кремнистому руслу, ручью. Через ручей он переехал вброд – воды было едва по колено; выбравшись на другой берег, он пустил коня в карьер и понесся по каменистой дороге, пристально глядя по сторонам. Едва он проскакал шагов триста, как услыхал громкие крики: несколько конных выскакали из ближайших садов и приближались к нему, стараясь охватить его со всех сторон. Мимо самых ушей его просвистел пущенный из пращи камень. Нурмед еще шибче погнал своего аргамака; поджарый сын степей стлался по дороге. Джигит хорошо знал местные нравы: попавшись жителям в руки прежде, чем его заметят официальные власти, он мог рассчитывать натерпеться многих крупных неприятностей; целью его бешеной скачки было как можно скорее прискакать в город и попасться на глаза если не Гусейн-Бека, то кого-нибудь из его подчиненных. Вот еще раз ему пришлось перебираться через речку. С плеском расступилась прозрачная горная вода; дико фыркая, конь в два прыжка вскарабкался на противоположную сторону; толстое бревно лежало поперек дороги, густые зеленые ветви топорщились во все стороны. Аргамак на минуту остановился, и мигом несколько рук ухватилось за поводья; разгоряченный бегом, конь взвился и перелетел через препятствие. Нурмед вырвался и оставил в руках державших полу своего пестрого бешмета. Вдруг целая баррикада, сложенная из свежесрубленных бревен во всю ширину, загородила ему дорогу; расскакавшийся конь разом стал как вкопанный, раздув широко ноздри и навострив маленькие уши. В несколько секунд Нурмед был окружен густой толпой народа, которая с криком и ругательствами тащила его с лошади. Но уже несколько красных халатов, беспощадно прокладывая себе дорогу плетьми, пробивались к остановленному парламентеру; повелительные крики «Оставить! Прочь! Не трогать!» успокоили толпу. Нурмеда окружили и, отобрав у него лошадь и оружие, пешком повели к Гусейн-Беку по кривым улицам города. Густая толпа сопровождала его вплоть до ворот цитадели, где помещался бек. Дорогой Нурмед успел заметить, что жители не питали дружественных чувств к русским и деятельно готовились к энергичной обороне. На каждом перекрестке устраивались сильные завалы: стук топоров звонко раздавался в вечернем воздухе. Женщины и дети спешно укладывались; тяжело навьюченные ишаки, лошади и даже коровы поминутно попадались ему навстречу; все спешило в горы, предоставляя мужчинам защищаться в пустом городе. Лавки базаров плотно запирались досками и железными болтами. Почти все жители

ходили вооруженные, хотя огнестрельного оружия было очень мало заметно; но зато всевозможные батики, топоры, даже китмени, назначенные собственно для мирных работ – все было употреблено в дело, и озлобленные жители, взобравшись на плоские крыши сакель, свирепо глядели вдаль, на белевшие далеко на горизонте русские палатки. Все мечети были отперты, оттуда неслось заунывное причитание мулл, и в узорные двери, один за одним, входили суровые мусульмане, оставляя у входов свои остроконечные туфли.

С каким страшным, фанатичным озлоблением относились жители к бедному Нурмеду, и ведшим его сарбазам стоило немалых усилий удерживать народ от чересчур уж крупных оскорблений. Особенно женщины отличались на этом поприще: они, как разъяренные кошки, кидались на конвой, пытаясь пробиться к Нурмеду; приподняв свои покрывала, они плевали ему в лицо, швыряли кусками грязи и даже камнями, так что даже сарбазы выходили из себя и пускали в дело узкие приклады своих фитильных мултуков. Наконец, массивные, окованные железом ворота цитадели, пропустив, кого следует, захлопнулись перед самым носом шумящей толпы, и Нурмед вздохнул свободней.

Через чисто вымощенный двор провели парламентера в отдельный дворик, где помещался сам Гусейн-Бек; в просторной, устланной коврами сакле сидел он сам со своими приближенными. Это был еще молодой человек с бледным, растерянным лицом; он, казалось, был взволнован до последней степени; покрасневшие, как будто от слез, глаза беспокойно бегали от одного лица к другому. При входе Нурмеда он смутился еще более, и бесцветные губы его странно зашевелились; он даже пытался приподняться, но костлявая рука рядом сидевшего старика с патриархальным лицом и седой окладистой бородой опустилась на его плечо, и бедный Гусейн как-то съежился и, опустив глаза, старался избегать смотреть на спокойного и пристально глядевшего на него посланца.

Сидевшие в сакле сурово встретили Нурмеда; ему указали на место около самой двери, и Нурмед, отдав привезенные письма, уселся на коврике, поджав под себя ноги, по местному обычаю. Медленно, с подобающей важностью, печати были вскрыты и письма прочитаны вслух. По прочтении писем минут на пять воцарилось общее молчание; потом, по приказанию старика, Нурмеда подняли, вывели из сакли, связали руки за спиной бумажным кушаком и бросили в углу двора, приставив к нему караул из пяти сарбазов с обнаженными кривыми саблями. Между тем по поводу писем началось оживленное совещание.

Недолго продолжалось это совещание. Нурмед слышал, почти

до последнего слова, все, что говорилось в сакле. Голос самого Гусейна раздавался изредка, и то как-то нерешительно, но зато резкий старческий крик какого-то фанатика покрывал собой остальной говор. Нурмед понял, что никакие соглашения невозможны: русским письмам и уверениям в желании мира не доверяли вовсе. Вызов Гусейн-Бека в Самарканд они считали просто хитрой уловкой, желанием заманить только в свои руки слабого правителя. Все были убеждены в возможности сопротивляться силой против горстки русских, – а они успели уже заметить нашу малочисленность. Припоминались походы эмира на неприступный Ургут, всегда кончавшиеся неудачей для гордого повелителя Бухары, – а что же после этого могли сделать русские? Ведь эмир приходил с войсками, которые покрывали собой все окрестные поля, сорок пушек гремели с утра до ночи, пушечный дым закрывал солнце, – а ничего не сделано было Ургуту, ни один враг не заходил в его каменные ущелья. Русские же пришли с малым числом солдат и привезли с собой всего четыре пушки, да и то маленькие. А между тем за стенами цитадели слышен был глухой, озлобленный говор собравшегося народа: жители требовали битвы. Муллы в мечетях громко призывали всякие беды на головы неверных и предсказывали, что Аллах покроет позором русское войско и храбрые мусульмане снова будут торжествовать в своем, любимом Аллахом и всеми пророками, городе. Но вот послышались новые вопли, которые заставили побледнеть несчастного Нурмеда – народ требовал немедленной смерти посланника русских. Дело могло кончиться очень плачевно для бедного авантюриста, и Нурмед увидел, что пора начать действовать, а то уже будет поздно.

Связанный по рукам, он с усилием поднялся на ноги и потребовал, чтобы его снова ввели в саклю, говоря, что ему нужно еще сообщить нечто очень важное для Гусейн-Бека. Желание его было исполнено. Усевшись опять на своем прежнем месте, он начал заранее обдуманную речь.

Нурмед начал с того, что он сам истинный мусульманин, но что, вследствие несчастья и воли Аллаха, он попал в рабство к неверным. Что он не переставал думать, как настоящий правоверный, и что он от всего сердца ненавидит русских и искренне желает, чтобы Аллах ниспослал свои громы на их головы. После этого вступления он продолжал: «Я знаю, что вы храбры и что город ваш видел под своими стенами много могучих воителей, но, во всяком случае, рисковать не следует и надо осмотрительно приготовиться к столкновению с русскими, чрезвычайно искусными в военном деле. Я знаю, – говорил он, – что Джюра-бек шехрисябзьский уже спешит к вам на помощь, но

придет он не ранее как завтра ночью, а то даже и послезавтра утром. Вам непременно надо выиграть время и покуда деятельно укрепляться на улицах и молиться Аллаху.

О, с каким бы удовольствием, – продолжал он, заметив, что речь его начинает производить благоприятное для него действие, – пристроился бы я к вам, но это невозможно: русские узнают, что я остался здесь, подумают, что меня задержали силой, и сегодня же ночью ворвутся в город и внесут огонь и разорение в мирные дома его жителей». Тут он остановился на минуту и посмотрел на окружающую его публику. Все лица были мрачны, но смотрели на него менее зло, чем прежде; он почувствовал даже, что кушак, связывающий ему руки, заметно ослаб и, наконец, свалился вовсе. Руки Нурмеда были совершенно свободны, тогда он продолжал: «Есть средство заставить русских в бездействии прождать день и даже более под стенами Ургута. Очень может быть даже, что они отступят вовсе. Вот это средство. Русский начальник требует, чтобы Гусейн-Бек выехал к нему в лагерь; этого делать не следует. Русские коварны, и благородного Бека может встретить там какое-нибудь несчастье; но разве нет кого-нибудь, который бы взял на себя назваться Гусейн-Беком и ехать к русским? Там не узнают обмана и с мнимым Беком поступят так, как поступили бы с настоящим, если бы Гусейн сам, доверившись слову русских, поехал бы лично в лагерь гяуров. Таким образом, вы увидите сами, насколько можно верить русским и выиграете время, необходимое для того, чтобы дождаться прибытия Джюра-Бека. Между прочим, я сам лично заявлю, что приехавший в лагерь есть действительно Гусейн-Бек, и это еще более ослепит русских и не даст им заметить подлога».

Речь эта понравилась всем, особенно довольны были предложенной выдумкой заменить Гусейн-Бека. Фанатика, согласного на этот подвиг, было найти нетрудно. Перед Нурмедом поставлено было блюдо плова, и накинут ему на плечи узорный халат из полосатого адраса. Через час, не более, все было готово к отъезду в лагерь, и когда Нурмед снова сел на своего аргамака и забрал возвращенное ему оружие, то уже совершенно стемнело. Небольшая группа всадников с подложным Гусейн-беком и гарцующим впереди Нурмедом медленно пробиралась по улицам сквозь густые толпы волнующихся жителей, осторожно объезжая завалы и наскоро вырытые ямы. Выехав из города, они поехали крупной рысью. Мнимый Гусейн-бек, который оказался стариком лет восьмидесяти, в богатом шелковом халате и необъятной белой чалме, кульком трясся на высокой лошади под ковровой попоной. Вся публика ехала молча, один только Нурмед не переставал говорить, давая всем советы,

как надо держать себя с русскими вообще, а в особенности с начальником отряда. Скоро их окликнули передовые посты казачьей цепи, но, узнав Нурмеда, пропустили далее. Я забыл, что ургутские муллы не забыли привести Нурмеда к строгой присяге перед Кораном в том, что он не изменит им и не откроет обмана, но Нурмед оказался в этом случае истинным сыном девятнадцатого столетия. Впрочем, сам Нурмед не говорил ничего о своей присяге, и это сведение получено уже со стороны от одного из уцелевших жителей.

Палатка, где происходило совещание, была освещена двумя или тремя стеариновыми свечами; ночной ветер, врываясь в отпахнувшиеся полы, поминутно колыхал бледное пламя, вследствие чего свет был неровный, мерцающий и трудно было подробно рассмотреть черты и выражение лиц прибывших. Ближе всех сидел псевдо-Гусейн, его желтое, морщинистое лицо виднелось только до половины из-под кисейной чалмы; старческие тонкие губы шевелились, как будто пережевывая что-то, открывая по временам беззубый рот с бледными деснами. Рядом с этим старцем, почти прислонившись к нему плечом, сидел узбек с большой, окладистой, черной, как смоль, бородой и с длинными, нависшими бровями. Он-то и говорил больше всех, отвечая на все вопросы, предложенные даже самому Гусейну. Двое остальных почти не принимали участия в разговоре; они беспокойно перешептывались между собой, бросая робкие взгляды во все углы палатки. Приезжие сразу показали себя очень плохими актерами. Впрочем, им дали успокоиться и ободриться; по крайней мере, с четверть часа им не давали заметить, что обман их открыт. Наконец, им объявили об этом.

Заседание окончилось, вся публика разошлась по палаткам, к прибывшим приставлен караул; им сказали, что они проведут эту ночь в лагере, а там, на другой день, будет видно, как поступить с теми, кто решился на подлог, вместо того чтобы вести честные переговоры.

Между тем по лагерю пронесся слух о том, что в ночь готовится сильное нападение на наш отряд. С вечера на горизонте виднелись большие конные толпы, которые обходили нас и занимали в тылу наши сообщения с Самаркандом. Приняты были все меры, предписываемые осторожностью.

Ни одной звездочки не было видно на небе; густые тучи выползли снова из ущелий и затянули все небо; по временам налетали резкие порывы ветра, парусили солдатские палатки и взметали из-под ротных котлов огненные снопы разлетавшихся искр.

В эту ночь я был назначен дежурным по отряду. На моей

обязанности лежала, между прочим, поверка постов и караулов. Часу в первом пополуночи я окончил объезд по цепи и возвращался в лагерь от самого дальнего конного пикета, верстах в четырех от лагеря, по ургутской дороге. Я не следовал всем изгибам дороги, а ехал напрямик, направляясь на лагерные огни. Моя лошадь шла положительно ощупью; я совершенно доверился инстинкту коня и пустил свободно поводья уздечки. Умное животное вытянуло шею, навострило уши и осторожно подвигалось вперед, слегка пофыркивая. Таким образом, я ехал минут десять. Вдруг конь мой остановился, громко всхрапнул и попятился назад; я перегнулся в седле и пристально стал вглядываться в темноту; ясно было, что впереди находится какой-то предмет, пугающий моего Орлика; это не могло быть что-нибудь обыкновенное – куст, арык, какой-нибудь выдавшийся камень или что-нибудь подобное; я хорошо знал своего испытанного коня, и потому отстегнул пуговку револьверного кобура и освободил оружие. Сколько я ни всматривался в темноту, я решительно не мог ничего заметить. Впереди, шагах в трех, виднелось как будто несколько кустов, я даже слышал шелест веток, шевелившихся от ветра; больше я ничего не видел подозрительного; я тронул легонько коня, который слегка вздрогнул от прикосновения шпор и тронулся вперед, но заметно нерешительно, и вдруг, круто повернув на задних ногах, стремительно скакнул раза два, так что я едва усидел в седле. В эту минуту я услышал хриплый голос, который что-то причитал непонятное, мне даже показалось, что-то похожее на плач, по крайней мере, я ясно слышал судорожное всхлипывание. Я громко окликнул. Едва только раздался мой голос, как невидимое существо пронзительно вскрикнуло и бросилось бежать от меня, что слышно было по шуму удаляющихся шагов. В этом отчаянном крике я узнал женский голос; в этом нельзя было сомневаться – пронзительная, раздирающая душу, полная смертельного испуга нота еще дрожала в воздухе. Я не кинулся преследовать это странное существо; это ни к чему бы не повело, да и было положительно невозможно: в этой темноте, на местности, изрытой и заросшей, я десять раз мог бы сломать себе шею прежде, чем поймал бы эту странную незнакомку. Я тронулся дальше, все направляясь на огни, и через четверть часа был уже около своей палатки. Отдав коня вестовому, я завернулся в шинель и лег на ковре, рассчитывая соснуть час до нового объезда по цепи.

Не успел я хорошенько задремать, как меня разбудил грубый солдатский голос: «Ваше благородие! Ваше благородие!» Я открыл глаза. Передо мной стоял солдат в амуниции, с ружьем и

в накинутой на плечи шинели; он прибежал из цепи.

– Что случилось? – спросил я его.

– Там в цепи «притча», ваше благородие! – отвечал он, указывая рукой по направлению левого угла лагеря.

– Какая притча? Что за вздор!

– Не могим знать, ваше благородие! Так прямо на часовых и лезет; пробовали отогнать – кусается, окаянная; кто ее знает, что такое!

Я вскочил и пошел вслед за солдатом, который побежал впереди, указывая дорогу.

Там, на дальнем конце лагеря, пылал яркий огонь; солдаты жгли сухую, прошлогоднюю колючку: пламя взвивалось высоким столбом, освещая вокруг довольно значительное пространство. Группа солдат, с громким говором и смехом, стояла вокруг чего-то, привлекающего общее любопытство. Когда я подошел, солдаты расступились, и я увидел странное существо.

Это была женщина, еще не старая, высокого роста и чрезвычайно худощавая. На голове у нее ничего не было; черные с проседью волосы длинными прядями падали в беспорядке; она поминутно поправляла их длинными, костлявыми пальцами. Большие круглые глаза смотрели на огонь совершенно бессмысленно; красный рот, с белыми ровными зубами, был искривлен улыбкой, но улыбкой безобразной, без всякого выражения: так улыбаются идиоты. Женщина сидела на корточках около огня и дрожала, как в лихорадке. Остатки полосатого халата едва держались на плечах; обе груди были обнажены совершенно. Она то напевала себе под нос что-то монотонное, то плакала, то смеялась. Она была сумасшедшая, в этом нельзя было сомневаться. Вдруг она пристально взглянула на одного из солдат и, как кошка, прыгнула к нему, вытянув руки; испуганный солдат отскочил и выронил при этом из рук кусок хлеба. Безумная вцепилась в этот кусок и с какой-то неестественной жадностью принялась его грызть и глотать, почти не пережевывая куски. Она была голодна: она, верно, несколько дней ничего не ела. Я тотчас же послал на кухню за кашей, а сам начал допрашивать ее с помощью солдата-переводчика. Впрочем, все мои попытки остались бесплодны – я не узнал ровно ничего. Безумная, видимо, ничего не понимала, и я прекратил расспросы. Солдаты толковали между собой и, как казалось, недружелюбно относились к этому визиту.

– Прикидывается, ведьма, – говорили они. – Знамо, прикидывается. Подослали, чай! Таперича ее до утра никак нельзя выпущать из лагеря. Чего выпущать, пришибить, да и все тут!

– Ишь ты, пришибить! А ну-кась, поди, пришиби; чай, тоже человек!

Я видел, что эту женщину нельзя оставить на попечение такого караула, и велел отвести ее на главную гауптвахту: там ее накормили и оставили до утра. С рассветом ее вывели из лагеря. Она медленно побрела к горам, ковыляя по высокому бурьяну.

Рано утром, еще до солнечного восхода, отряд наш уже был на ногах. Пехотинцы оставили на повозках шинели и сухарные мешки и в одних рубашках выстраивались перед лагерем. Палатки были сняты; обоз запрягал лошадей и вытягивался на дорогу. Решено было сделать еще одну, последнюю попытку уладить мирно с Гусейн-Беком, а затем, если не удастся, штурмовать Ургут сегодня же.

Вывели из палатки мнимого Гусейн-бека с товарищами; они провели мучительную ночь в ожидании наутро достойного воздаяния: они были уверены, что им утром отрежут головы. Когда им привели их лошадей и велели ехать в Ургут, они не хотели верить и думали, что над ними смеются. Полковник А-в приказал им передать Гусейн-Беку, что если он не выедет переговорить лично с начальником русского отряда через два часа, то русские пойдут к Ургуту. Послы медленно выехали из лагеря, но едва только они проехали последних часовых, как пригнулись к седлам и во всю конскую прыть понеслись к городу. Только тонкая полоса пыли стлалась по дороге вслед за быстро удаляющимися всадниками.

Между тем отряд тронулся к Ургуту. Солдаты, подгоняемые утренним холодом, шли ходко, с песнями; казачьи орудия рысили между ротами, в обозе скрипели и визжали несмазанные колеса арб; арьергардная рота, составив ружья, ждала, когда последняя повозка выберется на дорогу. Начальник отряда поехал вперед с казачьей сотней, с ним поскакали и несколько офицеров.

Едва мы отошли версты две от места ночлега, как заметили на всех окрестных холмах конные толпы. Место нашего лагеря тоже было уже занято неприятелем, и, кроме того, по шехрисябзьской дороге из ущелья подвигалось большое пыльное облако. Нас положительно охватили со всех сторон, и, в случае неудачи под Ургутом, мы могли рассчитывать на самое неприятное отступление.

Перед началом ургутских садов находилась довольно значительная, но с пологими скатами, возвышенность; она вся была покрыта конными, и на самой вершине пестрело несколько ярких значков. Отдельные всадники джигитовали шагах в трехстах, даже менее, перед нашим авангардом; иные совершенно неожиданно выскакивали из незаметных, заросших бурьяном

лощин, почти перед самым фронтом, гикали и стремглав неслись назад, чертя круги своими длинными пиками. Впрочем, ни одного выстрела не было сделано ни *с* той, ни с другой стороны; это была прелюдия, могущая окончиться еще мирным образом. Неприятель, видимо, давал нам заметить свои силы, рассчитывая, что мы будем вследствие этого уступчивее в своих требованиях.

Мы все продолжали подвигаться вперед; передние толпы неприятеля отходили при нашем наступлении, задние же неотступно следовали за нами. Не доходя полутора верст до начала садов, мы остановились и перестроились в боевой порядок: три роты стали в первую линию, стрелки рассыпались в цепь, а остальные роты составили резерв и прикрытие обоза, который сворачивался в густую колонну, по стольку повозок в ряд, сколько позволяла холмистая и сильно изрытая местность. Орудия, не снимаясь с передков, заняли места на небольшом холме, несколько впереди первой линии. Вообще позиция была довольно удачная: ургутские сады были видны, как на ладони, на зубчатой вершине цитадели что-то дымилось, по садам пестрели густые толпы пешего народа.

Наш маневр произвел оживленное движение в массах неприятеля: заволновались нестройные толпы, и глухой гул пронесся по окрестностям. Значки отступили к садам, и оттуда показалась небольшая, отдельная кавалькада, которая поскакала прямо по направлению к георгиевскому значку начальника нашего отряда. Оказалось, что это были вчерашние знакомцы; они ехали с окончательным ответом к полковнику А-ву.

От этих послов мы узнали, что Гусейн ни под каким предлогом не выедет к русским. Ургутцы явно дали нам заметить, что нашим словам и обещаниям они не доверяют вовсе. Начальник отряда настаивал на своем требовании; это оказалось совершенно бесполезным. Послы говорили: «Мы видим, что вы хотите битвы; что ж, пусть Бог решит, кто из нас правее. Впрочем, мы видели и не таких под нашими стенами. У нас в книгах сказано, – продолжали они, – что сам Тимур-Ленк приходил с мечом и огнем в наши горы, но Бог не допустил до погибели свой любимый город и покрыл стыдом войско Тимура. Идите лучше с Богом домой и скажите своему губернатору, чтобы он оставил в покое нашего бека».

Так говорили послы, а конные массы неприятеля все прибывали и прибывали; казалось, все окрестные села и местечки восстали и выслали своих вооруженных жителей на помощь Ургуту. Мы предчувствовали, что нам придется иметь горячее дело. Мы не давали много значения тем конным толпам, которые сновали у нас в тылу и на флангах: мы по опыту знали, что как бы

ни было многочисленно это скопище, они не решатся всей массой нахлынуть и раздавить наш отрядик, а это было бы очень нетрудно – неприятеля было, наверное, более двадцати тысяч, а у нас не набиралось и семисот человек. Ружейный огонь всегда удержит в почтительном отдалении джигитов, и одной роты будет совершенно достаточно, чтобы прикрыть как наш обоз, так и тыл штурмующего отряда. Но в садах, где ургутцы будут драться на своем родном пепелище, где каждая сакля, каждый садик, обнесенный глиняным забором, могут служить прекрасным укреплением; наконец, в самом городе, где жители имели время приготовиться к обороне и баррикадировать улицы, – здесь, мы знали, что встретим жестокий отпор, по-видимому, непреодолимых препятствий. А между тем, надо было во что бы то ни стало сломить строптивый город; отступить без штурма было бы слишком рискованно: мы могли бы много потерять в этом крае, где мы, со своей малочисленностью, только и держимся каким-то чарующим обаянием нашей непобедимости.

Послам велено было ехать обратно и сказать, что еще час мы даем на размышления и что ровно через час, если не получим ответа, откроются с нашей стороны военные действия.

В ожидании сигнала к наступлению роты стояли настороже, готовые двинуться по первому знаку. Рассыпанные в цепь стрелки прикладывались от скуки, конечно, примерно, в кое-каких слишком соблазнительно подъезжавших всадников; это движение заставляло джигитов мигом поворачивать лошадей и, вплотную пригнувшись к седлу, удирать во все лопатки. Солдаты хохотали и острили по-своему, а знавшие туземный язык посылали вдогонку разные приветствия, конечно самого нецензурного свойства. Особенно отличался в этом один молодой человек, еще безусый; он, приставив руки ко рту трубой, во все горло выкрикивал весь репертуар национальной брани и от души заливался звонким, почти детским смехом, когда его усилия увенчивались успехом, и издалека доносился ответ такого же грязного свойства.

Вообще, наши солдаты – большие любители всевозможных домашних животных, особенно собак, и при ротах обыкновенно бродят целые прикормленные стаи. В курс дрессировки, главным образом, входит бросаться на сартов, и надо видеть, с каким остервенением нападают ротные псы на всякую личность, показавшуюся в долгополом туземном костюме. В настоящее время более сотни всевозможных Волчков, Белок, Арапчиков и Куцок носились перед цепью, храбро налетали на ближайших джигитов и, свирепо прыгая, хватали за хвосты лошадей и за полы халатов, ловко увертываясь от сабельных ударов. Наши

боевые псы – я смело даю эпитет: боевые – с успехом разыгрывали роль фланкеров и потешали солдат, служа бесконечной темой острот и веселой, оживленной болтовни.

– Таперича, братцы, – говорили они после дела, – надо Куцего и Валетку тоже наградить!

И солдаты с любовью поглаживали по мокрым, мохнатым мордам прибежавших и виляющих хвостами псов. А между тем данный на размышление час подходил к концу. Орудия снялись с передков, и канониры прилаживались к прицелу, поглядывая, ловко ли придется. По линии пронеслась команда: «Становись!» Шутки и смех замолкли разом, солдаты сняли шапки и перекрестились.

Вдруг из-за пригорка, который находился не более, как в двухстах шагахот крайней роты, показались беглые дымки, несколько пуль с визгом пронеслись над колоннами, и в ту же минуту отчетливо послышались команды: «Картечь, первая!» В самую середину большой конной толпы, рассекая воздух со свистом и шуршанием, врезалась картечь и запрыгала, рикошетируя по каменистой почве; другой выстрел направлен был туда же. Застонала окрестность от конского топота и заунывного гиканья; в облаках беловатой пыли неслись тысячи всадников, очищая нам путь перед фронтом и охватывая наши фланги; загнулись концы стрелковой цепи, крайние роты выслали по полувзводу в цепь, и на флангах мигом зарокотала оживленная перестрелка. Размахивая в воздухе саблями и стреляя на ветер, конечно, из своих фитильных мултуков, ургутцы, как черти, носились вокруг нашего отряда с громкими криками: «Ур! Ур!»[9]

Трудно представить себе что-нибудь более неприятное и заунывное, чем воинственные вопли азиатов; каждый не кричит своим обыкновенным голосом, а старается взять фистулой как только можно высокую ноту, поэтому общий клик кажется каким-то стоном и плачем, в котором слышатся порой отдельные пронзительные взвизгиванья.

То там, то сям барахтались на земле сброшенные всадники; уже много коней с растрепавшимися, сбитыми под брюхо седлами скакали, путаясь в порванной сбруе. Расстояние между нами и неприятелем становилось все более и более: картечь и ружейный огонь охладили несколько воинственный жар, и ургутцы со своими союзниками обратились к обыкновенной своей тактике: держаться подальше от проклятых «белых рубашек» (ак-кульмак) [10], так чтобы выстрелы наши не достигали до правоверных, и издали дожидаться, когда Аллах напустит страх и ужас на гяуров, и обратить в бегство беспокойных пришельцев. Вот тогда бы они показали себя. Сидя на не знающих устали конях, со своим

неукротимым зверством и опьяняющей страстью к резне, они составляли превосходное войско для преследования разбитого неприятеля; можно смело ручаться, что очень немного из беглецов спаслись бы от смерти, да и то каким-либо чудом разве. Глядя на эти бесчисленные толпы, мне не раз приходила в голову мысль, что плохо пришлось бы нам, если бы хоть раз мы потерпели крупную неудачу, такую неудачу, которую можно было бы назвать поражением.

Как скоро картечь очистила нам дорогу к Ургуту, мы тронулись вперед. Мы шли тремя колоннами, направляясь на ближайшие сады. По дороге нам попадались раненые и убитые люди и лошади; те, кто только не был ранен смертельно, старались спрятаться от нас при нашем приближении, иные ползли по высокой траве, оставляя широкие кровавые следы; иные, стиснув зубы и подавив в себе мучительный стон, прикидывались мертвыми; сарты боялись, чтобы мы не начали по дороге пришибать тех, кто еще жив и шевелится; впрочем, они имели основание бояться этого. Конечно, этого не могло случиться в данную минуту: люди шли в строю, в полном порядке, офицеры были на своих местах, и подобного зверства не могло быть допущено, но в минуту разгара штурма, когда немыслим никакой надзор над отдельными действиями каждого солдата, это может случиться. Сколько раз случалось, что после какого-нибудь кровавого эпизода не было ни пленных, ни раненых, были только убитые. Попадались и кони, у которых картечь вырвала чуть не все внутренности; несчастные животные пытались подняться, но, обессиленные, с тяжелым храпом снова падали на землю. А наши роты все шли и шли. Вот уже перебрались через кремнистую речку, уже близко серые стенки, за которыми беспокойно забегали сотни пестрых голов. Орудия взяли на передки и шли за нами; иногда они снимались и пускали в сады гранаты через наши головы, подготовляя нам штыковое дело. Немного не доходя садов, пущено было несколько картечных выстрелов; пыль от глиняных стенок, взбитая картечью, смешалась с дымом неприятельских выстрелов. Со страшным криком отхлынули нестройные массы и, неловко прыгая в своих тяжелых халатах через стенки, очищали переднюю линию ограды. Вот в эту-то минуту наши крикнули «ура» и бегом бросились за отступающими. Скоро все скрылось и перемешалось в массах зелени. Отдельные выстрелы, недружные, урывчатые крики «ура!», вопли «ур! ур!» и мусульманская ругань – все слилось в какой-то дикий хаос звуков, и только отчетливый огонь наших винтовок да резкие, дребезжащие звуки сигнальных рожков, подвигаясь все далее вперед и вперед, указывали

приблизительно направления, по которым шли штурмующие роты. Здесь уже нельзя было видеть ничего общего, все распалось на отдельные эпизоды, и только после дела из разных рассказов можно было составить себе подробный отчет о самом ходе ожесточенной схватки.

Наши стрелки как шли цепью, так и ворвались в сады, разбившись по два и по три звена, где как случилось; сомкнутые роты шли по узким улицам, заваленным баррикадами из свеженарубленного леса.

В тесном проходе между двух высоких садовых стен, в густой тени от нависших над самыми головами фруктовых деревьев, сжалась одна из рот. Солдаты, запыхавшись, с красными, облитыми потом, физиономиями, с трудом пробирались по заваленной камнями и хворостом дороге. Из-за стен валились камни и бревна, на деревьях вспыхивали дымки выстрелов; наши изредка отвечали, спеша пробежать это опасное пространство. Вдруг пронесся говор: «Майор убит, майора ранили». Я поспешил протиснуться верхом сквозь толпу к месту, где я заметил серую лошадь майора Г-га, которая без всадника уже билась и фыркала в руках растерявшегося жидка-горниста. Майор Г-г лежал на земле, растянувшись во всю длину своего богатырского роста: его прекрасная светло-русая борода была окровавлена, по белому кителю тянулись ярко-красные полосы. Наш доктор, который на своей маленькой лошаденке, вооруженный простой форменной шпажонкой, всегда находился во главе атакующих рот, уже сидел на корточках около раненого и забинтовывал ему голову. В несколько секунд перевязка была окончена, Г-го подняли и подвели ему лошадь; с помощь солдат он довольно твердо сел в седло и тронулся вперед. Я подъехал к доктору П-ву, который уже садился, кряхтя, на свою рыжатку, и спросил его: «Ну что?»

– Плохо, – отвечал он вполголоса, – у самого виска, пуля там. Крепится покуда, горяч больно, да и сила медвежья!

И П-в, погнав лошадь плеткой, рысцой догнал Г-га и поехал рядом, посматривая изредка на его завязанную голову.

Замявшаяся на минуту рота снова бросилась вперед. Один полувзвод, поднявшись с помощью товарищей на стену, перелез в сад, из которого больше всего беспокоили нас обороняющиеся; за стенкой закипела горячая схватка. Ургутцы приняли наших в батики; это оружие допотопное, но, тем не менее, могущее наносить чувствительный вред: оно состоит из чугунной с острыми шипами шишки, насаженной на длинное, гибкое древко. Одно из звеньев цепи, зарвавшись слишком вперед, было со всех сторон окружено густой толпой сартов. Мы видели эту небольшую кучку, всего в восемь человек, прижавшуюся к

полуразвалившейся сакле. Стрелки с трудом отбивались от рассвирепевших нападающих; ружья были разряжены, вновь заряжать не было никакой возможности, и усталые, измученные солдаты, собрав последние усилия, отмахивались штыками и прикладами от целого града батиков, китменей и даже просто палок, которыми были вооружены ургутцы. Почти у всех уже были разбиты головы, и липкая кровь текла по лицам и слепила глаза защищавшимся: трое уже лежали ничком на земле; одного из солдат сарты успели оттащить баграми от товарищей и буквально домолачивали батиками. Но с улицы было уже замечено критическое положение зарвавшихся: человек двадцать солдат бежали врассыпную на помощь. Впереди всех, прыгая через заборы и срубленные деревья, без шапки, и размахивая руками, несся молодой офицер атлетического сложения: он намного опередил бегущих солдат и ринулся с разбега в густую толпу сартов; он разметал ближайших и уже пробился к стрелкам, как вдруг тяжелый батик опустился ему на голову, и Б-ский, вздрогнув, опустился на землю. В эту секунду загремели чуть не в упор направленные выстрелы, и началась бойня. В несколько секунд по всем углам сада, под стенами, в густой траве, всюду корчились и дико стонами заколотые сарты. Солдаты положительно вышли из себя, вид наших израненных стрелков доводил их до бешенства.

А между тем штурмующие прошли уже предместья и ворвались в сам город. Здесь истощилось уже мужество защитников, и они, бросаясь при нашем приближении за валы и баррикады, в ужасе спасались из города. По всем плоским крышам сакель виднелись развевающиеся халаты бегущих; иные останавливались на всем бегу и, как пораженные молнией, падали врастяжку – их догоняли наши шестилинейные пули. Из-за угла, сбив с ног двух или трех солдат, неслась перепуганная, дико храпящая лошадь; седло было сбито и окровавлено; около коня, запутавшись ногой в стремени, волочился обезображенный труп; голова, разбитая совершенно вдребезги, щелкала о камни. Это был, вероятно, кто-нибудь из важных сановников, судя по остаткам дорогого бархатного халата и богато вышитой попоне, покрывавшей бухарское седло.

Дикий стон и отчаянные вопли носились над городом. Все бежало, очищая узкие улицы. На главной дороге, ведущей к городскому базару, были устроены такие баррикады, разбирать которые пришлось бы слишком долго, но вдоль улиц с шумом, прыгая по камням, катился горный ручей, и забаррикадированы были только берега его; солдаты спускались в воду и брели по пояс, сгибаясь под мостами. Таким образом, выбрались на улицы,

ведущие к цитадели Ургута.

Даже в цитадели, объятые паническим страхом, ургутцы не хотели защищаться. Ворота были отперты, их хотели было затворить бежавшие, но, вероятно, не сумели сделать этого: одна половина ворот, сколоченная из массивных бревен, тяжело скованных железом, сорвалась с крюков и наискось повисла на петлях.

Цитадельные дворы были вымощены плитами; сложенные из камня стены сакель красиво украшены пестрой мозаикой и разрисованы яркими красками. В угольном дворике раскинулся роскошный виноградник, поднятый на подставках, в тени которого помещался белый мраморный бассейн в виде колодца, аршина в три глубиной, наполненный до краев превосходной, прозрачной, как стекло, водой. У стен под навесами были расположены кухни, вероятно, самого бека: громадные медные котлы, вмазанные в глиняные очаги, стояли рядами; некоторые были до половины наполнены остатками шурпы и плова[11].

Всюду видны были следы самого поспешного бегства.

На крыше самой высокой, господствующей над всем городом, сакли поставили ротные значки; все наличные горнисты и барабанщики расположились там же и грянули сбор, чтобы собрать рассыпанных по городу солдат. В главной сакле разостлали несколько здесь же добытых ковров, и на них положили раненого Г-га, который все время был в голове отряда и одним из первых добрался до цитадели. Он был очень истощен потерей крови и жаловался на шум в голове и на боль, увеличивающуюся еще от невыносимой трескотни барабанов и визга сигнальных труб. П-в сделал еще раз более аккуратную перевязку, и больной несколько успокоился. Начали понемногу сносить раненых наших солдат; почти все раны были нанесены холодным оружием, но раны от китменей были положительно ужасны; я видел одного получившего удар китменем по лопатке: кость была совершенно расколота надвое, и жезело прошло насквозь, раздробив даже противоположные ребра. Этот раненый умер через несколько минут.

Я забрался на одну крышу. Отсюда ясно был виден весь Ургут: можно было видеть изгибы всех улиц города. Все окрестные возвышенности были покрыты толпами бежавших жителей. Большие стада угонялись в ущелья. Наш обоз втягивался в сады, и издалека белели рубашки арьергардной роты.

Мне приказано было поехать навстречу начальнику отряда, который должен был находиться в настоящую минуту с орудиями и резервов при въезде в город. Я отыскал свою лошадь и поехал. При выезде из цитадельных ворот я увидел страшную картину:

целая куча тел, наваленных одно на другое, загородила почти весь проезд; некоторые были еще живы и страшно корчились в предсмертной агонии; ватные халаты дымились и тлели: видно было, что выстрелы по ним сделаны были почти в упор. Группа солдат, составив ружья, стояла тут же, делая при этом кое-какие замечания; два офицера крутили папиросы и говорили что-то о разнице между бухарскими и хивинскими коврами. Я не видел этих тел прежде; сколько я помнил, в самой цитадели мы не встретили ни одной души. Я поинтересовался, откуда взялись эти убитые, и мне рассказали следующее.

Под воротами, в одной из боковых стен, находилась маленькая дверь, ведущая в темное помещение. Когда наш караул занимал посты в цитадели, между прочим, и в воротах, то на эту дверь не было обращено никакого внимания. Уже расставлены были часовые, и караул расположился себе, как дома; вдруг неожиданный выстрел загремел под воротными сводами, густой дым повалил из незамеченной двери, и один из караульных солдат, раненный в спину, вскрикнув, присел на ступени лестницы. Наши бросились к предательской двери, но оттуда раздалось еще несколько выстрелов; тогда солдаты, в свою очередь, принялись стрелять в темное пространство, и ни один выстрел, несмотря на то что пущен был наудачу, не пропадал даром. Сперва послышались бранные, озлобленные крики, потом все затихло. Тогда наши, вооружившись длинными баграми, которые стояли в углу неподалеку от ворот, принялись вытаскивать осажденных, и на свет стали появляться одна за другой растерзанные фигуры в красных и синих халатах.

Сиди сарты спокойно в своем убежище – на них никто бы не обратил никакого внимания, но уж такова азиатская натура, так велико фанатичное озлобление, что не хватило сил, чтобы утерпеть и не послать пули в спину зазевавшегося гяура.

Я поехал далее. Улицы были так узки и так неровно вымощены крупным камнем, притом повороты были до такой степени круты и неожиданны, что нельзя было и думать провезти в цитадель наши орудия. Часто попадались мне наши солдаты в изорванных рубашках, с усталыми донельзя лицами; платье и руки у многих были выпачканы кровью; они спешили в цитадель, направляясь на бой барабана. Скоро я выбрался к базару. Здесь улицы пошли шире, кое-где были перекинуты плетеные навесы. Базар расходился на несколько ветвей, которые после сходились снова в одну улицу. В одной из этих ветвей остановились наши орудия; они положительно не могли двинуться ни взад, ни вперед; за ними стеснились повозки обоза. Трудно описать, что происходило на базаре в эту минуту.

Еще подъезжая, я издали слышал крики, хохот, стук топоров и треск ломающихся дверей. В наказание за упорство жителей базары велено было разорить дотла, и солдаты ревностно принялись за эту веселую работу. Началось то, что на местном туркестанском наречии называется «баранта». Надо хоть раз видеть это, чтобы составить себе понятие, что это такое. Это не простой грабеж, корысть не играет здесь вовсе первостепенной роли; нет, это какой-то дикий разгул: все наше, а что не наше, так и ничье! Попалось фарфоровое китайское блюдо – об пол его. «Нешто потащишь его с собой?» – говорит расходившийся солдат, глядя, как звенят и прыгают по камням раскрашенные черепки. Здесь нашли чан с кунжутным маслом – туда лезут с ногами, чтобы несколько размякли заскорузлые от солнца и пыли сапоги. Там высыпана на улицу целая груда ярко-желтых и серебристо-белых коконов. Тут разбита лавка с красными товарами: солдаты целыми тюками расхватывают пестрые ситцы и полосатые адрасы; размотавшиеся, неловко захваченные куски волочатся по грязной улице. В стороне два солдатика сворачивают громадные узлы, с усилием стягивая концы ватного одеяла: они намерены тащить это в лагерь, и дотащут, если какой-нибудь встретившийся офицер не прикажет бросить всю эту дрянь. Вы думаете, что они с сожалением исполнят это приказание, выразят при этом неудовольствие или что-нибудь в этом роде? Ничуть. Они тотчас же послушаются и еще расшвыряют ногой узел, который они тащили версты полторы с таким громадным трудом. Все равно они продали бы его за полтинник, много разве – за рубль. Я видел одного молодого солдата, который больше всех шумел, неистовствуя по разгромленному базару: тут он роется в кучах седельной сбруи, там перебирает медную посуду в чайной лавочке, через минуту разглядывает на свет готовый халат из яркой материи, но когда я, уже в лагере, спросил его, что же он притащил хорошего, то он с улыбкой показал на свои карманы, набитые кишмишем и урюком.

Впрочем, есть солдаты, особенно из евреев, которые барантуют, руководимые чисто меркантильными соображениями – те не довольствуются тем, что приносят сами, но еще за бесценок скупают баранту у других солдат и частенько составляют себе очень хорошие деньги. Подобные примеры случаются в области, и почти все быстро разбогатевшие бессрочные солдаты обязаны своим богатством баранте.

Скоро я отыскал полковника А-ва; он находился у повозок с ранеными. Здесь я увидел и Б-го с перевязанной головой. Рана его оказалась неопасной, хотя и лишила его чувств в первые минуты. Я сообщил полковнику, что цитадель уже занята и что улицы так

узки, что будет совершенно невозможно провезти туда орудия. Принимая это обстоятельство в соображение и, кроме того, не имея возможности поместить в цитадели весь отряд, так как там находилось место для одной роты, решено было к ночи выбраться из города, потому что иначе пришлось бы ночевать на улицах, растянувшись по бесконечным их изгибам; а это могло бы иметь очень вредные последствия, так как надзор за людьми при таком положении отряда был бы в высшей степени затруднителен, да и в случае ночного нападения на нашей стороне были бы одни только невыгоды. Занять же аванпостами крайнюю черту города было немыслимо при нашей малочисленности: мы едва могли бы оцепить десятую часть городских окраин, и то израсходовав на посты всю пехоту.

Повозки по одной, с большим трудом, выпрягая лошадей, начали поворачиваться и выходить из города, орудия сделали то же. Посланы были всюду приказания очищать городские улицы.

Место для лагеря выбрано было не более как в полуверсте от начала садов на ярко-зеленой пологой возвышенности, с которой мы начали несколько часов назад свою атаку. Тут же, невдалеке, протекал ручей, на котором были наскоро набросаны живые мостики. Влево, к самой горе, подходили роскошные поля, засеянные пшеницей. Вблизи ни одной рытвины, ни одного куста, ничего, могущего скрыть подползающих лазутчиков или кого-нибудь в этом роде – короче, место было превосходное.

Вся дорога от города к лагерю была занята еле двигающимися, тяжело нагруженными солдатами. Гнали ишаков, которые были до такой степени навьючены, что не видно было ни ног, ни головы – двигалась какая-то безобразная куча. Забытые жителями коровы и телята, задрав хвосты, с ревом скакали, подгоняемые ружейными прикладами.

При всех отрядах, как бы они ни были малы, непременно находятся два или три маркитанта, преимущественно из казанских татар; очень часто, что эти господа бывают агентами довольно значительных купцов в Туркестанском крае. У них можно найти бутылку фабрикованного хереса или марсалы, или еще что-нибудь в этом роде, но, главным образом – целью маркитантов служит баранта. В разгар, из первых рук, маркитанты за чарку спирта приобретают целые вороха разных вещей, которые и продают после с барышом, о котором никакие в мире торговые дома не имеют даже понятия. Арбы хитрых татар нагружаются до такой степени, что трещат карагачевые оси и гнутся высокие колеса.

Кроме того, за хвостом отрядов тянутся, иногда на лошадях и ишаках, а иногда и просто пешком, оборванные байгуши-туземцы;

у каждого из них непременно найдется несколько серебряной мелочи. Эти, как шакалы после тигров, скупают то, что оставлено маркитантами без внимания. Они рискуют иногда и сами барантовать в саклях, но за это слишком дорого платятся, потому что солдаты, не стесняясь, убивают эту сволочь, принимая их за сартов с неприятельской стороны; не помогают даже белые повязки на руках, которые эти шакалы навязывают себе в подражание джигитам-милиционерам.

Не успело еще стемнеть, как уже последние солдаты выбрались из Ургута и пришли в лагерь. Послали ротные повозки за дровами; ближайшие сакли были разобраны, и привезены целые воза леса. Сделана была тщательная перекличка, все раненые перевязаны, убитые похоронены тут же, в лагере. Это делалось, обыкновенно, таким образом: срезают осторожно дерн, потом вырывают яму и землю относят как можно подальше, чтобы свежевырытая земля не выдавала места, где зарыто тело; затем кладут труп, засыпают его и тщательно закрывают дерном. Это все делается так искусно, что решительно невозможно узнать место самой могилы, и предосторожность эта далеко не лишняя. Сколько раз случалось, что сарты разрывали неаккуратно скрытые тела и отрезали головы, которые отвозились в Бухару, за что получались халаты и другие знаки монаршей милости эмира.

Когда совершенно стемнело, в лагере вспыхнула великолепная иллюминация. Почти каждый солдат принес с собой с базара связки сальных свечей. Эти свечи, расставленные тесными рядами по линиям лагеря, огненными линиями опоясывали место стоянки. Это была волшебная картина. А за погруженным в глубокую темноту Ургутом, сквозь тучи, закрывшие собой горные цепи, мелькали на недосягаемой высоте бледные огненные точки: это были ночные костры бежавших ургутцев. С каким тоскливым чувством смотрели они на нашу иллюминацию! Сколько проклятий сыпалось на наши головы! Сколько семейств не досчитались своих членов!

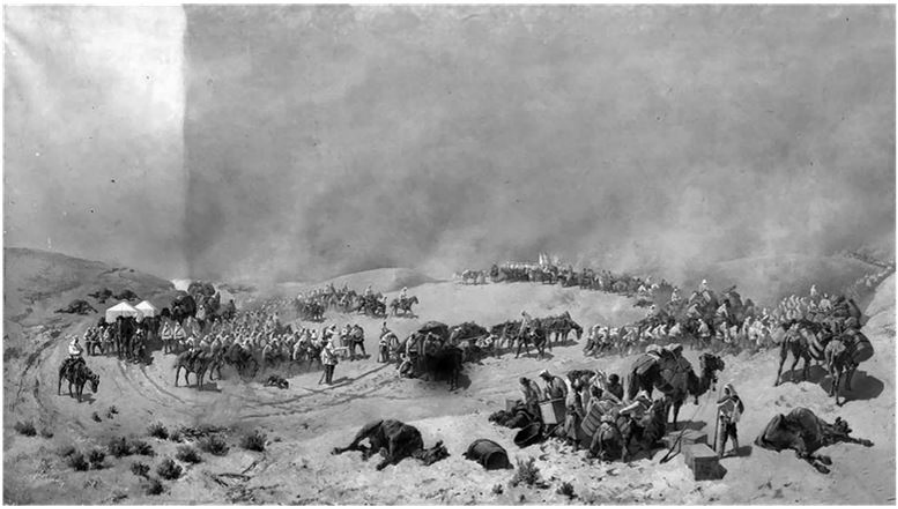
По известиям, полученным после, в Ургуте собрано было до семисот тел – ужасная цифра сравнительно с числом наших солдат, участвовавших в штурме. Сам Гусейн одним из первых бежал в горы, чуть не при самом начале штурма.

Цель экспедиции была отчасти достигнута: непобедимый Ургут был взят и разорен горстью русских. Это имело громадное значение в моральном отношении.

На другой день мы снялись с лагеря и отошли к Самарканду, и только к вечеру этого дня стали понемногу возвращаться ургутцы на свое пепелище.

Н.Н. Каразин

Покорение Хивинского ханства



Об истории Апшеронского полка. Апшеронцы в Хиве

Инициатива движения кавказских войск к Хиве всецело принадлежала Августейшему главнокомандующему Кавказской армией, Великому Князу Михаилу Николаевичу; по мнению Его Императорского Высочества, Кавказский отряд, действуя вполне самостоятельно, в случае, если бы он достиг Хивы раньше Оренбургского и Туркестанского отрядов, тем самым облегчал последним движение по пустыне и, следовательно, упрощал исполнение общей задачи.

Конец 1872 и начало 1873 года прошли в деятельных приготовлениях к предстоящему походу; началось формирование двух отрядов со стороны Кавказа: один, под начальством полковника Ломакина, сосредоточивался в Киндерли, а другой – полковника Маркозона, в Красноводске. Оба отряда имели своей задачей постараться во что бы то ни стало войти в связь с Оренбургским отрядом генерала Веревкина.

Начальником Мангишлакского отряда назначен был полковник Ломакин и начальниками: штаба – подполковник Гродеков, артиллерии – подполковник Буемский, кавалерии – полковник Тер-Асатуров и офицер генерального штаба – подполковник Скобелев.

Согласно полученным полковником Ломакиным инструкциям, его главная задача заключалась в том, чтобы со своим отрядом войти в связь с отрядами Оренбургским и Красноводским посредством посылки нарочных, ввиду чего полковник Ломакин еще из Киндерли послал таковых в оба отряда: первого нарочного – за неделю до выступления, второго – 16 апреля. По полученным сведениям, Оренбургский отряд генерал-лейтенанта Веревкина, сосредоточившись на Эмбе 23 марта, должен был выступить оттуда 23 апреля и прибыть в Ургу 1 мая. От последнего пункта до оконечности бывшего Айбугирского залива около 9 дней пути, и Мангишлакскому отряду для своевременного присоединения к Оренбургскому у Айбугира надлежало выступить между 12 и 15 апреля. Во всяком случае, командующий войсками Дагестанской области князь Меликов рекомендовал Ломакину рассчитать свое движение таким образом, чтобы Оренбургскому отряду не пришлось ждать Мангишлакского.

Последние эшелоны экспедиционного отряда прибыли в Киндерли 12 апреля; к тому же времени собраны были верблюды

и свезено все продовольствие для войск. Несмотря на все старания и предварительные хлопоты, перевозочных средств находилось при отряде весьма мало, и, в связи с характером предстоявшего похода, они заключались главным образом в верблюдах – этих кораблях пустыни. Другой род перевозки тяжестей, принимая в соображение пустынную песчаную местность и страшную жару, был положительно немыслим. Но верблюдов собрано было самое ограниченное количество, и понятно, что войска не могли и думать поднять то количество провианта, которое полагалось каждой части, согласно приказу по отряду.

Каждая рота получила: 30 верблюдов для поднятия довольствия (4-дневный запас имелся на людях), 2 верблюда под патронные ящики, 1 – под офицерские вещи; всего на роту дано 33 верблюда. Кроме того, в Апшеронские роты назначено было 3 верблюда под вещи батальонных командиров (майоров Буравцева и Аварского), с их штабом, 5 – под фураж верховых лошадей, 10 – под довольствие 40 музыкантов и 1 – под аптеку, так что всего в Апшеронские роты назначено 250 верблюдов.

После нагрузки верблюдов патронами и сухарями, оставшиеся затем подняли воду. Тем не менее, апшеронцы не могли захватить всего довольствия и оставили в Киндерли запас сухарей на 7 дней и крупы – на 8.

Первый эшелон отряда, состоявший из шести рот Апшеронского полка и двух сотен казаков, под начальством майора Буравцева, поднял на своих верблюдах довольствие на один месяц; с этим эшелоном выступил повозочный транспорт (ротные повозки) и вьючные лошади Апшеронского полка с запасом овса.

Солдаты выступили из Киндерли в гимнастических рубахах, имея на себе, кроме вооружения, четырехдневный запас сухарей, мундир, шинель, сапоги и собственные вещи, для которых перевозочных средств не было дано. Багаж офицеров тоже отличался чрезвычайной скромностью и состоял из нескольких смен белья, мундира, пальто, запасов чая, сахара и табака; о походных кроватях никто и не помышлял, да и ложе самого начальника отряда состояло из простого войлока. Все пехотные офицеры шли пешком, ели то же, что и солдаты, потому что никаких маркитантов при отряде не находилось.

Войска Мангишлакского отряда были все как на подбор: пехота принадлежала к старинным полкам русской армии, считавшим существование свое за полтораста лет.

В поход отправилось много офицеров и солдат, участвовавших в долголетней Кавказской войне, бывшей такой

образцовой школой для наших войск. 14 апреля полковник Ломакин отдал по отряду приказ, в котором, не скрывая перед войсками предстоявших трудностей, все-таки выражал надежду, что эти трудности будут преодолены. «Братцы! – говорилось в приказе, – большое и весьма трудное дело предстоит вам. Много трудов и лишений придется перенести в здешней пустыне, прежде чем доберемся до Хивы. Но Кавказским ли войскам, испытанным в многотрудной Кавказской войне, прошедшим громадные горы и дремучие леса, остановиться перед какими-либо препятствиями в этих пустынях? Уверен вполне, что с такими бравыми молодцами шутя пройдем эту пустыню. Помолимся Богу, чтобы Он помог нам с честью вернуться на наш дорогой Кавказ».

Войска приняли этот приказ, прочитанный самим начальником отряда, громкими криками «ура». Вслед за тем началось молебствие. По окончании богослужения отрядный священник Андрей Варашкевич сказал теплое слово войскам, вызвавшее слезы у многих слушателей. Напомнив войскам, что они присягали служить до последней капли крови, он выставил перед ними трудности, которые стоят впереди, но советовал надеяться на Бога и уповать на святую Его помощь. «Мы идем за святое дело выручать из неволи неверных наших братий, а Христос сказал: нет выше любви к ближнему, как положить за него душу свою».

В заключение войска прошли церемониальным маршем мимо начальника отряда, и в двенадцатом часу дня первый эшелон с песнями тронулся в далекий поход.

День был чрезвычайно жаркий, и термометр показывал 30° по И. Не успели войска пройти несколько сот шагов, как верблюды начали падать; вьюки с них, за невозможностью распределить тяжесть по другим верблюдам, были относимы в лагерь и сдавались там в магазин, так что люди из первой колонны беспрестанно возвращались в лагерь. Только когда колонна отошла верст 6 от лагеря, относить довольствие в магазин оказалось уже невозможным, солдаты перестали возвращаться в лагерь, и вьюки пришлось оставлять там, где приставали верблюды.

Путь от Киндерли к колодцам Он-Каунды сначала (на протяжении 5-ти верст) идет по глубокому сыпучему песку, затем начинается подъем на небольшую возвышенность Кыз-Крылган (девичья погибель), на которой, по преданию, погибли семь девушек, застигнутых бураном. На окраине возвышенности виднелись семь могил, в которых похоронены эти девушки. Поднявшись на возвышенность, дорога проходит по местности довольно твердой, но во многих местах до того разрыхленной

землеройными животными, что лошадь, ступившая на них, проваливалась по брюхо.

Пройдя 14-го числа 13 верст, майор Буравцов остановился на ночлег в безводном пространстве. На первом переходе пало три верблюда и пристало пять; оставлено на пути довольствия – 25 пудов сухарей и 13 пудов круп. С рассветом следующего дня колонна выступила далее. Первый привал, после 6 верст пути, сделан был в 8 часов утра близ высохшего озера Каунды, у колодцев Он-Каунды. Несмотря на такой малый переход, на дороге пришлось бросить 16 верблюдов и с ними все тюки, за которыми уже с привала послали здоровых верблюдов. Здесь Кавказские войска впервые узнали, что за вода в пустыне. Хотя и в Киндерли вода обладает дурными свойствами, но почти все офицеры и некоторые солдаты не упускали ни одного случая достать пресной воды на судах. Каундинская вода имеет до того сильный раствор разных солей, что некоторых от нее тошнило; сильным же расстройством желудка страдали все, кто только пробовал пить эту воду. Никакое кипячение ее, никакое сдабривание кислотами, сахаром, ромом и проч. не могло отнять у воды отвратительного горько-соленого вкуса. Однако же надо было пить – и пили.

После 6-часового привала, в два дня пополудни, майор Буравцов отправил 1-ю стрелковую роту апшеронцев с шанцевым инструментом и сотню Кизляро-Гребенского полка налегке в Арт-Каунды, к месту предположенного ночлега; они отправились по ближайшей дороге по дну высохшего озера Каунды, чтобы, придя к месту ранее прочих частей, расчистить колодцы; остальные войска выступили в 4 часа по полудни, по дороге вокруг озера Каунды, ибо движение повозок и верблюдов по первому пути, при крутом и неразработанном подъеме на Арт-Каунды, представлялось невозможным. На месте оставлено 13 верблюдов, 18 пудов сухарей, 13 пудов круп и 13 пудов соли. Проводники уверяли, что от Он-Каунды до Арт-Каунды три часа ходу. Но колонна шла уже более пяти часов, а колодцы все еще не показывались[12].

Наконец, наступившая темнота и усталость верблюдов заставили прекратить движение и остановиться верстах в трех от Арт-Каунды. С места бивуачного расположения от каждой роты послано было по взводу с повозками при офицере к колодцам за водой. На другой день, утром, люди нашли засорившиеся источники, которые при не больших усилиях расчистили; воды оказалось довольно много. Так как на месте ночлега находился хороший подножный корм для верблюдов, то начальник отряда решился остаться там до вечера 16-го числа. Верблюдов напоили,

бурдюки наполнили водой, у каждого солдата в манерке или в котелке тоже была вода. В 5 часов вечера майор Буравцов выступил по направлению к колодцам Сенек, намереваясь наверстать ночью время, потерянное днем; 1-я же стрелковая рота (капитана Усачева) из Арт-Каунды послана была по другому направлению, с таким расчетом, чтобы соединиться с общей колонной утром следующего дня.

Вечер был прекрасный; солдаты шли бодро, с песнями; беспрестанно отпускались остроты по поводу отвратительной каундинской воды, которой каждый человек выпил чуть не ведро и которая расстроила у всех желудки. Местность, слегка волнистая и по твердому грунту покрытая небольшим слоем песка, благоприятствовала движению; даже верблюды, будто сочувствуя общему настроению, шли довольно сносно и развьючивать их приходилось редко; колонна прошла верст 10 совершенно незаметно; попадавшиеся на пути быстроногие сайгаки содействовали общему оживлению. Но едва стало темнеть, как начали довольно часто раздаваться крики – «послать рабочих» – признак, что верблюды начинают ложиться под вьюками. Когда совсем смерклось, подобные крики стали повторяться чаще, присталые верблюды и брошенный провиант попадались на каждом шагу, а колонна растянулась верст на пять. Признавая дальнейшее движение невозможным, майор Буравцов остановился на ночлег, назначив продолжение марша с рассветом. Хотя поднявшийся утром 17 апреля удушливый ветер не предвещал ничего хорошего, тем не менее войска успели до половины одиннадцатого утра пройти 20 верст и остановились на привал. Между тем наступила такая жара, какой войска до сего времени еще не испытывали; к тому же и вода уже была выпита солдатами. Чтобы хоть несколько освежить их, Буравцов приказал выдать из запасов в бурдюках на каждого человека по три чарки, а часа через два – еще по две.

После выдачи 5 чарок на каждого человека запас воды в каждой роте оказался весьма незначительный, а между тем, по словам проводников, предстоял еще переход около 50 верст, и по той дороге, по которой шел отряд, до колодцев еще очень далеко. Проводники говорили про другой путь, ближайший, прямо через горы; но эта дорога, по их словам, была проходима только для «верховых людей». Последнее обстоятельство могло явиться весьма серьезной помехой, поэтому майор Буравцов решил продолжать прежний круговой путь; но, чтобы облегчить переход следующего дня, 18 апреля, он приказал капитану Усачеву с его ротой и сотней Кизляро-Гребенского полка взять на две ротные повозки все порожние бурдюки, котелки и манерки и в 4 часа

утра выступить к колодцам Сенек, по прямой дороге через гору, постараться прибыть туда к рассвету, набрать воды и *с* конными казаками отправить ее навстречу колонне.

Уже наступал вечер, но жара была все-таки невыносима; она начала отзываться не только на верблюдах, но и на солдатах, которые понемногу приставали. Первый пример подали музыканты Апшеронского полка, за ними строевые чины, сначала поодиночке, а потом целыми десятками. Чтобы облегчить присталых, изнуренных солдат, офицеры несли их амуницию, ружья и отдавали им сохранившуюся еще у них воду и сахар с мятными лепешками. Но это мало помогало, и число пристававших увеличивалось с каждым шагом, так что при наступлении темноты их уже насчитывалось около 70 человек. Совершенно стемнело; продолжать дальше движение равносильно было увеличению числа отсталых, ввиду чего Буравцов остановил колонну на ночлег, и сюда, только к полуночи, подошли все отставшие нижние чины. По приходе на ночлег, проверили количество оставшейся воды: она оказалась только в двух ротах, в остальных же всю израсходовали на отсталых людей. Да и свойства арткаундинской воды были своеобразны: неприятная на вкус, она, вдобавок, не только не утоляла жажды, но, напротив, еще более распаляла ее.

Два киргиза, посланные Буравцовым разыскивать воду, возвратились и привезли в бурдюках какой-то белой жидкой грязи, которая вместе с оставшимся запасом дала возможность уделить каждому солдату по три чарки. Но вода только на очень короткое время утолила жажду. В лагере никто не спал, солдаты бродили как тени, еле передвигая ноги; некоторые из них, обойдя весь бивуак в надежде получить хоть глоток воды, в конце концов приходили к майору Буравцову и безмолвно, по временам глубоко вздыхая, стояли перед ним, ожидая от него помощи. К довершению печального положения, у некоторых солдат показались признаки холеры.

Один из очевидцев страшной ночи с 17-го на 18-е апреля, между прочим, писал своим родным: «Все мы в душе призывали Бога, и нам казалось, что только сверхъестественная помощь могла спасти от неминуемой гибели».

Часа за два до рассвета один из музыкантов принес к начальнику колонны медный чайник, в котором было стакана на два воды, купленной им у какого-то киргиза или туркмена. Некоторые солдаты уверяли, что вода поблизости, но что киргизы скрывают ее от русских. Стали разыскивать продавца, но не нашли. За два часа до рассвета, 18 апреля, колонна выступила. Вскоре наступил страшный зной и поднялся удушливый юго-

восточный ветер; люди вдыхали в себя как бы пламя из раскаленной печи. Еще при выступлении начальник колонны узнал, что нескольких солдат не досчитывается; по всей вероятности, они отлучились для розыска воды. Не останавливая движения, майор Буравцов послал во все стороны казаков для разыскания пропавших. Пройдя четыре версты, казаки издали увидели идущего солдата; подъехав к нему, они убедились, что у него в манерке была вода. Из расспросов выяснилось, что он набрал воды в дождевой луже, до которой нужно было идти еще несколько верст. Движение войск происходило крайне медленно, и скоро люди опять начали приставать. К 8 часам утра прошли только 10 верст. В арьергарде шли 3-я стрелковая и 9-я линейная роты, которые поднимали вьюки, укладывали их в повозки, собирали больных и усталых; в 8-й и 10-й ротах, следовавших в боковых авангардах, оставалось в строю не более как по 28 человек; шедшая в авангарде 12-я рота уменьшилась почти наполовину. И страшно мучимые жаждой и изнурением, офицеры проявляли полное самоотвержение: каждый из них нес ружья и амуницию присталых, а имевшие лошадей отдавали их солдатам. С каждым часом положение колонны все более и более ухудшалось: везде на пути следования валялись верблюды, вьюки и люди; со всех сторон слышались стоны; хриплым голосом страдальцы умоляли дать им воды; те из них, которые сохранили еще силу, руками вырывали из-под жгучего песка влажную землю, с жадностью сосали ее и обкладывали ею себе грудь, голову и горло; некоторые вырывали ямы в виде могил и, раздевшись донага, ложились в них и обсыпали себя влажной землей. Посланная к дождевой луже казачья сотня часам к 9-ти привезла около 10 ведер белой грязи, напившись которой колонна имела возможность сделать еще верст пять. Но дальше идти было положительно невозможно: жара и удушливый ветер сделались страшно невыносимы; во всей колонне не имелось и капли воды – все было выпито. Оставалась только одна надежда на посланную вперед роту Усачева и сотню казаков. Но вот на горизонте показался всадник: то был казачий хорунжий Кособрюхов, который несся в карьер, держа в правой руке высоко над головой небольшой бочонок воды; вслед за ним скакали человек 20 казаков с бурдюками, бочонками и бутылками. Вмиг все заволновалось, все ожило, и в колонне раздались радостные крики: она была спасена. Но при раздаче воды надлежало соблюдать всем большую осторожность и порядок, так как одному могло достаться много, а другому ничего; вследствие этого Буравцов и офицеры лично раздавали каждому солдату по чарке. Конечно, не обходилось без весьма курьезных уловок со стороны

истомленных жаждой солдат; так, например, многие солдаты, уже выпившие свою чарку, забирались в ряды еще непивших с целью еще раз попросить воды. Обыкновенно таких людей называли «двуручниками» и ловили их при каждой раздаче воды.

Напоив солдат водой и дав им до вечера отдохнуть, Буравцов в 7 часов двинул колонну по частям, а сам с 10-й ротой штабс-капитана Хмаренко и со всеми фельдшерами рот остался при больных, число которых возросло до 200 человек; из них только половина, да и то без ружей и амуниции, могла дойти до колодцев Сенек, остальных же везли на повозках и верблюдах. Наконец, в 2 часа пополуночи вся колонна, двигаясь частями, добралась до колодцев. К тому времени подоспела и голова второго эшелона (собственно его кавалерия). Этот эшелон, под начальством полковника Тер-Асатурова (3 роты Ширванского и одна Самурского полков, дивизион полевых орудий, 2 батальона 21-й артиллерийской бригады, горный взвод 1-й батареи, 2 сотни казаков и 2 сотни Дагестанского конно-иррегулярного полка), выступив из Киндерли 15 апреля и испытав почти такие же трудности, как и первый, собрался к Сенеку около 5 часов вечера 19 апреля.

Вот краткое описание тех страданий и лишений, которые пришлось испытать вообще нашим войскам в продолжение пятидневного перехода по безводной пустыне. Конечно, наше описание слишком слабо и не в состоянии дать полного представления обо всем, что выстрадал каждый из участников этих страшных переходов, названных солдатами весьма метко «мертвыми станциями». Нельзя не упомянуть о положительно святом исполнении долга и самоотвержении, выказанных офицерами первого эшелона со своим начальником во главе, а равно и о капитане Усачеве вместе с сотником Кизляро-Гребенского полка Сущевским-Ракусой, спасших колонну, выслав ей вовремя воду. Посланные к Сенеку, они сбились с пути, проблуждали всю ночь и половину дня 18-го числа, сделав переход более 75 верст. Штабс-капитаны Булатов, Левенцов и Хмаренко, поручик Орлов и подпоручик Сливинский все время несли на своих плечах по нескольку ружей с присталых людей и отдавали больным все имевшиеся у них прохладительные средства и воду. Ротные фельдшеры Апшеронского полка Красков и Маяций (при 1-й колонне не было врача) своей неутомимой деятельностью и участием к больным много способствовали к облегчению их страданий, и многие из солдат положительно им обязаны были жизнью.

Устюрт – по направлению, по которому шел Мангишлакский отряд – представляет почти везде совершенно ровную, как море,

поверхность: ни одного холма, ни одной складки местности, и глазу решительно не на чем остановиться, только изредка попадается киргизская могила. Скудная растительность, встречавшаяся до сего отряду, сменилась почти совершенным бесплодием: кое-где попадались полынь да небольшие кусты гребеньщика и саксаула; ни одного зверя, ни одной птицы; только на каждом шагу встречались небольшой величины змеи и ящерицы. Сухость воздуха была поразительная. Дожди в этой местности весьма редки, и дни стоят почти постоянно ясные. В раскаленном воздухе заметно легкое дрожание – это испарение земли. Суточные колебания температуры вообще большие: днем сильная жара, до 30° И, ночью температура понижалась иногда до 14° И. Одним словом, пустыня в полном смысле слова. Вступив сюда в первый раз, человек поражается ужасом; ему кажется, что отсюда не выйти живым, потому что не для человека создана эта страна, на что указывали следы разрушенной, уничтоженной жизни в виде белеющихся костей людей или животных. «В первые дни творения мира, – говорится в одной персидской легенде, – Бог усердно занимался устроением земли: везде пустил реки, насадил деревья, вырастил траву. Долго Он трудился и полсвета уже устроил; наконец Ему надоело и Он предоставил одному из своих Ангелов докончить устройство земли. Но Ангел был ленив: ему тяжело было насаждать деревья, произращать травы, пускать реки. Чтобы поскорее сбыть дело с рук, он взял только песок да камень и начал раскидывать их по еще неустроенной части земли. Дело это он сделал очень скоро и доложил, что все готово. Бог посмотрел на его работу, ужаснулся, но поправить ничего не мог: там, где коснулась рука ленивого Ангела, образовалась пустыня. Бог проклял Ангела и творение рук его, и повелел ему самому жить в пустыне. С тех пор Ангел стал духом тьмы, а страна, созданная им – страной тьмы (Туран) в отличие от Ирана, страны света». Как бы в подтверждение легенды, что пустыня есть обиталище злого духа, Мангишлакский отряд не встретил на Устюрте ни одного человека до самого Аральского моря. Сами кочевники признают невозможным жить там с конца марта по октябрь, и откочевывают или в Хиву, или на Эмбу, а между тем русскому отряду пришлось двигаться именно в это самое время. Солдаты, не шутя, верили, что здесь обитает дьявол. Необыкновенные размеры и странные формы, которые раскаленный воздух придавал местным предметам, а также миражи убеждали их в том, потому что кому же, как не черту, придет в голову смущать людей издали видом бегущих ручейков, осененных деревьями, которые так и манят укрыться под их тенью, или какому-нибудь кустику придать форму огромной

пирамидальной тополи, а человеку – форму большой башни. Уже впоследствии, пройдя не одну сотню верст, солдаты, наконец, освоились с миражами и не бросались к ним, как прежде. Тем не менее, каждый мираж, изображавший такие соблазнительные предметы, как воду и деревья, тень которых даже отражается в воде, так и манил к себе, ибо все это представлялось слишком естественно.

Каждый раз, когда войска достигали одиночного, следовательно глубокого, колодца, обыкновенно происходило следующее. Не успевали солдаты, шедшие в голове колонны, составить ружей в козлы, как бежали уже к колодцу со своими котелками, манерками и веревками и сразу спускали в колодец штук по 10 этой посуды, причем, конечно, происходила страшная давка. Веревки перепутывались, обрывались, и посуда падала в колодец; только часть опущенных манерок вытаскивалась наполовину наполненными водой, прочие же поднимались пустыми. Но через некоторое время прибывали к колодцу вьюки и с ними ведра, и тогда устанавливался такой порядок: каждой части назначалась очередь для добывания воды; к колодцу ставился караул, чтобы не допускать к нему людей тех частей, которым еще не пришла очередь, и назначался офицер для наблюдения. Затем людям раздавалась вода, привезенная на вьюках, по порциям, величина которых зависела от совокупности многих обстоятельств: от количества воды, находившейся в бурдюках и бочонках, величины расстояния предстоявшего перехода, от того, в какое время пришли на привал или ночлег, т. е. утром, в полдень или ночью, и, наконец, от числа колодцев и их глубины[13].

Наименьшая порция воды, отпускавшаяся солдату на полсутки, равнялась пяти крышкам от манерки, т. е. двум обыкновенным стаканам, а наибольшая – половине манерки, т. е. 1,5 бутылки. Можно себе после этого представить, что испытывал человек при подобном мизерном отпуске воды, когда испариной у него выходило больше жидкости, чем сколько он ее получал. Мучимые жаждой, солдаты подходили к колодцу и вымаливали себе глоток воды или же подставляли свою крышку под бурдюк во время наливанья в него, и терпеливо выжидали, когда к ним попадет несколько капель жидкости. При ничтожном отпуске воды можно ли было думать о варке пищи? О качестве воды, конечно, никто не заботился: «была бы только мокрая», – говорили солдаты.

Никто так не ценит воду, как кочевники. Недаром в пустыне существует поверье: «Капля воды, поданная жаждущему в пустыне, смывает грехи за сто лет». Недаром считается верхом

гостеприимства напоить в летний зной жаждущего путника, а постройка колодцев приписывается святым людям. Нет святее дела, как вырыть колодец. Имена строителей в большей части случаев увековечены, ибо колодцы называются в честь их. Некоторым колодцам приписывается чудесное происхождение. Так, про колодец Балкую, около Красноводска, рассказывают, что он открылся мгновенно, от прикосновения костыля одного старца, не находившего нигде воды и изнемогавшего от жажды.

Жара начиналась уже через час по восходу солнца; часа через три по выступлении с ночлега люди начинали приставать. К 9-10 часам утра зной становился невыносим, в воздухе удушье, и миражи начинали играть на горизонте. Приблизительно около этого же времени колонна становилась на привал. Двигаться позже было неудобно уже потому, что в жару солдаты могли делать только по две, по две с половиной версты в час, вместо 3–3,5 верст, которые они проходили по утрам и по вечерам, когда спадал зной. Привал, продолжавшийся обыкновенно до 3-х или 4-х часов пополудни, немного освежал людей, мучимых жаждой и лежавших на солнце без палаток. Хотя к полудню солнце и окутывалось сухой туманной мглой, но из-за нее продолжали литься отвесные жгучие лучи. Как ни ничтожно казалось бы закрытие, представляемое одним полотном против солнечных лучей, но на самом деле разница в температуре на солнце и под полотном была огромная: почти такая же, какая существует летом между комнатой, расположенной на солнечной стороне, и подвалом, обращенным к северу. При неимении палаток, солдаты, составив ружья в козлы, покрывали их шинелями, которые могли дать защиту от солнечных лучей только одной голове; все же остальное тело немилосердно обжигалось солнечными лучами. Вечерние переходы бывали всегда легче утренних, потому что по вечерам становилось прохладнее. Вечером шли часов до девяти, до десяти. Таким образом, отряд находился от 10 до 12 часов в движении, совершая нередко более 40 верст. И так шли не один и не два дня, а целые три недели.

4 мая кавалерия выступила из Байчагира к Табань-су, а подполковник Скобелев направился к Мендали; в тот же день, около полудня, прибыл в Байчагир подполковник Пожаров, а подполковник Гродеков – в 11 часов ночи.

Переход колонн к Байчагиру был весьма тяжелым: жара стояла до 40° И, и люди по такой жаре сделали от 40 до 50 верст. Ровно в полночь, с4на5 мая, подполковник Пожаров выступил на Мендали, по той же дороге, по которой шел подполковник Скобелев. Так как пространство от Байчагира до Ак-чеганака

надлежало пройти как можно скорее, то Гродеков назначил выступление своей колонны в 3 часа утра 5 мая. Люди, пройдя накануне 45 верст и бодрствуя уже в продолжение двух ночей, у колодца Байчагир спали так крепко, что многих солдат надо было не только расталкивать, но даже ставить на ноги. В четыре часа третья колонна выступила, оставив у Байчагира роту Ширванского полка, чтобы напоить некоторую часть верблюдов и баранов. Пройдя верст 15, подполковник Гродеков получил с нарочным киргизом записку от начальника отряда из Табан-су следующего содержания: «От трех перехваченных мной киргиз я получил сведение, что Оренбургский отряд дня три-четыре не выходил еще из Ургу. Поэтому я решился остановиться в Табан-су и Алане, где буду ожидать новых известий об Оренбургском отряде, для чего и послал к Веревкину нарочных. Переходите скорее с колонной и вьюками в Табан-су и Алан: там много воды, говорят, хороший корм. Пять рот от Мендали я тоже требую сюда. Если подполковник Пожаров не вышел еще туда из Байчагира, передайте ему мое приказание идти сюда». В данной полковнику Ломакину кавказским начальником инструкции было сказано, что главное назначение Мангишлакского отряда заключается в усилении отряда генерала Веревкина прежде вступления его в пределы Хивинского ханства, и что если Мангишлакский отряд прибудет к пределам ханства (колодцам Табан-су, Итыбай, Айбугир) ранее войск Оренбургского отряда, не получив при этом от начальника их положительных инструкций относительно дальнейшего образа действий, то он, Ломакин, обязывается, смотря по обстоятельствам, или выждать там прибытия Оренбургского отряда, или даже, в случае необходимости, двинуться ему навстречу. Впрочем, все эти указания даны были в том предположении, что кавказские войска выступят в поход с двухмесячным запасом довольствия. Между тем, отряд выступил из Биш-акты только с месячным довольствием, считая 1,5 фунта сухарей в сутки на человека, каковая дача уже с 1 мая была сокращена до одного фунта.

Если бы отряд имел продовольствия на два месяца, то он мог оставаться в пустыне хоть две недели и ждать распоряжения от генерала Веревкина о дальнейшем движении, но таковое в отряде уже было на исходе, почему полковник Ломакин и решил идти вперед, пока не вступит на культурную землю, где можно приобрести довольствие. Опасаться же, что отряд такого состава (по численности, вооружению и качеству войск), как Мангишлакский, не будет в состоянии удержаться в занятой местности, не следовало. По Высочайше утвержденному плану кампании, Оренбургский отряд должен был идти на Айбугир; но

генерал Веревкин взял на себя ответственность отступить от этого плана, когда увидел, что он не соответствует положению дел, найденному им по приходе в Ургу.

Получив приведенное выше приказание, подполковник Гродеков остановился на привале, и вечером, часов в семь, прибыл к колодцу Табан-су, не доходя которого видел колонну подполковника Пожарова, уже свернувшую с пути на Итыбай и следовавшую на Алан.

С половины пути от Байчагира до Алана начинаются пески; сам Табан-су представляет собой только один колодец. Прежде их было три, но, по словам проводников, два засыпаны песками. Вода в колодце горько-соленая, отвратительная на вкус; она нисколько не утоляла жажды и содержала в себе большое количество глауберовой соли, расстраивавшей желудки не только у людей, но и у всех животных.

Видя, что люди сильно устали на последнем переходе по пескам и не спали почти трое суток, подполковник Гродеков решился ночевать у колодца Табан-су, тем более что рота, оставленная у Байчагира, еще не подошла, да и ночь была темная, а до Алана предстоял тяжелый путь по пескам.

В 8 часов вечера, когда уже совершенно стемнело, из колонны Скобелева в Табан-су прибыл нарочный, с запиской на имя начальника отряда, помеченной 5 мая, 2,5 часа пополудни. Подполковник Скобелев доносил, что в этот день он имел дело с киргизами под Итыбаем, и в этом деле ранены два офицера и два нижних чина и контужены два офицера и четыре казака; что киргизы оставили на месте 10 трупов и 176 верблюдов с имуществом, кибитками и хлебом. Не успел подполковник Гродеков прочитать это донесение, как прибыл другой нарочный, от генерала Веревкина, с бумагой от 21 апреля (с урочища Каска-Джул), служащей ответом на рапорт полковника Ломакина, посланный из Киндерли 7 апреля. Веревкин уведомлял, что он около 1 мая прибудет на Ургу и примерно около 5 или 6 мая предполагает двинуться вдоль восточного берега высохшего Айбугирского залива по направлению к Кунграду. Следовательно, Мангишлакскому отряду надлежало также двигаться на Ургу. В случае если к 5 мая Оренбургский отряд не успел бы прибыть на Ургу, то к этому сроку полковник Ломакин должен был прислать к генералу Веревкину на Ургу известие, где находится Мангишлакский отряд. В той же бумаге начальник Оренбургского отряда уведомлял, что относительно снабжения кавказских войск продовольствием сделано распоряжение о перевозке на Эмбу и далее в Ургу месячного запаса на 1500 человек и 600 лошадей; но к какому сроку прибудет этот запас по назначению, он не знает.

«Из запасов же, имеющихся при вверенном мне отряде, – говорилось в той бумаге, уделено ничего быть не может»[14].

Последняя, весьма странная приписка ставила отряд в самое критическое положение, ибо продовольствия в войсках оставалось всего только на несколько дней.

Вечером, 6-го числа, колонна подполковника Гродекова прибыла в Алан, где, таким образом, собрались все колонны, за исключением первой – подполковника Скобелева. На пути от Табан-су к Алану какой-то туркмен распространил в колонне подполковника Гродекова слух, будто Красноводский отряд наполовину погиб от жажды в пустыне, а другая половина, оставшаяся в живых, возвратилась в Красноводск. Несмотря на все розыски, нельзя было найти источника этого слуха. Это было первое известие, которое Мангишлакский отряд получил о Красноводском.

Утром 7 мая прибыл из Итыбая начальник отряда и привез подробные сведения о деле подполковника Скобелева 5 мая. В этот день, в 3 часа утра, Скобелев выступил от колодцев Мендали к колодцам Итыбай. Пройдя 7 верст от ночлега, в стороне от дороги заметили караван в 30 верблюдов. Подполковник Скобелев с 10 казаками подъехал к нему и заставил его сдаться. Из расспросов пленных оказалось, что у колодцев Итыбай собралось значительное число кибиток

Кафара-Караджигитова и остановился караван, в котором находилось более 100 мужчин; в караване этом везли на Устюрт разные товары и продовольствие. Предполагая, что кочевники уже извещены о движении русского отряда и не желая упустить из вида изменников, Скобелев взял с собой семь казаков и трех офицеров и направился с ними к Итыбаю. Около полудня, выехав на возвышенность, окружавшую Итыбай, Скобелев увидел кочевников, расположившихся группами около колодцев, и часть верблюдов, уже навьюченных для следования. Мешкать было нечего; все поскакали к первому колодцу. Один из толпы выстрелил в подъезжавших и затем поскакал по направлению к Айбугиру. Предполагая, что кочевники хотят сдаться, так как это был единственный выстрел, сделанный с их стороны, разъезд оставил их и бросился за ускакавшим киргизом. Когда подполковник Скобелев выехал на противоположную возвышенность, то встретил здесь другой караван, подходивший к Итыбаю. Он сдался без сопротивления и был направлен к колодцам, куда поехал и разъезд. В то время как разъезд гнался за киргизом, кочевники у Итыбая успели собрать верблюдов и, оставив на месте часть груза, начали уходить. Начальник колонны неоднократно обращался к ним с требованием сдаться,

но они продолжали уходить. Мало того: видя горсть русских, они выставили вперед цепь из нескольких человек с ружьями. Так как переговоры не привели ни к какому результату, а напротив – со стороны кочевников замечены были враждебные намерения, то подполковник Скобелев, послав приказание пехоте спешить на помощь, с бывшими при нем людьми бросился в шашки. Во время схватки Скобелев получил семь ран пиками и шашками, артиллерии штабс-капитан Кедрин ранен пикой в бок, один казак кизляро-гребенской сотни и один всадник Дагестанского конно-иррегулярного полка ранены пулями; контужены – двое остальных офицеров и 4 казака; лошадей убито 4 и ранено 2. Неприятель потерял 10 человек убитыми и ранеными.

Получив приказание Скобелева, старший после него штаб-офицер Апшеронского полка майор Аварский взял 4-ю стрелковую роту апшеронцев капитана Бек-Узарова и налегке бросился бегом (за четыре версты) к месту схватки. Прибежав к колодцам, майор Аварский увидел, что киргизы на самых лучших верблюдах уходят в солончак Барса-Кильмас. Тогда он с одними казаками, которым розданы были игольчатые ружья, бросился в погоню за убегавшими; нагнал одну партию киргизов и, положив на месте трех человек, отбил пять лошадей и затем возвратился к колодцам. Итыбайская стычка имела в результате отбитие десяти лошадей, 200 верблюдов с имуществом, кибитками, джугарой, пшеничной мукой и проч., и значительное количество разного рода оружия. Тотчас после дела, из добычи розданы были в роты и казакам крупа, мука и котелки, а кибитки и прочее имущество сожжено. Полковник Ломакин, по незначительности партии и за потерей достаточного времени, не решился преследовать ее. К полудню у Алана собралась колонна подполковника Скобелева, который вместе со штабс-капитаном Кедриным был привезен на арбе, принадлежавшей подполковнику Тер-Асатурову. Тяжело было первой колонне, уже достигавшей цели, возвращаться назад.

Нижеследующие строки, выписанные из дневника одного офицера этой колонны, так характеризуют настроение людей: «Сильно были мы удивлены, когда по дороге к Алану натыкались на прошлую свою дорогу, которая, за трудностью, сильно врезалась каждому в память, и немудрено: полагаю, что человек, раненный и потерявший где-нибудь много крови, должен помнить то место; так и мы: хотя потери крови не было, но труд был равносильный потере крови».

Колонна подполковника Пожарова, пройдя немного от Ирбасана на Уч-Кудук, повернула на Кара-Кудук, через который, по словам проводника, ближе к Кунграду, чем через Уч-Кудук. Движение колонны по безводному пространству совершалось с

такими великими трудностями, что, не будь дождя, она бы сильно пострадала. У одного из участников этого движения в дневнике записано следующее: «За сегодняшний день приносим благодарение Богу, что мы живы и будем еще двигаться, а в три часа дня я не предполагал, что мне придется писать об этом дне. Да! Искреннее благодарение Всевышнему Творцу, Который, некогда пославший евреям во время голода в пустыне манну, послал нам воду в виде дождя». Перед грозой солнце припекало сильнее, чем обыкновенно. Воды в каждой роте оставалось только по пять ведер, потому что часть ротных запасов пошла на утоление жажды артиллерийских лошадей, которые без того не могли двигаться. Оставшаяся в запасе вода оказалась отравленной разложившейся кожей самодельных бурдюков. С людьми начались солнечные удары, и пораженных ими было уже три человека. Но вот показалась с востока туча, которую ветер гнал прямо на колонну; раздался отдаленный раскат грома; затем все небо заволокло тучами; гром грянул над самыми головами – и полился дождь. Люди прильнули к земле и жадно пили воду из небольших лужиц; другие, сняв с себя платье, освежались, и все шли с открытыми головами. Ночью подул сильный холодный ветер, и все спешили достать свои давно уже не надеванные пальто и шинели.

11 мая колонна с криками «ура» спустилась на дно высохшего Айбугирского залива; каждый осенил себя крестным знамением и возблагодарил Бога за то, что считавшийся непроходимым для сколько-нибудь значительной части войск Устюрт пройден и побеждена пустыня, самый сильный союзник Хивинского ханства. Пройденный путь казался даже самим киргизам и туркменам, находившимся при отряде, до того трудным, что они были вполне уверены, что войска по нему не пройдут. Они, как сами впоследствии заявили, думали, что русские, придя в Бишь-акты, построят там крепость и уйдут домой; когда же отряд двинулся далее, то они стали думать, что, дойдя до Ильтедже, он построит там укрепление и, оставив тут гарнизон, вернется назад. Сомнения проводников исчезли лишь тогда, когда отряд дошел до Байчагира. Дорога от спуска Чыбан сначала на протяжении верст двадцати проходит по песчаному грунту, поросшему саксаулом, а потом до самых озер Ирали-кочкан пролегает по густым камышам. Здесь в первый раз за весь месячный поход отряд встретил следы колес и небольшие землянки, принадлежавшие жителям, занимавшимся приготовлением циновок из камыша. Два озера Ирали-кочкан расположены у песчаных бугров, поросших небольшим колючим кустарником; они невелики, шагов по 1000 в окружности каждое, расположены

в глубокой котловине; вода в них пресная, но затхлая и на вкус противная, даже в кушаньи. У этих озер за весь поход в первый раз войска увидели птиц – диких курочек и фазанов.

Утром 12 мая начальник отряда у колодцев Бураган получил предписание генерала Веревкина прибыть к нему лично с конвоем на канал Угуз, верстах в 25 от Кунграда, куда он в тот же день и выступил после трехдневной стоянки в городе. На случай, если бы полковнику Ломакину не удалось прибыть на Угуз, генерал Веревкин сообщал ему свое предположение, что к 15 мая он будет в городе Ходжейли, где собралось хивинское скопище. Но как кавказские войска, после трудного перехода, нуждались в отдыхе, то генерал Веревкин предполагал дать таковой в Кунграде.

От колодцев Бураган к Кунграду кавалерия шла чрезвычайно легко; не было уже той сухости воздуха, какая существует в пустыне, не попадалось песку. Часа через два конница вступила в оазис. Со времени высадки в Киндерли, т. е. уже более полутора месяцев, глаз, видевший только однообразную мертвую пустыню, теперь с любовью останавливался на зелени, и особенно на деревьях. Первая встреченная отрядом деревня называлась Айран. Она вся окружена роскошными садами. В канавах, орошающих сады, войска в первый раз утолили жажду отличной пресной проточной водой из Аму-Дарьи. Вкус ее, после горько-соленых и соленых вод, показался необыкновенно приятным – ничего в жизни не пилось с таким удовольствием, как пилась в те минуты чистая пресная вода.

По выходе из Айрана, через час пути, виднеются 11 высоких пирамидальных тополей, посаженных в одну линию: тут Кунград. Город расположен частью на канале Хан-яб, частью на рукаве Аму-талдыке; последний входит в город с южной стороны широкой (50 сажень) рекой и, выпустив из себя канал Хан-яб, делается узким (7-10 сажень) и таким выходит за город. На левой стороне этого рукава расположен большой загородный дом, около которого и посажены только что упомянутые 11 тополей. Дом этот, как и все хивинские загородные дома, с виду похож на крепость: обнесен высокой, сажени в три, глиняной зубчатой стеной; ворота одни, и обиты железом. Дом предназначен был под помещение гарнизона.

Когда кавказская кавалерия пришла в Кунград, в этом доме только очистили место под помещение лазарета, но никаких приспособлений к обороне не было сделано. Не доходя полверсты до дома, кавказцы в первый раз завидели оренбургского казака, стоявшего на небольшом кургане на пикете. Когда кавказские казаки поравнялись с ним, он приветствовал их: «Здорово,

земляки! Откуда Бог несет?» – «С Кавказа», – ответили ему. «Должно, далече вы перли, что так заморили своих коней», – заметил оренбургский казак. «Досталось-таки», – ответили кавказцы. Чистая и опрятная одежда, сытый конь и здоровое, полное лицо этого казака составляли резкую противоположность с оборванной одеждой и худыми, замореннными конями кавказской кавалерии.

Прибыв к дому, занимаемому оренбургским гарнизоном, кавалерии дан был отдых часа на два. После угощения, предложенного полковником Новокрещеновым, начальником гарнизона и Кунградского округа, начальник отряда следовал дальше к каналу Угуз, под прикрытием двух казачьих сотен; сотни же Дагестанского конно-иррегулярного полка оставлены в Кунграде для покупки лошадей и для переформирования. Здесь же оставлен был офицер для закупки довольствия для людей и фуража для лошадей, так как по приходе в ханство у войск, за исключением 4-й сотни Кизляро-гребенского полка, не оставалось никаких запасов. Ночью 12-го числа начальник отряда прибыл на канал Угуз, к месту расположения Оренбургского отряда, и представился генералу Веревкину. Оренбургцы приняли кавказцев дружелюбно, дали корму их лошадям и, узнав, что войска не имеют палаток, выдали им несколько юламеек. Офицер Оренбургского отряда, на обязанности которого лежало указать место ночлега двум кавказским сотням, предполагая, что у них такой же огромный обоз, как и у оренбургцев, сначала затруднялся, где их поставить, так как лагерь был разбит в каре без промежутков между частями; но его вывели из затруднения сотенные командиры, сообщившие ему, что их сотни не имеют обоза и тяжестей и потому везде поместятся.

Сдав в кунградский лазарет 46 человек больных, купив несколько довольствия и фуража и оставив в гарнизоне Кунграда взвод горных орудий и сотню Дагестанского конно-иррегулярного полка, подполковник Пожаров, с отрядом из 9 рот пехоты, сотни Дагестанского конно-иррегулярного полка и двух полевых орудий, выступил к каналу Угуз.

Дорога вначале пролегала по обработанным полям, пересекая несколько канав. Выйдя из деревни Дженичка, на шестой версте от Кунграда, войска шли сначала по ровной, открытой, необработанной местности, но версты через три начинался уже густой кустарник, который далее переходил в сплошной лес. Здесь в одном месте дорога подошла к самому берегу Талдыка, ширина которого около 40 сажен. На пути встречались развалины деревни Карагаджа. Не доходя версты три до канала Угуз, кончился лес и начались камыши, тянувшиеся по обеим сторонам

дороги вплоть до самого канала. Протяжение всего пути равнялось 24,5 верстам.

Оставив у Угуза полковника Ломакина с конвоем, генерал Веревкин 14 мая двинулся далее, к каналу Карабайли. Таким образом, кавказский отряд отделялся от Оренбургского двумя переходами. Хотя войска Мангишлакского отряда и нуждались в отдыхе, будучи сильно утомлены, но разве для того они сделали с такой поистине замечательной быстротой тяжелый поход, чтобы теперь, когда неприятель уже был близко, отдыхать и следовать в одном переходе за Оренбургскими войсками? Конечно нет; поэтому начальник отряда при свидании с генералом Веревкиным на канале Угуз доложил ему, что, несмотря на сильное утомление, вверенные ему войска стремятся скорее встретиться с неприятелем и отдых теперь был бы для них истинным наказанием. Вследствие этого, согласно полученному разрешению, весь Мангишлакский отряд 14-го числа, сделав переход в 44,5 версты, соединился ночью с войсками Оренбургского отряда у канала Карабайли.

Путь от канала Угуз шел по сплошным густым камышам до урочища Кандыгель; отсюда начинался кустарник, продолжавшийся до канала Киот-Джарган. Канал, или, правильнее, рукав Аму-Дарьи, Киот-Джарган, вливавшийся прежде в бывший Айбугирский залив, ныне у истоков его из Аму запружен и воду пропускают в него только по мере надобности. Ширина рукава до 10 сажен, а в некоторых местах и больше; глубина в одних местах измеряется саженями, а в других – аршином; течение весьма быстрое. Перейдя вброд через Киот-Джарган, отряд около полудня расположился на привал в лесу, на берегу канала. Здесь люди освежились купаньем и, наловив множество рыбы, сварили себе обед. Часов около четырех выступили с привала и шли безостановочно 26 верст до самого места расположения Оренбургского отряда. Была уже поздняя ночь, когда кавказские войска, с музыкой и песнями, подходили к месту ночлега. Едва они стали располагаться на бивак, как в оренбургском лагере затрубили тревогу и раздалось несколько выстрелов. Произошла ли эта тревога оттого, что аванпостная цепь приняла бой турецкого барабана в Мангишлакском отряде за неприятельские выстрелы, или оттого, что некоторые из офицеров кавказского отряда, быстро проехав в оренбургский лагерь к маркитанту напиться чаю, не успели дать ответа на оклик часовых, – неизвестно; но дело в том, что все это могло окончиться катастрофой, потому что кавказцы, быстро разобрав ружья, ускоренным шагом двинулись на выстрелы. Только благодаря тому, что некоторые старшие офицеры, выехав на

аванпостную цепь и узнав в чем дело, возвратили войска, тревога обошлась без несчастных случаев.

На другой день, 15-го числа, генерал Веревкин, осмотрев кавказские войска, приветствовал и благодарил их за совершенный ими славный поход. По поводу этого смотра, а также участия Мангишлакского отряда в деле под Ходжейли, он, между прочим, сообщил командующему войсками Дагестанской области, что, к своему величайшему удовольствию и не без удивления, он убедился, что отряд вполне сбережен, в людях не только незаметно следов усталости или изнурения, но, напротив, все они смотрят бодро и весело – истинными молодцами. «Войска эти, – писал Веревкин, – вполне достойны своей высокой боевой репутации и всегда сумеют поддержать громкую славу, заслуженную ими в кавказской полувековой войне. Чувствую глубокое удовольствие и горжусь честью хоть временно командовать такими прекрасными войсками»[15].

Действительно, было чему удивляться. Мангишлакский отряд, имея продовольствие на исходе, при самой скудной даче, прошел пространство от Алана до Карабайли в 220 верст в течение семи дней, с 8 по 14 мая включительно, делая средним числом по 32 версты в сутки. Требовались страшные, почти нечеловеческие усилия для такого быстрого марша. Прусский поручик Штум о походе от Алана до Кунграда отзывается следующим образом: «Этот переход, совершенный войсками в течение трех дней, по знойной песчаной пустыне, при совершенном отсутствии воды, представляет собой, быть может, один из замечательнейших подвигов, когда-либо совершенных пехотной колонной с тех пор, как существуют армии. Переход от Алана до Кунграда навсегда останется в военной истории России одним из славных эпизодов деятельности не только кавказских войск, но и вообще всей русской армии, и, в особенности, беспримерно мужественной выносливости и хорошо дисциплинированной русской пехоты». Кавказцы поразили всех в Оренбургском отряде более чем спартанской обстановкой; в кавказском лагере почти не видно было ни одной палатки; ни у кого из офицеров, даже у начальника отряда, не находилось ни кровати, ни стола, ни стула; вьюков также не было заметно. Когда генерал Веревкин в первый раз осматривал кавказские войска, то свита его, не видя в лагере никаких тяжестей, полагала сначала, что они ушли уже вперед – так поразила всех пустота кавказского бивака, – а между тем на этом биваке было все, что только имел отряд. Люди, взявшие из Киндерли по две рубахи и по двое подштанников, изорвались до такой степени, что рубахи держались на их плечах только на швах и везде просвечивало

голое тело. Офицеры были не в лучшем положении: кителя их износились так, что вместо пол болталась какая-то бахрома; некоторые пошили себе башмаки, вроде таких, какие были у солдат. Плечи у пехотинцев, от постоянной носки винтовки, покрылись ссадинами и болячками. Лица загорели до такой степени, что цвет их мало отличался от цвета кожи самых смуглых туркмен или киргиз; носы покрылись какой-то скорлупой, а лица и уши – пузырями. Но все это нимало не портило общего вида; напротив, бодрость солдат, казаков и дагестанских всадников, их воинственная выправка, неумолкаемые боевые песни, зурна с неизбежной лезгинкой, смелые ответы солдат, их загорелые, но светлые лица были так внушительны при описанной обстановке, что казалось, для них нет ничего невозможного. Действительно, войска уже закалились до такой степени, что никакие лишения не могли сломить их высокого нравственного духа.

Как пример такого высокого нравственного духа в войсках, можем привести следующий случай: при движении пехотной колонны от колодцев Кара-кудук к озерам Ирали-кочкан, при совершенном затишье в воздухе и жаре от 38 до 40° И, при ничтожном запасе соленой, вонючей, мутной и горячей воды, люди, сами изнемогавшие от жажды, видя, что артиллерийские лошади пристают, поделились водой с изнемогавшими конями. Трогательно было видеть, как солдаты подносили в шапках воду этим животным. И никто из них не думал, что совершает подвиг, а каждый считал долгом помогать своим боевым товарищам и выручать их из беды. Поручик Штум не раз выражал свое удивление по поводу замеченных им гуманности и братства в рядах кавказских войск. Его удивляло, что при утомительных переходах офицеры, казаки и дагестанские всадники, отдав своих лошадей под присталых солдат, шли пешком.

«Каждый солдат должен поставлять себе за честь слыть хорошим ходоком, – говорится в на**ших военных законах, – и гордиться сим именем,** так как всякий переход сближает его с неприятелем»[16].

Пехота Мангишлакского отряда вполне заслужила репутацию хорошего ходока. Действительно, исключив 5 дневок, выходит, что отряд шел в течение 25 дней и в это время сделал 635 верст, т. е. средним числом по 25 верст в сутки. Сравнивать этот поход с другими когда-либо совершенными замечательными маршами невозможно уже потому, что обстановка, при которой совершался Хивинский поход, единственная в истории регулярных армий. Однако, форсированный марш на соединение с Оренбургским отрядом дорого обошелся кавказцам. Во время этого перехода

Мангишлакский отряд потерял: умершими трех человек, больными оставлено в кунградском лазарете 46 человек[17], лошадей пало – 41, верблюдов растеряно и пало – более 20.

Теперь возвратимся назад и скажем несколько слов об участи оставленной в тылу 12-й роты апшеронцев.

Ввиду недостатка перевозочных средств, не только не было возможности усилить гарнизоны Биш-акты и Ильтедже до двух рот, одной сотни и одного орудия, как предполагалось раньше, но даже само существование 12-й роты Апшеронского полка, занимавшей Ильтедже, не было обеспечено и она принуждена была отступить в Биш-акты. Раньше мы упоминали, что роту эту обеспечили провиантом по 21 мая. 8 мая от колодца Торча-тюле, на пути от Алана до Караул-гумбета, полковник Ломакин послал с нарочным приказания за опорные пункты, к майору Навроцкому и воинскому начальнику Ильтедже, поручику Гриневичу. Первому предписывалось идти с транспортом в Ильтедже, где остановиться и ожидать распоряжений – куда направить транспорт, на Кунград или на Куня-Ургенч; в ожидании же этого приказания, принять все меры к безостановочному подвозу довольствия из Биш-акты в Ильтедже. Гриневичу предлагалось: в случае если майор Навроцкий к 18 мая не прибудет в Ильтедже с транспортом довольствия, то, оставив ильтеджинский редут, со всем гарнизоном и верблюдами идти навстречу транспорту, хотя бы до Биш-акты[18].

Получив такого рода предписание и прождав майора Навроцкого с транспортом довольствия до 18 мая, поручик Гриневич решился отступить в Биш-акты. Предстояло пройти 185 верст по знойной пустыне, через колодцы, вода в которых совершенно испортилась от оборвавшихся в них железных ведер и кожаных копок при движении Мангишлакского отряда в Хиву, и притом без мяса, следовательно, без горячей пищи и только с двумя или тремя фунтами сухарей на человека. Такое ничтожное количество довольствия могло поддерживать силы людей в продолжение не более четырех дней, и потому пространство в 185 верст надо было сделать во что бы то ни стало в течение этого времени.

Отступление 12-й роты Апшеронского полка исполнено высокого трагизма и представляет собой пример высокой военной доблести. Прекрасное описание того нравственного и физического состояния, в котором находились люди этой роты во время движения, мы находим в рапортах командира роты, поручика Гриневича, которое и приводим целиком. «Я приказал, – пишет Гриневич, – выстроить роту и спросил у людей, знают ли они, что у них сухарей осталось дня на три – на четыре, менее

фунта в день. Они отвечали, что знают. Тогда я сказал им, что нам надо отступить, на что я получил приказание начальника отряда. Чтобы отступить в Биш-акты, где нам дадут сколько угодно сухарей, круп, капусты, а также солонины не по фунту, а сколько съедите, нам надо спешить. Если во время движения будут падать солдаты, отберу у них оружие, обрежу пуговицы и, не останавливая роты, поведу ее далее. Я получил ответ: “Постараемся, ваше благородие”. Я назвал их молодцами, сказал, что смело на них надеюсь, и приказал сейчас же наливать бочонки и бурдюки водой. В 5 часов утра 18 мая приказал вьючить верблюдов. Положив больных и распределив рабочих по вьюкам, поздравил роту с походом; несколько пошутил с людьми, приказал песенникам петь песни и двинулся в поход. Об энергии песенников писать не буду; каждый может предположить, насколько они могли петь с душой на тощий желудок. Пройдя не более 17 верст, дежурный сказал мне, что один рядовой из евреев упал. Я находился в арьергарде. Правда, падение его на первой станции сильно потрясло мою душу; но я, не показывая виду, хладнокровно, не останавливая роты, приказал дежурному обрезать с упавшего пуговицы. Приказание это пронеслось громко, так что вся рота слышала. Дежурный усилил мое приказание: вместо того, чтобы обрезать пуговицы, он снял с него мундир. Не прошли и 15 шагов, как слышу умоляющий голос упавшего взять его. Я приказал посадить его на запасного верблюда, и рядовой этот, проехав верст 10, пошел пешком до самого привала. Привал был сделан в 10 часов утра 19-го числа. В этот день я видел сильную усталость в людях, но подкрепить их силы мне было нечем, так как на каждого из них оставалось только по одному фунту сухарей, и в первый день выступления я раздал им на руки по полуфунту, а остальное нужно было приберегать; на второй день дал по одной четверти фунта и на третий день столько же. Затем у меня еще осталось около пуда. 20-го числа я делал привал; люди отдыхали, и я прилег. Приходит фельдфебель и говорит, что меня просит умирающий солдат Ширванского полка. Я сейчас отправился к нему, но уже застал его в беспамятстве, так что он ничего не мог сказать и в присутствии моем кончился. Я приказал вырыть могилу, осмотрел его торбочку, но в ней, кроме одной грязной рубахи, ничего не оказалось.

Смерть его на роту сильно подействовала. Я старался всеми силами воодушевить ее, и рота повеселела. В это время фельдфебель доложил, что яма для покойника готова. Я приказал солдату, который находился при мне, вынуть мое чистое белье и надеть его на покойника. Затем выстроил роту; покойника

опустили в могилу, покрыли его шинелью, а под голову положили его грязное белье; прочитали молитву и засыпали землей. Тотчас поднялся с привала. Долго я слышал говор роты о покойнике; но, вероятно, усталость заставила ее умолкнуть. 21-го числа, в 11 часов утра, пришел к колодцам, где отряд наш делал привал. Вся рота разбрелась искать сухарей. Некоторые нашли какие-то крошки сухарей, покрытые зеленью; но они их кушали с жадностью. В это время я начал делить своими руками последний пуд сухарей. При дележе я соображался с силами солдат: кого находил более слабым, тому давал большой сухарь, а кто был посильнее, тому давал поменьше. Правда, с жадностью смотрели на меня солдаты, что я их неправильно делю, но между тем каждый из них старался поскорее помочить свой сухарь в воде и съесть его. Я все следил за их движением и вижу, что они начали ложиться кое-где на отдых. У колодцев я пробыл до 5 часов вечера. В это время я выступил, и целую ночь был в движении. Во все время моего следования я находился в арьергарде, а субалтерн-офицер мой[19] с двумя проводниками – в авангарде. Лишь только поднялось солнце, я увидел высоты Камысты; в то же время увидели их и солдаты, и, как будто сговорясь, крикнули в один голос: “Ваше благородие, Камысты видны!” В ответ на это я им сказал: “Теперь, братцы, мы на родине, в Биш-акты отдохнем и поедим вдоволь”. Мне на это крикнули: “Борща, ваше благородие, с солониной и по два фунта сухарей!” Я ответил: “Больше дам, братцы”. Тут пошел по роте говор. Наконец, в 8 часов утра 22-го числа, у Камысты, при роте не было уже ни одного сухаря, и люди подкрепили свои силы надеждой в Биш-акты поесть борща с солониной. Не видя 24 года своей родины, едва ли я мог так обрадоваться ей, как обрадовался Камыстам. Я совершенно был покоен душой и с 9 часов утра спал до 3-х пополудни: я знал хорошо, что часть моя спасена. Люди шли неутомимо в течение четырех суток и сделали 185 верст. Это было сверх моих ожиданий. Я командую 12-й ротой шесть лет, но не настолько был уверен в ней, хотя и знал, что рота расположена ко мне, но боялся за силы людей. В 3 часа пополудни я выступил из Камысты. Люди шли торопливо, стараясь как можно скорее достигнуть Биш-акты. Через четыре часа мы были у ворот этого укрепления. Не доходя его версты полторы, я построил роту, душевно благодарил ее за поход и объявил ей, что так как мы совершили геройское отступление, то нужно придти в крепость героями, а потому: “Запевала вперед, песенники на правый фланг, начинай!” И вот, как теперь слышу, начали петь: “Слава русскому солдату с командиром-молодцом”. Но песенники пели настолько громко, что в 15 шагах едва ли можно было что услышать; зато

барабан был натянут и сильно гремел. И вот мы с такой церемонией вступили в Биш-акты, где находились две роты: одна Апшеронского полка – 8-я, а другая – Ширванского полка. Первая предложила моей роте ужин, а вторая угостила водкой… Я получил под квитанцию несколько мешков сухарей и круп, и на ужин выдал по полфунта. Люди же, выпив после усталости по полчарке водки и поев давно невиданной ими горячей пищи, уснули по обыкновению на открытом воздухе мертвым сном. На другой день, часов в семь, пришел ко мне с докладом фельдфебель и отрапортовал, что в роте все обстоит благополучно, больных не имеется, но люди просят сухарей. Так как сухари находились около моей палатки, то я приказал сейчас же раздать в присутствии моем на завтрак каждому по полфунта, затем на обед, на полдник и на ужин было выдано по стольку же. Такая выдача по четыре раза в день малыми приемами производилась мной три дня, т. е. до тех пор, пока я не увидел, что люди пришли в себя и едят уже без жадности»[20].

30 мая рота Гриневича была передвинута в Киндерли, причем во время этого движения один человек умер.

15 мая соединенный Оренбургско-Кавказский отряд выступил с ночлега у Кара-байли с тем, чтобы в тот же день дойти до г. Ходжейли и занять его.

По полученным начальником отряда сведениям, неприятельские войска, направленные против отрядов, двигавшихся со стороны Кунграда, расположены были лагерем недалеко от места ночлега, у протока Карабайли, и только накануне прибытия сюда Оренбургско-Мангишлакского отряда отступили к Ходжейли, с намерением дать русским около этого города сражение.

Те же лазутчики сообщили, что сборище хивинцев, под предводительством узбека Якуб-бия, простиралось до 5 тысяч человек и состояло из конного и пешего ополчения, при нескольких орудиях, число которых определялось от 3 до 5. Конное ополчение составляли преимущественно узбеки и туркмены.

Когда войска отошли от места ночлега верст шесть, на правом берегу Аму показалась большая толпа народа. Не зная, что это за толпа и каковы ее намерения, генерал Веревкин остановил голову колонны и, на всякий случай, в то время, как начались переговоры с ней, приказал выдвинуться вперед четырем конным орудиям. На требование генерала и чтобы разобрать слова, которые выкрикивал переводчик Оренбургского отряда, с правого берега отделились два человека и вошли в воду;

но по быстроте течения они не решились переплыть реку и, дойдя до ее середины, давали ответы на предлагаемые вопросы. Оказалось, что это были каракалпаки и никаких враждебных действий против русских предпринимать не намеревались. Такой ответ показался удовлетворительным, и начальник отряда приказал войскам продолжать движение вперед. Но не успела голова отряда отойти и версту от места переговоров, как каракалпаки открыли стрельбу по Апшеронским ротам, которые, встретив затруднения при движении по камышам, должны были свернуть на дорогу. Майор Буравцев немедленно вызвал несколько стрелков и приказал им отвечать каракалпакам. Перестрелка продолжалась всего только несколько минут: каракалпаки, не выдержав огня, скрылись в кусты и камыши, покрывавшие весь правый берег. Во время перестрелки ранены двое нижних чинов Апшеронского полка, из которых один, упав в реку, не мог быть спасен по быстроте течения и глубине воды. Таким образом, в Хивинском ханстве первыми пролили свою кровь Апшеронцы.

Пройдено уже было верст 15, а неприятеля на левом берегу Аму не замечалось; виднелись только следы его поспешного отступления: брошенные кошмы, циновки и проч. Наконец, около середины перехода, когда отряд вышел на более открытую местность, перед правым флангом появилась густая цепь всадников, поддерживаемая сзади довольно значительными массами конницы. Полковнику Тер-Асатурову, с сотней Дагестанского конно-иррегулярного полка, Кизляро-гребенской и сводной Терско-кубанской и ракетной командой, приказано было двинуться вперед и атаковать неприятеля; в то же время полковник Леонтьев с 3 сотнями и 2 ракетными станками, перейдя на правую сторону дороги, должен был, подвигаясь вправо, стараться одновременно с фронтальной атакой полковника Тер-Асатурова, охватить левый фланг неприятеля. Но хивинцы уклонились от принятия сражения, отступили к камышам и, по-видимому, старались вовлечь нашу кавалерию в рассыпной одиночный бой на закрытой местности; видя же, что цепь наших наездников постоянно может найти надежную опору в сомкнутых частях, следовавших за ней в полной готовности, неприятель продолжал отходить и ни разу не решился сразиться с дагестанцами и терскими казаками, упорно наседавшими на него. Приблизясь на 200 сажен к столпившейся массе всадников на левом неприятельском фланге, полковник Леонтьев выдвинул на позицию ракетный казачий взвод; после четырех пущенных ракет противник отступил, преследуемый всеми тремя сотнями. Хотя через полчаса хивинцы снова начали собираться, но брошенными

4 ракетами с дистанции 175 сажен снова принуждены были к отступлению.

Таким образом, то шагом, то ускоряя наступление и преследуя неприятеля, наша кавалерия незаметно далеко опередила пехоту и прошла от места ночлега 25 верст. Оставалось еще 5 верст до Ходжейли, где, по слухам, у неприятеля находилась пехота и артиллерия. Начальник отряда, предполагая, что хивинцы, заняв сады и предместья города, будут защищаться и постараются задержать дальнейшее наше наступление по узкой дороге, составлявшей дефиле между стенами домов и оградами садов, решил остановить кавалерию и выждать прибытия пехоты, которая усиленным маршем двигалась за головными частями отряда. Хотя последняя и подоспела вскоре, но так была утомлена безостановочным движением, что пришлось дать ей по крайней мере 1-часовой отдых. Как только отряд остановился, прекратил свое отступление и неприятель, и его всадники снова загарцевали перед правым флангом и с правой стороны отряда, а со стороны города хивинцы открыли по войскам из фальконетов совершенно, впрочем, безвредную пальбу.

По занятии предместий, лежавших к западу от города, множество невольников из персиян и афганцев начали выбегать к кавказским войскам. Несчастные, прося защиты, показывали следы цепей на руках, ногах и шеях. Командир 10-й роты Апшеронского полка штабс-капитан Хмаренко, по указанию выбежавших невольников, в течение не более получаса отыскал и освободил около 30 человек, прикованных цепями в самых скрытых местах домов.

После двухдневного отдыха, 18 мая, все войска выступили из Ходжейли, оставляя который, начальник отряда назначил из местных жителей главных должностных лиц для городского управления, с предупреждением, чтобы они свято исполнили принятые на себя обязательства к поддержанию порядка и спокойствия в городе и обеспечению сообщений отряда с тылом, грозя в противном случае жестоким и неумолимым наказанием городу, если бы наш чапар или какая-либо команда подверглись враждебным действиям населения.

Дорога к Мангыту, по которой тронулись войска 20 мая, шла первые десять верст камышами, затем незаметно поднималась на слегка возвышенное обширное плато. Вдали, верст за пять впереди, виднелась цепь песчаных холмов, а впереди их гарцевала густая конная цепь неприятельских всадников, поддерживаемая сзади сильными конными же группами. Скат холмов, обращенный к отряду, и вершины их, казалось, были сплошь покрыты

всадниками.

Благодаря ровной и удобной местности, войска двигались широким фронтом. По дороге, колонной в два орудия, двигались конная батарея и пеший артиллерийский взвод Мангишлакского отряда. Правее дороги шли: две терско-кубанские и дагестанская сотни с ракетной командой; за ними – пехота в двух колоннах, причем правую составляли пять рот Апшеронского полка под начальством майора Буравцева. Левее артиллерии направлялись: одна уральская и две оренбургских сотни с ракетной командой, за ними – оренбургский линейный батальон. Обоз следовал отдельно, под прикрытием пяти рот и двух сотен, при двух пеших орудиях.

Кавалерия и конная артиллерия, при которых ехал отрядный штаб, не сообразуя своих движений со следовавшей сзади пехотой, значительно ушли вперед, так что в первый момент встречи с неприятелем можно было противопоставить ему только эти войска. Не доходя верст трех до упомянутой выше цепи холмов, стало заметно, что неприятель намеревается предпринять нападение: передовая цепь его всадников, раздавшись вправо и влево, стала обскакивать фланги нашей кавалерии. Скоро обозначилось, что главные усилия хивинцев направляются на левый фланг и частью на центр кавалерийского отряда. Кавалерия остановилась и развернулась, батарея снялась с передков; кавказским сотням велено было податься несколько вперед для атаки неприятеля, во фланг и тыл, в то время, когда он устремится против трех сотен, находившихся левее батареи. Но не успели кавказские сотни приступить к исполнению отданного им приказания, как неприятель бросился с громким криком и гиканьем на три левофланговые сотни, которые встретили его огнем спешенной оребургской сотни и атакой одной уральской. Неприятель, не ожидавший встретить дружный и меткий залп, тотчас же повернул назад, преследуемый казаками. После того хивинцы, сгруппировавшись перед фронтом конных частей, остановились на холмах в выжидательном положении. Массы же их, бывшие по сторонам, обскакав кавалерию, устремились на фланги пехотной колонны и на обоз, стараясь в то же время прервать сообщение между ушедшими вперед кавалерией и пехотой. Наши головные части также остановились в ожидании прибытия пехоты, для ускорения которой посылались приказание за приказанием, между тем как сгруппировавшийся на холмах против кавалерии неприятель принужден был несколькими удачными выстрелами конной батареи скрыться за холмистый кряж.

Пехотная колонна, оставшаяся под начальством полковника

Ломакина, ускоренным шагом спешила к месту действия. Атаки неприятеля, направленные против флангов пехоты, легко были отбиты огнем и нисколько не задержали ее движения; точно так же остались без успеха и нападения неприятельской конницы на обоз. Как только выяснилось, что главную часть своих сил неприятель направляет мимо левого фланга, на обоз, то из Апшеронской колонны выдвинулись 9-я и 10-я роты под начальством майора Аварского и взвод 2-й батареи 21-й артиллерийской бригады, которые, развернувшись почти параллельно дороге, составили с левофланговой колонной тупой угол и меткими орудийными выстрелами и ружейными залпами отразили нападение. Не успев ничего сделать против верблюжьего обоза, неприятель атаковал колесный обоз, состоявший из офицерских повозок, казачьих каруц, батальонных и лазаретных фур, двигавшийся по дороге в некотором расстоянии впереди верблюдов, под прикрытием 25 человек саперной команды, батальонного караула от 1-го Оренбургского линейного батальона и людей от разных частей, находившихся при повозках. Но и здесь, несмотря на стремительность натиска, неприятель потерпел полнейшую неудачу. Во время рукопашной схватки, происшедшей в колесном обозе, у нас убиты два казака.

С приближением пехоты, головные части отряда двинулись вперед и заняли впереди лежащие холмы. Неприятель еще несколько раз бросался на войска с большой смелостью и неоднократно подскакивал шагов на 150 к стрелковым цепям; но когда выставили на позицию 4 орудия и открыли из них огонь – хивинцы отступили с высот и направились частью в Мангыт, частью же заняли туркменский кишлак, расположенный вправо от дороги. Войска, продолжая центром и левым флангом боевого расположения движение к городу, правым флангом (Апшеронские роты) направились к туркменским жилищам для выбития засевшего там неприятеля, который, не выждав приближения русских, быстро отступил к городу. Для разорения туркменского кишлака и для преследования хивинцев, ушедших отсюда, направлены были кавказские сотни. Остальные войска обоих отрядов двинулись к городу двумя колоннами: правая – из роты Ширванского, роты Самурского полков и 2-го Оренбургского линейного батальона – вступила в Мангыт через северные ворота, а левая – из Апшеронских рот, при которых находился начальник Мангишлакского отряда – вошла в город через северо-восточные.

У городских ворот генерала Веревкина встретила депутация, объявившая, что город не намерен защищаться и жители никакого участия в деле под Мангытом не принимали. Генерал Веревкин обещал депутации, что если город безусловно отдастся

на волю победителей, мирно встретит войска и исполнит все, что ему будет предписано, то ничего из достояния жителей не тронется и жизни их даруется пощада. Затем, приветствуемая мангытцами, колонна беспрепятственно начала проходить через город; по-видимому, ничего не предсказывало печальной судьбы Мангыта, постигшей город в тот же день, спустя несколько мгновений, после того как голова отряда вышла из черты городских предместий. Хотя в отряде и господствовало мнение, что жители Мангыта – большей частью узбеки – принимали участие в военных действиях против нас, тем не менее, как ни были сильно все возбуждены против неприятеля, покорность горожан избавляла их от мести. Не подай сами жители повода разразиться сдерживаемой дисциплиной злобе солдат, дело обошлось бы без кровопролития и страшных сцен, разыгравшихся на улицах Мангыта и всегда неизбежных при военной расправе. Дело началось с того, что по небольшой саперной команде, оставленной для исправления моста через арык, проходивший перед городской стеной, после переправы через него артиллерии, была открыта со стены города пальба, которая, не причинив вреда рабочим, повлекла за собой избиение виновников безумной попытки оказать нам сопротивление.

В то же время части войск правой колонны, входившие в город, не только слышали выстрелы, но, будучи сами встречены ружейным огнем из некоторых домов, бросились разламывать подозрительные здания. Найдя там взмыленных и усталых лошадей, обличавших участие хозяев в деле, войска расправились с ними, как подсказывало им их возбужденное состояние. Как раз в это время начал втягиваться в город обоз. Пыль, которую он поднимал, а равно движение по узким и кривым улицам затрудняли надзор за всеми людьми, бывшими при верблюдах и при повозках; вследствие чего нестроевые нижние чины, солдаты и казаки, джигиты, чапары, верблюдовожатые и персияне рассыпались по домам для баранты, превратившейся скоро в грабеж и убийство. От неразлучных с этим беспорядков вспыхнул пожар. Генерал Веревкин, узнав о насилиях, производимых в городе людьми, шедшими при обозе, для принятия энергичных мер к прекращению грабежей, убийств и беспорядков, послал туда сильные патрули при офицерах, благодаря усилиям которых удалось, наконец, восстановить тишину и порядок в городе и в обозе; тем не менее, около 400 трупов были последствием неурядицы, вызванной главным образом самими жителями, открывшими пальбу по войскам. Что касается до движения через Мангыт левой колонны, то она подошла к городу в то время, когда уже там раздавались выстрелы. Полковник Ломакин,

встреченный жителями совершенно мирно, но, слыша перестрелку в городе, решился на движение через город только тогда, когда подтянулись все части левой колонны. Затем, построив из них одну общую колонну, начальник отряда с музыкой и в порядке провел войска через Мангыт совершенно беспрепятственно и без всяких случайностей.

По донесениям лазутчиков, 22 мая отряду предстояло большое столкновение с хивинцами, собравшими большие силы и намеревавшимися атаковать войска перед Янги-Яном, где местность представляла много удобств для внезапных нападений, в особенности для действий против обоза, которому весь переход предстояло тянуться в одну линию, по дороге, представлявшей непрерывное дефиле, образованное домами, садами, изгородями, заборами и арыками. Поэтому отряд с места ночлега двинулся в полной готовности встретить неприятеля: шесть конных орудий шли по дороге; правее их двигался сводный батальон (из Ширванских и Самурских рот), левее – Оренбургский линейный батальон – оба в ротных колоннах. За флангами пехоты следовали 4 сотни, по две за каждым: левофланговые сотни – уральская и оренбургская, правофланговые – кавказские. В общем резерве и для прикрытия колесного обоза, шедшего впереди верблюдов, назначены были: 9-я линейная, 3-я и 4-я стрелковые роты Апшеронского полка, 2 пеших орудия 21-й артиллерийской бригады под начальством майора Буравцева и 2 сотни под начальством подполковника Скобелева. В прикрытии верблюжьего обоза находились: 1-й Оренбургский линейный батальон, 10-я линейная и 1-я стрелковая роты Апшеронского полка, 6-я оренбургская и 1-я уральская сотни и два пеших орудия, под командой полковника Новинского. Едва отряд вытянулся и отошел версты две от ночлега, как со всех сторон стали показываться неприятельские всадники; постепенно увеличиваясь в числе, они делались смелее и смелее и, наконец, начали наседать на фланги расположения войск; но все попытки неприятеля задержать движение были отражены и отряд продолжал путь безостановочно. Потерпев неудачу в открытом нападении, неприятель решился задержать следование войск огнем из-за закрытий. Это был первый случай подобного образа действий, и, по-видимому, на него решились не мгновенно, а обдумав заранее, судя по тому, что во многих домах и стенках, мимо которых шла дорога, были проделаны бойницы. Однако неприятель и тут не сумел воспользоваться преимуществами, предоставляемыми ему местностью. Недолго он удерживался за закрытиями: сделав на воздух несколько торопливых выстрелов и не выждав даже приближения цепей, он поспешно выходил из-за

закрытий и ретировался. Только в одном из небольших кишлаков, окруженном густым садом и находившимся у самой дороги, засели несколько человек и, подпустив нашу цепь, открыли пальбу с расстояния 25 шагов по свите генерала Веревкина; но пальба эта не причинила никому вреда и вслед за тем неприятель быстро исчез из кишлака.

Пройдя около 10 верст, войска вступили на открытое место; здесь неприятель собрался и приготовился атаковать отряд по выходе его из садов. Как только показалась стрелковая цепь, хивинцы перешли в наступление. Стрелки остановились на опушке садов и открыли частый огонь, заставивший противника отхлынуть; вскоре вышли из садов на открытое место и остальные части отряда. Частый огонь пехоты и артиллерии, открытый с близких дистанций по конным массам неприятеля, произвел в них большие опустошения и заставил скопище очистить равнину. Колонна продолжала движение и остановилась на привал у кладбища Удот. Чувствовалась настоятельная потребность в отдыхе, потому что люди сильно утомились движением по пересеченной местности и, кроме того, необходимо было дать подтянуться обозу, который, вследствие узости дороги и беспрестанных переправ через арыки, шел медленно, очень растянулся и, одновременно с нападением на боевые части отряда, тревожился неприятелем. Атаки на обоз были особенно часты и велись энергично, под покровительством благоприятной для того местности. Хотя при нападениях хивинцам и удалось достигнуть нескольких частных успехов, но вообще они несли поражение, несмотря на то что поспевать прикрывавшим обоз войскам на атакованные пункты было весьма затруднительно, так как им приходилось по нескольку раз проходить одно и то же пространство для отражения возобновлявшихся нападений, поддерживать порядок в обозе и помогать верблюдам и повозкам при переходе через различные препятствия. Оренбургские казаки также не отставали от своих кавказских товарищей. Потери наши 22 мая заключались: в убитых – 1 унтер-офицере Апшеронского полка и 5 казаках, раненых – 1 рядовом и 2 казаках, и 6 лошадях, выбывших из строя; кроме того, изрублено неприятелем несколько арбакешей из местных жителей, нанятых для перевозки продовольствия Мангишлакского отряда, и отбиты три арбы с провиантом и два верблюда с вьюками. Из числа потерянных вьюков один принадлежал инженерному парку, и часть вьюка состояла из ящика с мостовыми болтами, ключами, гвоздями, инструментами плотничьими и частью кузнечными – словом с самыми необходимыми вещами при сборке моста. Такая потеря тем более была чувствительна, что не дальше как на другой день

встретилась надобность в этих вещах при наводке моста через Клыч-Нияз-бай.

Сделав 16 верст, отряд остановился на ночлегу селения Янги-ян. Несмотря на такой незначительный переход, войска дошли до ночлега только в 4 часа пополудни, а обоз прибыл уже вечером.

Потери неприятеля в деле под Янги-яном, сравнительно с нашими, надо полагать, были весьма велики, судя по тому что в тот день ему часто приходилось попадать под огонь пехоты, в особенности при нападении на обоз, где стрельба производилась почти в упор. Более других имела случай отличиться и поразить неприятеля 1-я стрелковая рота Апшеронского полка капитана Усачева, прикрывавшая верблюжий транспорт. Много неприятельских трупов осталось разбросанных на равнине перед Янги-Яном, в садах и по арыкам; в точности же определить как цифру потери хивинцев, так равно и число сражавшихся неприятельских войск весьма трудно, хотя по сведениям, добытым от жителей, силы неприятельские простирались до 10 000 человек; впрочем, цифра эта весьма гадательна.

По той энергии, которую неприятель обнаружил 22 мая, можно было заключить, что хивинцы предполагали дать русским войскам под Янги-Яном решительный отпор, так как, по-видимому, они все еще не падали духом, верили в свои силы и надеялись, выставив против нас многочисленное скопище, заградить нам путь. На случай, если бы не удалось задержать наш отряд, у них была попытка вступить в мирные переговоры, для чего следовавший при их войсках ханский посланец должен был ехать в лагерь отряда и вручить его начальнику письмо от хана. Действительно, как только войска стали располагаться на ночлег, на аванпосты явился с небольшой свитой какой-то важный хивинец с просьбой о допуске его к генералу Веревкину, которому он имел передать ханское письмо. В письме этом, «достопочтенному могущественному и любезному лейтенанту губернатору», выражалось прежде всего удивление хана о причинах вторжения русских в его владения, так как никаких предлогов для враждебных действий, по его мнению, не существовало. Он никак не мог понять, чтобы пять или десять человек русских, бывших в Хиве и живших там, по дружбе, безобидно, и к тому же отпущенных на родину, могли послужить предлогом для войны. Затем хан, уведомляя о вступлении в сношения с генералом Кауфманом, просил генерала Веревкина остановить дальнейшее движение на три дня и выяснить условия для заключения мира, подобно тому, как сделал Туркестанский генерал-губернатор, остановившийся в Таш-Саки и обязавшийся пробыть там три дня в ожидании исхода переговоров[21].

Генерал Веревкин, согласно полученной им на этот предмет инструкции, словесно отвечал посланному, что, не имея полномочий вести переговоры, он не считает себя вправе остановить войска без приказания генерала Кауфмана.

Вследствие полученных в тот же день слухов, что Туркестанский отряд занял уже несколько дней тому назад Хазарасп и направляется к Хиве, генерал Веревкин решился изменить первоначальный план движения на Новый Ургенч и идти, для соединения с генералом Кауфманом, прямо на Хиву, через города Кять и Кош-купырь, рассчитывая прибыть туда одновременно с войсками туркестанскими. К такому решению склоняли генерала Веревкина: 1) отступление самого неприятеля в направлении к Хиве и 2) удобство для движения войск по прямой дороге, как менее пересеченной, сравнительно с кружным путем через Новый Ургенч.

На стоянке у города Кята было получено письмо от генерал-адъютанта фон Кауфмана, помеченное 21 мая. Из этого письма усматривалось, что Туркестанский отряд 16-го числа находился около уроч. Ак-Камыша и, после предпринятой того же числа рекогносцировки, генерал Кауфман начал переправу у Шейх-Арыка на левый берег Аму-Дарьи. В то время, когда писалось письмо, больше половины отряда уже переправилось и войска приступили к формированию обоза из арб для дальнейшего похода к Хиве через г. Хазарасп. Таким образом, слух о занятии г. Хазараспа туркестанским отрядом не подтвердился. В ответ на полученное письмо, генерал Веревкин, уведомляя генерала Кауфмана о положении дел в отряде и о последних действиях с неприятелем, прибавил, что он двинется к Хиве, в окрестностях которой остановится и будет ожидать дальнейших приказаний от главного начальника войск хивинской экспедиции.

На следующий день отряд, пройдя через Кош-Купыр, двинулся к Хиве. Начальник отряда предполагал выбрать где-нибудь в окрестностях Хивы удобное место для стоянки, расположиться там лагерем и, произведя предварительно рекогносцировку городской стены, ожидать дальнейших приказаний от генерала Кауфмана. Местом, удовлетворявшим всем условиям хорошей стоянки, оказался летний ханский дворец Чинакчик, с его окрестностями, на канале Хотыр-Тут, верстах в 6-ти от Хивы. Сад Чинакчик считался одним из лучших и любимых ханом, который он чаще других посещал и в котором проводил большую часть лета. Превосходные фруктовые деревья, широкие прямые аллеи, бассейны и цветники придавали этому саду европейский характер и указывали, что он возделан и обработан руками русских пленников; на многих деревьях найдены

вырезанные на коре кресты, надписи «1869», «1870» и русские имена.

Здесь отряд и расположился, сделав 26 мая совершенно спокойно переход в 8 верст. Скобелев с авангардом из двух сотен выслан был версты на две вперед по направлению к Хиве, и ему было приказано, в случае встречи с неприятелем, оттеснить его к городу, но отнюдь не увлекаться преследованием.

Сначала генерал Веревкин намеревался послать из-под Хивы навстречу Туркестанскому отряду сильный разъезд, потому что, основываясь на слухах, впрочем противоречивших письму генерала Кауфмана от 21 мая, он предполагал, что туркестанские войска должны уже находиться где-либо в окрестностях Хивы, на юго-восточной стороне столицы. Но сведения, собранные 26 мая от жителей, не подтвердили такого предположения: жители утверждали, что Туркестанский отряд стоит в Питняке, верстах в 70 от Хивы[22].

Вследствие этого генерал Веревкин, опасаясь подвергнуть отдельному поражению разъезд, посылаемый на такое далекое расстояние, отменил отправление его и решился оставаться у Чинакчика в ожидании приказаний от генерал-адъютанта фон Кауфмана до тех пор, пока обстоятельства не вынудят принять какие-либо другие меры.

Едва войска расположились лагерем, как послышались выстрелы впереди, в том направлении, где двигался авангард. Туда немедленно командирована кавалерия обоих отрядов при двух конных орудиях. Дело в авангарде произошло таким образом. Пройдя около версты по узкой дороге, пролегавшей между садами, огороженными глиняными стенками, подполковник Скобелев вышел на открытую поляну и заметил впереди себя, саженях в 300, значительную неприятельскую партию, разбиравшую мост через большой арык. Высланные вперед наездники, после довольно жаркой перестрелки, заставили неприятеля отойти от моста; затем, переехав мост, наездники бросились преследовать хивинцев, бежавших через дефиле, между высокими стенами двух садов. Следуя с двумя сотнями за наездниками, подполковник Скобелев прошел это дефиле и снова увидел перед собой довольно сильную партию неприятеля, одна часть которого занимала сады против левого фланга, а другая – разъезжала по открытой местности, против правого фланга. Пользуясь смятением, произведенным у противника быстрым появлением нашей кавалерии, Скобелев атаковал и обратил в бегство хивинцев. Преследование их продолжалось на расстоянии не более версты, причем у неприятеля изрублено несколько человек и отбиты лошади из-под

убитых. Имея в виду приказание не зарываться слишком далеко, подполковник Скобелев начал отходить к главным силам. Как только хивинцы заметили отступление авангарда, они тотчас же остановились и, собираясь все в большие и большие толпы, намеревались обрушиться на казаков. Спешив сотни и отстреливаясь от наседавшего противника, Скобелев медленно отходил к упомянутому дефиле, вход в которое обстреливался неприятельскими стрелками, занявшими стенки ближайшего сада. Спешенный взвод уральских казаков, примкнув штыки, тотчас же выбил хивинцев из сада и затем направился к противоположному выходу. Войдя в дефиле, Скобелев продолжал отступление, оставив в арьергарде два спешенных взвода казаков под начальством ротмистра Алиханова, которые заняли перед дефиле позицию и удерживали неприятеля огнем до тех пор, пока не проследовали через теснину коноводы; а затем сами взводы стали, отстреливаясь, медленно отходить. В это время прискакали на выстрелы казачьи сотни обоих отрядов под начальством полковников Тер-Асатурова и Леонтьева, со взводом конной артиллерии. Неприятель, завидев прибывшие подкрепления, начал поспешно отступать, провожаемый выстрелами артиллерии и преследуемый двумя сотнями казаков. Прогнав хивинцев в город, сотни возвратились в лагерь. Потеря наша в авангарде была незначительна: ранены два казака и несколько лошадей; сколько же ранено и убито у хивинцев – неизвестно.

Не успели войска стать лагерем, как из Хивы явилась депутация, во главе которой находился ишан, с мирными предложениями; но в чем они заключались – определить было трудно, так как в донесении генерала Веревкина о событиях этого дня ничего не говорится о сущности этих предложений. По всей вероятности, они не отличались, вследствие уклончивости азиатов, особой ясностью и заключались скорее всего только в просьбе прекратить с нашей стороны пальбу по городу и дальнейшие военные действия, не ставя взамен того для себя никаких обязательств. Депутация заявила, что хан ушел из города еще накануне[23], и в Хиве царит безначалие вследствие раздоров между двумя партиями, из которых одна – из людей, понимающих бесполезность сопротивления русским – желала прекращения войны, а другая – требовала продолжения сопротивления во что бы то ни стало.

По поручению генерала Веревкина, переговоры с депутатами вел начальник Мангишлакского отряда полковник Ломакин, которым и предложены были депутации следующие условия: 1) действия наши прекращаются на два часа; 2) по истечении их, из города должна выйти депутация самых почетных лиц и привезти с

собой для выдачи, сколько успеют собрать, пушек и оружия; 3) так как генерал Веревкин не уполномочен прекращать совершенно военные действия, то старшее в городе лицо немедленно должно отправиться навстречу генералу Кауфману за решением участи города, и 4) если по истечении трех часов не последует ответа, то город будет бомбардирован. Условия эти были безоговорочно приняты депутацией.

Дело 28 мая под стенами Хивы является самым серьезным из всех происходивших до того дня столкновений наших с неприятелем в течение экспедиции 1873 года.

«Вся честь дела бесспорно принадлежала 4-й стрелковой и 9-й ротам Апшеронского полка и артиллерии Оренбургского и Мангишлакского отрядов, занимавшей позицию по каналу в 120 саженях от крепости»[24].

Бой под стенами Хивы почему-то назван усиленной рекогносцировкой; а между тем из самого хода боя и из реляции о нем видно, что дело 28 мая вполне может быть отнесено к разряду, так называемых в тактике, случайных сражений для одной из враждующих сторон, и таким именно оно и было для нас.

Из реляции генерала Веревкина видно, что с расстояния 1200 сажен впервые открылись башни и минареты города Хивы, следовательно, отсюда и должны бы начаться действия, обыкновенно сопровождающие обозрение укрепленных неприятельских позиций. Между тем, мы продолжали следовать всеми силами в порядке, отчасти весьма неудобном для движения под огнем и для рекогносцировки, потому что густая пыль, поднятая массой лошадей, препятствовала дальнейшему обозрению всего происходившего впереди. Так войска шли, не приступая к рекогносцировке и не рассчитывая на штурм, к которому не были приготовлены, пока первые просвистевшие над головами неприятельские ядра не напомнили отряду, что он подошел очень близко к столице и уже пора на что-нибудь решиться.

Обозрение было забыто. Все рванулось вперед, пока передовые части, захватив неприятельскую батарею, не уперлись в городскую стену, преградившую им дальнейшее движение. Затем началось огнестрельное состязание с неприятелем, и потом обратное движение от Хивы. Сведения, получаемые при рекогносцировках, веденных таким образом, не могли быть особенно точны и обширны. Так и в деле 20 мая все, добытое рекогносцировкой, представлялось неполным и заключалось в следующем: 1) что городская стена находилась в 100 саженях от канала Полван-Ата, о чем уже было давно известно из плана Хивы

с ее окрестностями, составленного еще в 1858 году и имевшегося в отрядном штабе, 2) сделалось известным, что городские стены малодоступны для атаки открытой силой – явление, во всяком случае присущее всем долговременным укреплениям, а в том числе и азиатским.

Наши потери в сражении под Хивой заключались в 4-х убитых нижних чинах, одной артиллерийской и трех казачьих лошадях; ранены – 1 генерал (генерал-лейтенант Веревкин), 2 штабс-офицера (Апшеронского полка – майоры Буравцев и Аварский), обер-офицеров – 4 (в числе их Апшеронского полка – капитан Бек-Узаров и прапорщик Аргутинский-Долгоруков), нижних чинов Кавказского отряда – 33 и волонтер Тхокадзе; лошадей – 7; контужено офицеров – 4, нижних чинов – 5. У Апшеронцев убито было двое и ранено 14 нижних чинов.

Многие раненые нижние чины не оставляли своих рядов и сохраняли редкое мужество и присутствие духа.

При взятии медресе, когда раненый командир 4-й стрелковой роты Апшеронского полка капитан Бек-Узаров, отыскивая в строениях неприятеля, наткнулся в одной комнате на трех хивинцев, и они бросились на него, рядовой этой роты Малярчик, заградив своей грудью капитана Бек-Узарова, одного хивинца заколол штыком, а другого положил пулей, но при этом был ранен сам; что касается третьего, то его убил из револьвера капитан Бек-Узаров.

При взятии же медресе один из хивинцев бросился с шашкой на капитана князя Меликова. Тогда рядовой 4-й стрелковой роты Караваев одним прыжком очутился подле офицера и выстрелом в упор положил неприятеля. Раненный в это время другим хивинцем Караваев, однако, не пошел на перевязочный пункт, а оставался в медресе до тех пор, пока все войска не были переведены за Полван-Ата.

Хотя потери неприятеля в точности не были известны, но, надо полагать, они были велики, ибо 8 наших орудий выпустили в этот день 388 снарядов; направляемые с близкого расстояния, в большинстве, в верхнюю часть стены, более тонкую, они пробивали ее и разрывались на улицах города, за стенами которого укрылись не только постоянные жители Хивы, но и собравшиеся туда из окрестных поселений, в надежде найти там защиту себе и своим семействам.

Действие нашей артиллерии произвело в городе страшное смятение и навело на жителей панический страх. Когда кавказцы очутились у стены, то в Хиве стали кричать, что русские уже ворвались в крепость; народ в страшном перепуге бросался из улицы в улицу, топтал и давил друг друга; люди, поставленные

на стенах, бросались вниз и разбивались, потому что лестницы от стен были отняты, с целью заставить оборонявших стены не покидать своих мест. Вследствие всего этого по улицам города валялось много трупов. Через неделю по занятии Хивы у шах-абадских ворот от вони разложившихся трупов невозможно было стоять.

После отпуска депутации и по размещении войск в лагере, произведена была рекогносцировка местности, ближайшей к городу и лежащей по обеим сторонам шах-абадской дороги, для выбора места к устройству демонтирной и мортирной батарей. Обозрение производилось полковником Саранчовым с инженерным и артиллерийским офицерами. Места для батарей были выбраны: для демонтирной – в 250 саженях от Хивы, на дворе одного большого загородного дома; для действий же из орудий прорезаны амбразуры в глиняной стене, окружавшей двор; мортирная батарея устроена в 150 саженях от города, также за глиняным забором, фута в четыре вышиной.

Демонтирную батарею вооружили 6 орудиями 2-й конной батареи и 2 орудиями 21-й артиллерийской бригады, а мортирную – 4 полупудовыми мортирами.

В прикрытие батарей назначены 4 роты и 2 сотни казаков.

Двухчасовой срок перемирия, условленный при переговорах с депутатами, уже истекал, а между тем почетные лица все еще не приезжали из города в лагерь сдавать оружие; напротив, хивинцы открыли даже огонь по возводимым нами батареям, совершенно, впрочем, слабый и безвредный. Когда же срок истек, то из Хивы прибыл посланец, который заявил, что жители просят прекратить военные действия до утра, и подтвердил при этом, что часть горожан не желает сдачи и влиянию этой партии должны быть приписаны выстрелы, направляемые против наших работ. Полковник Саранчов, не придавая этому заявлению особого значения и видя в нем уловку с целью затянуть дело, приказал, с разрешения генерала Веревкина, открыть огонь с мортирной батареи. Едва было брошено несколько гранат в город, как снова явилась депутация с просьбой пощады и прекращения пальбы до утра, когда обстоятельства разъяснятся и получится ответ на предложения, сделанные генералу Кауфману. Тем не менее, полковник Саранчов, с целью потрясти дух неприятеля и тем понудить его к решительной сдаче, еще в течение целого часа продолжал огонь и затем, уступая просьбам депутации, прекратил его на три часа. Всего нами брошено было в город из мортир 92 гранаты, произведшие пожар в трех местах. С демонтир-батареи выстрелов не производилось.

Вскоре после того, как была дана эта новая отсрочка, от

генерала Кауфмана получено приказание прекратить бомбардирование города и возобновить его лишь в случае, если неприятель вынудит нас к тому. Вследствие этого, хотя батареи и прикрытие их и были оставлены на занимаемых ими местах, но им было приказано не отвечать на отдельные неприятельские выстрелы до тех пор, пока на то не будет получено особого распоряжения. Ночь прошла спокойно, и только изредка раздававшиеся с крепости выстрелы нарушали ночную тишину и показывали, что в Хиве есть еще люди, не угомонившиеся после бомбардирования и рассчитывавшие на борьбу с нами, тем более что, как стало заметно к утру, неприятель в течение ночи успел заделать некоторые пробоины в стенах и воротах, произведенные нашими выстрелами накануне. Такие, по-видимому, бесцельные и вызывающие действия хивинцев и приготовления их для последнего отпора можно объяснить только отчаянием и убеждением найти в нас людей, не держащих своего слова и совершенно подобных азиатским завоевателям, одинаково жестоко относившимся и к сопротивлявшемуся и к просящему пощады врагу. С нашей стороны на эти одиночные и безвредные для нас выстрелы ответа не было.

Согласно полученному 28 мая вышеприведенному приказанию от главного начальника войск, Оренбургско-Мангишлакский отряд должен был направиться 29-го числа навстречу и на соединение с Туркестанским отрядом, шедшим в этот же день от Янги-арыка к Хиве. В 8 часов утра туркестанским войскам надлежало быть верстах в шести от Хивы, и соединенные отряды к этому времени должны были перейти к мосту Сары-Купрюк на арыке Полван-Ата.

Генерал Веревкин не нашел, однако, возможным со всеми силами, бывшими в его распоряжении, двинуться в указанном ему направлении, между прочим, по обилию раненых, перевозка которых представляла затруднения. Поэтому навстречу Туркестанскому отряду рано утром 29 мая отправились только две роты, 4 сотни и два конных орудия; с этим отрядом последовали полковники Ломакин и Саранчов. Остальные войска остались на местах, занятых накануне.

Утро 29 мая застало положение дел на передовой позиции перед Хивой в таком виде: войска находились на прежних местах, упираясь левым флангом в строения, расположенные по левой стороне дороги из Шах-абада, близ моста через Полван-Ата, а правым занимая минарет и сад, правее мортирной батареи. Неприятель хотя и заделал повреждения в стене и воротах крепости и успел поставить другие орудия, взамен подбитых, для обстреливания подступов к воротам, однако ничем не

обнаруживал желания начать враждебные действия; напротив того, часть стен, обращенных к нам, была усыпана жителями, которые, свесив ноги наружу, с любопытством рассматривали несколько небольших кучек русских солдат, расположившихся почти под самыми стенами Хивы. Скоро между нашими войсками и жителями завязались переговоры; хивинцы совершенно беспрепятственно позволили нам убрать трупы убитых накануне солдат, лежавшие у самой стены, у которых, однако, уже были отрезаны головы и распороты животы.

По всему замечалось, что горожане не желали продолжения военных действий и готовы были сдаться и довериться нам; на требование наше выдать пушки они очень охотно спустили со стены одно из своих орудий.

Вскоре после того стали появляться в лагере нашем персияне, выбегавшие из Хивы через обвалы в стенах и даже спускавшиеся со стен, в виду хивинцев, глазевших на нас, и в виду наших войск. Хивинцы не раз посылали им вдогонку пули, большей частью, впрочем, безвредные. Выходцы эти рассказывали, что в Хиве со времени отъезда хана господствуют большие беспорядки и в городе много пленных персиян и русских, которых собираются вырезать.

Как ни мало не правдоподобны были подобные рассказы, – в особенности показание относительно существования русских пленных, которые, как известно, были высланы ханом в Казалинск все, в числе 21 человека, тотчас же по получении в Хиве известия о выступлении наших войск к Хиве, – тем не менее эти сведения взволновали многих.

Генерал Веревкин, предполагая существование в городе двух партий: одной, склонявшейся к миру, и другой, желавшей войны, – в видах предупреждения беспорядков в самую минуту сдачи города, отдал приказание занять городские шах-абадские ворота и прилегающие к ним части стены путем переговоров, а если это окажется невозможным, то и силой оружия. Хивинские начальники, какие в то время находились на стенах, не соглашались на предложение открыть ворота, говоря, что теперь каждую минуту ожидается вступление в город туркестанского генерал-губернатора (ярым-падыша), для чего открыты хазараспские ворота, и все высшие власти ханства выехали уже к нему навстречу; народ тоже собирается у ворот; и что теперь не к кому обратиться. Факты эти и тогда казались вероятными и, как видно из последующего хода дел, вполне потом подтвердились, тем не менее приказание начальника требовало исполнения. Поэтому, наскоро исправив брешь-батарею на два орудия, измерили шагами расстояние до ворот, пробили ядрами ворота, и

две роты с двумя ракетными станками заняли их и ближайшие к ним части стены. Неприятель не делал попыток к истреблению наших людей, пролезавших поодиночке в узкую пробоину. Таким образом, передовая стена Хивы была занята нашими войсками в то самое время, когда с противоположной стороны города выстраивались для вступления в открытые ворота войска Туркестанского отряда и та часть Кавказского и Оренбургского отрядов, которая во исполнение приказания главного начальника войск выслана была для занятия моста на арыке Полван-Ата.

29-го же мая, по окончательном занятии города войсками Туркестанского отряда, все силы наши, сосредоточенные в Хивинском ханстве, поступили под непосредственное начальство генерал-адъютанта фон-Кауфмана 1-го.

По распоряжению командующего войсками, действовавшими против Хивы, хивинский хан выслал вперед, по пути движения кавказских войск, нарочных с приказанием, чтобы жители попутных городов и селений исправили к приходу отряда мосты и дороги. Для указания пути в ханстве и оказания войскам всевозможного содействия, хан назначил состоять при начальнике отряда до Кунграда одного из своих чиновников, Роман-бая, и нескольких джигитов.

В 7 часов вечера 8 августа, накануне выступления отряда, кавказцы выстроились для прощания с командующим войсками. Генерал фон Кауфман обошел ряды войск, поблагодарил каждую часть за молодецкую службу и пожелал счастливого пути, а казакам, кроме того, – найти в своих домах все в полном благополучии.

Утром 9 августа, после напутственного молебствия, Мангишлакский отряд в составе 9 рот (в том числе 5 Апшеронских), 2 полевых и 2 хивинских орудий, отбитых Апшеронцами 28 мая, 4 сотен кавалерии и команд саперной и ракетной, выступил в поход.

По случаю счастливого окончания хивинского похода, 14 сентября, в день Воздвижения Креста

Господня, ровно через пять месяцев по выступлении из Киндерли первого эшелона в Хиву, отслужено было благодарственное молебствие и, при возглашении многолетия Государю Императору, из всех орудий произведен 101 пушечный выстрел. На месте совершения молебствия, при отправлении отряда в поход и по возвращении из него, по мысли отрядного священника Андрея Варашкевича, поставлена войсками и персиянами из камня большая пирамида в пять сажен высотой и на ней водружен большой деревянный крест. В пирамиду вставлена доска со следующей надписью:

14-го апреля 1873 года отряд кавказских войск под начальством полковника Ломакина: 9-я и 10-я линейные и 1-я, 3-я и 4-я стрелковые роты 81-го пехотного Апшеронского полка, 8-я рота 83-го Самурского полка, 1-я, 2-я и 3-я стрелковые роты 84-го пехотного Ширванского полка, взвод полевых орудий 2-й батареи 21-й артиллерийской бригады, команда 1-го кавказского саперного батальона, 3-я и 4-я сотни Дагестанского конно-иррегулярного полка, 4-я сотня Кизляро-Гребенского полка, 1-я сотня Сунженского полка, – выступил против Хивы. Хива занята 29 мая. Убитых и умерших 23 человека. Отряд возвратился из Хивы 12-го сентября 1873 года.

Его Императорское Высочество, Главнокомандующий Кавказской армией, в приказе своем благодарил всех чинов Мангишлакского отряда, от первого до последнего, за их доблестную службу. «Об отличном во всех отношениях состоянии войск Мангишлакского отряда, – говорилось в приказе, – их мужестве и храбрости в делах с неприятелем, бодрости и стойкости, с которыми переносили они все труды и лишения, их готовности, после утомительных переходов, тотчас встретить новую борьбу с враждебными силами природы, я получил несколько заявлений как от ближайшего их начальника, полковника Ломакина, так от начальника Оренбургского отряда генерал-лейтенанта Веревкина и от главного начальника всех экспедиционных в Хиве войск, генерал-адъютанта фон Кауфмана, благодарившего после занятия города Хивы от имени Государя Императора кавказские войска за их доблестную, молодецкую, честную службу. Относя столь блестящий поход совершенной Мангишлакским отрядом экспедиции к неусыпным трудам и попечениям командующего войсками Дагестанской области генерал-адъютанта князя Меликова, по приготовлению и снаряжению сего отряда, к отличной распорядительности, энергии и заботливости начальника отряда полковника Ломакина и всех их помощников в этом деле, равно к примерной, вполне соответствующей цели подготовке войск обучением и воспитанием, под наблюдением прямого их начальства – от командующего дивизией до субалтерн-офицера, наконец, к превосходному духу и неослабному рвению всех без исключения офицеров и нижних чинов свято исполнить долг службы и присяги, я с особенным удовольствием выражаю мою искреннюю признательность генерал-адъютанту князю Меликову и мою душевную благодарность полковнику Ломакину, всем вообще их сотрудникам в деле снаряжения отряда, всем начальникам войск, отдельных в отряде частей, и всем офицерам. Нижним чинам объявляю мое сердечное спасибо».

Покорение Ахал-Теке

По плану, составленному Михаилом Димитриевичем, для покорения Ахал-теке надлежало:

1) Образовать отряд вторжения силой в 6 батальонов (по 42 ряда в полуроте), 7 эскадронов и сотен, 48 орудий, с 3 артиллерийскими парками, и госпиталь.

2) Тыл обеспечить 2 мобилизованными батальонами (по 42 ряда в полуроте), 3 батальонами немобилизованными, 3-мя сотнями казаков и 16 орудиями; госпитали учредить в Чекишляре и Таш-арват-кале, а укрепления создать в Чекишляре, Дуз-олуме, Михайловске, Айдине, Ушаке, Кизил-арвате и Таш-арват-кале.

Перевозочные средства отряда долженствовали состоять: из 3000 верблюдов под перевозку четырехмесячного довольствия в Дуз-олум для отряда вторжения и укреплений и из 2500 верблюдов, пригнанных из Мангишлака и Бакинской губернии, для перевозки грузов из Михайловского залива последовательно в Айдин, Ушак, Кизил-арват и Бами.

Для удобства сообщения предположено устроить переносную железную дорогу, системы Дековиля, от Михайловского залива до Айдина.

Военные операции генерал Скобелев предполагал производить в таком порядке: 1) в июне 1880 года – занятие Айдина (по Михайловской военной линии) и учреждение здесь укрепления, для прикрытия различных складов и постройки железной дороги; 2) в сентябре того же года – занятие Кизил-арвата и колодцев Ушак; 3) в марте 1880 года – сосредоточение в Кизил-арвате всех войск отряда вторжения; 4) в апреле – передвижение отряда к Беурме и 5) в сентябре – дальнейшее движение к Дуруну, Геок-тепе и Асхабаду.

Текинцы, узнав, что начальником экспедиции назначен генерал Скобелев, уже известный в Средней Азии победами в Коканском ханстве, решили переселиться в крепость Геок-тепе и в ней защищаться. Этим переселением занялись Тыкма-сардар и Курбан-Мурад-ишхан. Переселение жителей происходило весьма деятельно, и вскоре большая часть населения Ахала, бросив свои аулы, собралась в крепости.

В 4 часа пополудни 30 мая выступила из Ходжакала кавалерийская колонна, а в 8 часов вечера – пехотная. Пройдя Бендесен и сделав здесь небольшой привал, кавалерийская колонна в 6 часов утра заняла Бами, сделавшийся впоследствии передовым пунктом наших операций в оазисе до самого выступления в Геок-тепе. Из Бами направлена была в Беурму

сотня казаков, а в 10 часов утра к этому же селению, ввиду полученных известий о появлении многочисленной неприятельской конницы, двинулись и остальные части кавалерии. Пройдя несколько верст из Беурмы по направлению к селению Арчману и не встретив неприятеля, исключая одиночных всадников, державшихся на весьма почтительном расстоянии, Скобелев возвратился в Бами.

Из Бами генерал Скобелев послал текинцам прокламацию следующего содержания: «Перед началом наступательных действий, которые поведут к покорению Ахал-текинской земли и от которых могут пострадать жены, дети и имущество, я, вдохновляемый добротой Государя Императора, в последний раз предлагаю сдаться на милосердие Белого Царя. Доказательством покорности буду считать: 1) высылку из Бами влиятельных лиц, по моему требованию; 2) сдачу Геок-тепе и Денгиль-тепе, которые занимаются русскими войсками; 3) продовольствие доставлять русским войскам на все время по моему усмотрению. Предлагаю ответить мне в трехдневный срок в Бами. Если в течение этого времени не получу ответа, то вам будет худо»[25].

Войска сосредоточились в укр. Ходжакала, и здесь, перед выступлением, генерал-адъютант Скобелев отдал такой приказ:

«После девятимесячной остановки, Августейшему главнокомандующему угодно повелеть вновь вступить в пределы Ахал-текинской земли.

Всем предстоит перенести много трудностей, встретиться с неприятелем храбрым, более чем вдесятеро вас сильнейшим.

Кавказское сердце ваше всегда сумеет быть на высоте боевого дела. Благодарный знаменам вашим за Георгиевский крест, я знаю вас и не считаю врагов.

Прошу всех чинов отряда не забывать, что русская честь требует мести за павших товарищей наших»[26].

10 июня генерал Скобелев выступил из Ходжакала через Коджский перевал и в тот же день занял Бами. Пехотная колонна, следуя через Бендесенский перевал, прибыла в Бами 11-го июня.

31-го июля отряд, назначенный для рекогносцировки к Геок-тепе, был сформирован и состоял из 3 рот, 4-х сотен и 18 орудий под командой самого Скобелева. 1 июля, в 9 часов пополудни, после молебствия, отряд выступил из Бами. На рассвете 2-го числа генерал Скобелев с кавалерией прибыл в Арчман, где оказалось всего только 40 конных текинцев; четверо из них были убиты в происшедшей перестрелке, а остальные ускакали. В 9 часов подошла пехота. Дав войскам несколько часов отдыха, Скобелев выступил дальше и 3-го числа в 5 часов пополудни занял сел. Дурун. Здесь отряд застал небольшую неприятельскую

партию, которая быстро рассеялась. Проследовав 4-го числа через Ак-калу, отряд на другой день после полудня подошел к сел. Егян-батыр-кала, отстоявшему всего только в 12 верстах от Геок-тепе. Сосредоточив войска в небольшой крепости, генерал Скобелев сделал все необходимые распоряжения на случай ночного нападения текинцев. Однако ночь прошла спокойно, по-видимому, текинцы ожидали нас у Геок-тепе, куда начальник экспедиции на следующий день намеревался двинуться. Оставив в крепости Егян-батыр-кала обоз, всех слабых и скот, под прикрытием полуроты при одной картечнице, генерал Скобелев с остальными войсками, в 3 часа пополуночи, 6 июля, выступил в Геок-тепе. Накануне выступления генерал Скобелев написал записку, которую в случае его смерти надлежало прочитать всем офицерам отряда. В ней говорилось: «Полковнику Вержбицкому и всем офицерам отряда. В случае моей смерти на предстоящей рекогносцировке 6-го июля я поручаю командование отрядом полковнику Гродекову; он вполне способен вывести целым отряд, и ему известны все мои соображения.

Я сознательно поставил отряд, по-видимому, в весьма трудное положение; но я убежден, что при молодецком ведении он вернется с честью.

Общее впечатление этого смелого движения оправдывает риск. В Азии надо бить по воображению. Бомбардировка Геок-тепе с горстью людей и благополучное возвращение отряда отзовутся во всей Азии. Генерал-адъютант Скобелев. Егян-батыр-кала. 5-го июля 1880 года. 5 часов вечера»[27].

По мере приближения отряда к крепости стали появляться конные партии текинцев, начавшие с войсками перестрелку. Следуя у подошвы Копет-дагского хребта, отряд направлялся к сел. Янги-кала, отстоявшему от крепости на 2000 шагов. Не успели войска отойти от Егян-батыр-кала 4-х верст, как за одним бугром открыто было присутствие партии около 400 текинцев, под предводительством Тыкма-сардара, имевших намерение внезапно атаковать наши войска. Несколько пущенных в партию ракет заставили ее отступить к Геок-тепе. Значительные массы конных текинцев окружили отряд с трех сторон; но, угрожаемые огнем нашей артиллерии, держались на весьма почтительном расстоянии. Около 12 часов дня отряд подошел к ручью Секиз-яб, протекающему через все селения, носящие общее название Геок-тепе.

После небольшого отдыха, Скобелев произвел рекогносцировку южной стороны Янги-калы, и в это время в крепость Геок-тепе было брошено 120 артиллерийских снарядов. Произведя осмотр крепости и окружающей ее местности,

Скобелев считал свою задачу законченной – и решил начать отступление.

Заметив, что отряд предпринимает обратное движение, текинцы окружили русские войска со всех сторон и открыли по ним усиленный огонь. Неприятель несколько раз бросался в шашки, но его отбивали огнем артиллерии. 12 верстный путь до Егян-батыр-кала отряд прошел лишь в 5 часов, все время отбивая назойливо преследовавших его текинцев. В 6 часов вечера Скобелев возвратился в Егян-батыр-кала и сделал все распоряжения к отбитию ночной атаки текинцев, которую, по всем признакам, следовало ожидать. Действительно, в 2 часа пополуночи, неприятель с криками и выстрелами стал приближаться к расположению наших войск. Но мертвая тишина, царившая в стане русских, совершенно смутила и устрашила текинцев, и они отступили. На следующий день, в 5 часов утра, отряд начал дальнейшее движение к Бами. Неприятель только издали следил за отступлением наших войск, не решаясь их атаковать. 10 июля отряд прибыл в Бами. Рекогносцировка стоила нам 3-х убитых, 8 раненых и 8 контуженных нижних чинов. Слухи о движении отряда к Геок-тепе разнеслись по всей Средней Азии и произвели громадное впечатление. Рассказывали, что наши войска уже овладели Ахалтекинским оазисом, причем убито было 15 000 текинцев. Генералу Скобелеву рекогносцировка 6 июля дала возможность на деле познакомиться с противником, о котором после штурма крепости в 1879 году ходили самые разноречивые и преувеличенные слухи.

Дальнейшее описание Ахалтекинской экспедиции мы заимствуем из воспоминаний одного из офицеров Апшеронского полка – участника экспедиции.

«До того времени я еще не видел Скобелева; но почти легендарные рассказы о “Белом генерале”, создавшие ему такую популярность в России и возведшие его в цикл героев, возбуждали во мне чрезвычайный интерес, и я гордился тем, что буду иметь честь служить под начальством такого героя. Михаил Димитриевич, выскочив из фургона, подошел к почетному караулу. Он был одет в серую офицерскую тужурку и красные кожаные чакчиры; при нем не было никакого оружия. Высокая, стройная фигура генерала, его красивое, симпатичное лицо, обрамленное длинными русыми бакенбардами, и проницательный взгляд его голубых глаз произвели на меня глубокое впечатление; на вид Скобелеву было лет 35–36. Поздоровавшись с почетным караулом, Михаил Димитриевич спросил: как моя фамилия, из какого я полка и кто командир полка? Получив на все ответы, Михаил Димитриевич пожелал

мне счастливо служить и затем поздравил нас, офицеров, и солдат со скорым выступлением в Бами и скорым походом к Геок-тепе[28].

Мое перо слишком слабо, чтобы описать тот энтузиазм и радость, которые обуяли всех нас при вести о скором оставлении “растриклятого Чада”, как называли солдаты наше злополучное укрепление. Песни солдат и их веселый говор не умолкали почти до полуночи. Генерал Скобелев ходил между группами солдат и спрашивал, не осталось ли в ротах солдат, участвовавших в хивинском походе. Один такой нашелся: это был псаломщик, ефрейтор Лебедев. Скобелев подарил ему 10 рублей и обещал при первом же деле дать Георгиевский крест. На другой день, с рассветом, Михаил Димитриевич выехал в Дуз-олум. Однако нам еще не так скоро пришлось распроститься с Чатом, ибо передвижение войск совершалось очень медленно, да и не прибыли еще с Кавказа части, потребованные начальником экспедиции на усиление войск действующего отряда.

30 ноября нам предстояло занять сел. Егян-батыр-кала, которое, по словам лазутчиков, текинцы намерены были упорно оборонять. Из Келете войска двинулись тремя колоннами; наша колонна выступала последней, в 8 часов утра. Первые две колонны беспрепятственно подошли к Егян-батыр-кала; селения никто не защищал, и оно было немедленно занято. Но наша колонна, в 2-х верстах от Егяна, была встречена небольшой неприятельской партией, засевшей в небольших калах, под названием Кары-карыза. Подполковник Гайдаров выслал в цепь полусотню казаков и нашу 15-ю роту, огонь которых заставил текинцев отступить. Появление русских войск вблизи Геок-тепе произвело в крепости большую тревогу. Вскоре обширная равнина между Егян-батыр-кала и Геок-тепе покрылась массой всадников, окруживших занятое нами селение. В особенности неприятель массировался у довольно большого кургана, стоявшего недалеко от гор. Цепь стрелков, высланная от 14-й роты, продвинувшись несколько вперед, заставила текинцев отступить. Впрочем, стрельба не прекратилась до самого вечера, когда текинцы удалились в крепость. На ночь приняты были все меры предосторожности, на случай нападения неприятеля. Всю баранту загнали в калу, стоящую посреди селения, по сторонам которого расположились пехота, кавалерия и орудия.

Наконец-то мы уже недалеко от этого таинственного Геок-тепе, о котором ходило там много различных, по большей части сказочных, рассказов. Утром 1 декабря текинские наездники опять выехали из крепости, но близко к нашему расположению не подъезжали, опасаясь огня артиллерии. Войска приводили

селение в оборонительное положение; устраивался лазарет. На другой день пришла 2-я колонна[29], после чего генерал Скобелев нашел возможным произвести рекогносцировку Геок-тепе с целью дополнить сведения о крепости, добытые в рекогносцировку 6 июля; она назначалась на 4 декабря. Вечером 3-го числа в наш батальон доставлена была следующая диспозиция:

“Завтра, 4-го декабря, предполагается произвести движение по направлению к крепости Геок-тепе отрядом под личным моим начальством, в составе:

4-го батальона Апшеронского полка (под командой подполковника князя Магалова), 1-го батальона Ширванского полка, роты 2-го кавказского саперного батальона, команды охотников (подпоручика Воропанова), полубатареи 4-й батареи 20-й артиллерийской бригады, подвижной № 3 батареи, морской батареи, 1 сотни Оренбургского № 5 полка и 1 сотни Таманского полка.

Начальником артиллерии назначается подполковник Бобриков.

Отряд должен быть готов к 5 часам утра: выстроен в резервном порядке перед лагерем главных сил.

Цель действий – рекогносцировка западного фронта крепости Геок-тепе.

При сближении с противником отряд перестраивается в боевой порядок, имея на правом фланге 1-й батальон Ширванского полка и 2 орудия морской батареи, под начальством подполковника Гогоберидзе. На левом же фланге – 4-й батальон Апшеронского полка и 2 орудия морской батареи, под начальством подполковника князя Магалова. Резерв составляют: рота саперов, 3 сотни казаков и 12 орудий, в моем непосредственном распоряжении.

Раненых относить к резерву, где устраивается подвижной перевязочный пункт.

Я буду находиться при резерве, куда направлять донесения.

На случай убыли меня из строя, отряд вверяется исправляющему должность начальника штаба полковнику Иванову; прочих начальников частей замещают старшие по них офицеры.

По окончании рекогносцировки отряд отходит к Самурскому укреплению (так названо Егян-батыр-кала). Подписано: "Генерал-адъютант Скобелев"”.

В половине пятого в укреплении все зашевелилось; было еще совсем темно; солдаты разобрали ружья и тихо выстроились поротно. Князь Магалов вывел батальон из укрепления и построил его фронтом к крепости Геок-тепе. Через полчаса отряд

уж весь собрался. Сзади Апшеронского батальона выстроились орудия. Вдруг все смолкло; раздалась команда “смирно!” – то подъезжал Скобелев, окруженный свитой и имевший с собой белый значок. Поздоровавшись с войсками, генерал приказал двигаться. Порядок движения был следующий: впереди шли охотники, на правом фланге – саперная рота, рядом с ней – батальон Ширванского полка, левее – наш батальон, а на левом фланге – казаки. При колонне находился гелиографный станок для сообщений с Егян-батыр-калой. Пройдя 8 верст по направлению к сел. Янги-кала, генерал Скобелев сделал привал, продолжавшийся около часа, и затем войска вновь двинулись вперед. Утро было ясное и тихое. С каждым шагом вперед вдали все яснее и яснее обрисовывались серые контуры Геок-тепе; стены крепости усеяны были народом; от времени до времени из Геок-тепе выходили массы пеших текинцев и спешили к Янги-кала. Вот с нашей стороны раздался первый выстрел из орудия – и вскоре загремела ружейная перестрелка. Со стен крепости на огонь нашей артиллерии отвечали выстрелами из единственного имевшегося у текинцев орудия. Скобелев выехал со свитой на впереди лежащий холм и стал обозревать крепость. Неприятель узнал нашего генерала и стал массироваться против кургана, осыпая его пулями из берданок, доставшихся текинцам в 1879 году. Тогда Михаил Димитриевич приказал рассыпать впереди кургана цепь от Апшеронского батальона; князь Магалов выслал меня с полуротой. Рассыпав стрелков, я выдвинул их саженей на 200 вперед и открыл огонь. В таком положении оставался отряд до часа пополудни, когда отдано было приказание собрать цепи, ибо отряду надлежало двинуться к западному фасу крепости. Как только войска наши тронулись, то большая часть текинцев, занимавших Янги-кала, стала наседать на арьергард, а остальные бросились в крепость. Выстроив отряд вдоль западной стены, генерал Скобелев приказал орудиям сняться с передков и открыть по Геок-тепе огонь гранатами. В то же время батальон Ширванцев дал по внутренности крепости (навесным огнем) два залпа с расстояния 3000 шагов. Не успели наши орудия еще взять прицел, как стены Геок-тепе, до того времени усыпанные текинцами в разноцветных халатах, моментально опустели. На огонь нашей артиллерии текинцы отвечали выстрелами из своего орудия, но ядра неприятельские никакого вреда войскам не причинили: они большей частью перелетали через отряд, и только одно из них упало шагах в 10-ти от нашего батальона. Уже начало смеркаться, когда артиллерия прекратила огонь и отряд направился к Егян-батыр-кала. Текинцы, державшиеся на почтительном от нас расстоянии, стали постепенно приближаться и вскоре окружили

нас со всех сторон. Из Геок-тепе выходила пехота, которую конные текинцы сажали на крупы лошадей, подвозили на близкий ружейный выстрел к отступавшим войскам и здесь сбрасывали. Отряд двигался вдоль песков, имевших много холмов, вполне благоприятствовавших неприятелю. Отступление совершалось под прикрытием цепей: пешей – от команды охотников и конной – от казачьих сотен. Апшеронский и Ширванский батальоны шли в ротных колоннах.

Не могу не умомянуть о довольно забавном случае с нашим доктором. Он приехал в батальон незадолго до выступления нашего из Бами. Раньше он был вольнопрактикующим врачом в одном из городов Западного края и ради большого жалованья решился поступить на время экспедиции военным врачом в одну из частей отряда. Судьба предназначила его именно в Апшеронский батальон. Это был типичнейший жидок (по фамилии Троцкий). Скупость его выше всякого описания: он, например, не обедал с офицерами, а ел солдатский суп из чечевицы и солдатские консервы, или, как нижние чины окрестили их – “концерки”; лошади не имел, а купил себе за четыре рубля осла, на котором торжественно восседал. По обязанности службы Троцкий во время рекогносцировки находился при батальоне. Пока мы двигались к Геок-тепе, Троцкий кое-как сохранял присутствие духа; но оно совсем покинуло бедного эскулапа, когда отряд начал отступать. Постоянный визг пуль приводил его в нервный трепет, и, боясь быть убитым, доктор прятался между солдатами батальона. Как назло, пули больше всего падали около той роты, в которую скрывался Троцкий, заставляя его перебегать в другую роту. Как теперь помню, после нескольких странствований по двум ротам, он попал, наконец, и в 15-ю роту, вбежал в ряды ее и, путаясь между солдатами, положительно расстраивал строй, что заставило командира роты поручика Бениславского попросить эскулапа оставить его роту в покое.

11 декабря Скобелеву дали знать, что в Геок-тепе заметно большое движение и много текинцев с семействами уходят в пески. Желая лично удостовериться, насколько эти слухи справедливы, командующий войсками сформировал колонну из 6 рот пехоты и 1 сотни кавалерии, при 6 орудиях, и выступил с ней в 3 часа пополудни к Геок-тепе. Но наступление вечера не позволило добыть каких-либо точных сведений; поэтому войска, после незначительной перестрелки, возвратились в Самурское (Егян-батыр-кала). На другой день решено было повторить рекогносцировку. Отряд в составе: 3-х рот пехоты (одна Самурского и две Ширванского батальонов), команды охотников,

сводной сотни казаков, 3-х орудий и 2-х картечниц, при 2-х конных гелиографных станках – выступил к Геок-тепе двумя отделениями: первое – из кавалерии и одного орудия – двинулось в 12 часов пополудни, а второе – из пехоты и остальной артиллерии – через полчаса. Генерал Скобелев отправился с кавалерией. Через часа два до нашего слуха донеслись частые пушечные выстрелы, а вслед за тем Скобелев по гелиографу приказал подполковнику Гогоберидзе – с тремя ротами, двумя картечницами и частью казаков спешить на соединение с рекогносцировочным отрядом. Я также попросил разрешение отправиться с этой колонной и был прикомандирован к 4-й роте Ширванского полка. Мы не шли, а просто бежали на выручку нашего генерала и товарищей. Неизвестность была весьма мучительная, и, Бог знает, чего мы не передумали за какой-нибудь час. Наконец, вдали показалась колонна Скобелева, окруженная со всех сторон массами пеших и конных текинцев. Вскоре мы соединились с отступавшими частями, пропустили их и своими цепями стали прикрывать отступление. Меня с полуротой ширванцев Скобелев послал к стороне песков. “Стреляйте реже, поменьше залпов, – сказал мне генерал. – Покажем этим поганцам, что мы можем отступать без выстрела, презирая их огонь!” Сменив полуроту Самурцев, я рассыпал своих солдат в цепь. Ни до того, ни после мне не приходилось видеть такой назойливости и такого неутомимого преследования со стороны текинцев. Пользуясь выгодами холмистой местности со стороны песков, они положительно не отставали от нас и осыпали пулями с расстояния 500–600 шагов. Когда главные силы отошли шагов на 400 от цепи, последняя начала постепенно отступать. Отряд в это время вошел в котловину и на время скрылся из виду. Не успела моя цепь пройти и двухсот шагов, как конная партия текинцев, человек в 300, бросилась к только что оставленному мной холму, с целью занять его и отсюда, с самого близкого расстояния, поражать наши войска. Я немедленно собрал полуроту и сделал по партии два залпа, заставившие текинцев рассеяться. Неприятель преследовал нас почти до самого укрепления. Потеря отряда, несмотря на энергичное преследование со стороны текинцев, была совсем ничтожна: она заключалась в 1 убитом и 3-х раненых нижних чинах; лошадей убито 3 и ранено 7. Такую незначительную убыль можно объяснить только темнотой во время преследования и несовершенством вооружения нашего противника.

У части текинцев имелись двухствольные ружья нашего тульского изделия или старинные фальконеты; человек 700 вооружены были бердановскими ружьями, громадное же

большинство имело только пики и шашки. О числе защитников Геок-тепе ходили самые разнообразные слухи: одни говорили, что в крепости собралось до 60 тысяч населения, из коих 40 000 способных к бою; по другим известиям, число текинцев не превышало 50 000, из них способных к бою текинцев вместе с прибывшими в крепость мервцами – 30 000 человек (в том числе около 10 000 конницы); последнее известие, как оказалось впоследствии, было достовернее. Во всяком случае, нам приходилось иметь дело с противником, который хотя и был плохо вооружен, но зато численность его превосходила нашу в пять раз. Притом же текинцы сидели за стенами крепости, а присутствие в ней их жен и детей удвояло решимость и храбрость неприятеля.

Около 7 часов утра 20 декабря все поименованные выше части войск выстроились покоем вне укрепления. В середине стоял аналой с Евангелием. Начался молебен; продолжался он, насколько мне помнится, что-то очень недолго, ибо торопились с выступлением. После молебна наш генерал объехал все части и поздравил их с наступающим боем. Колонна Куропаткина выступила первой и направилась вдоль гор к ручью Секиз-яб, протекавшему вблизи Янги-кала. Через минут двадцать тронулись и мы. Еще впервые к Геок-тепе подступало такое значительное количество русских войск. Как только войска тронулись, в Геок-тепе появился клуб дыма и раздался выстрел, возвещавший о наступлении русских. Перестрелка началась в колонне Куропаткина, которая уже вступила в дело. Вскоре от главных сил отделилась колонна Козелкова и направилась к северной части Янги-кала. Текинцев собралось в кишлаке довольно значительное количество; день был ясный, и нам, даже с расстояния двух с лишним верст, видны были значительные массы неприятеля, переходящие от одной части селения к другой. Вот, наконец, раздались и орудийные выстрелы. Неприятель вел с передовыми цепями оживленную перестрелку. Обстреляв селение огнем артиллерии с нескольких позиций, Скобелев приказал двинуться на штурм. Войска с музыкой пошли вперед; но текинцы не дождались атаки: угрожаемые с другой стороны обходом (колонны Козелкова), они поспешно очистили Янги-кала и отступили к Геок-тепе. Кавалерия наша преследовала отступавшую неприятельскую пехоту и, врезавшись в одну толпу, изрубила до 40 текинцев. Вслед затем была занята отдельно стоявшая кала, названная “Опорной”. В три часа все было кончено – и Янги-кала находилась в наших руках. Когда Апшеронский батальон подошел к ручью Секиз-яб, то через него уже устраивался мост для провоза орудий, тяжестей и для прохода

пехоты. Отсюда я уже мог рассмотреть в подробности, что это за кишлак Янги-кала. Это было довольно большое селение, расположенное на правом берегу Секиз-яба, приблизительно на расстоянии 2-х верст от Геок-тепе; оно состоит из множества небольших глиняных построек, разбросанных отдельными группами на полях; последние разделены были невысокими глиняными стенками. На северном фронте селения стояли две большие калы, одна из них названа “Опорной”, а другая – “Кавалерийской”. К вечеру наш батальон переправился через Секиз-яб и расположился поротно в нескольких небольших калах.

Начальник рекогносцировочного отряда генерал-майор Петрусевич выступил ночью к Правофланговой кале; с ним была вся кавалерия и конно-горный взвод. В 7 часов утра Петрусевич двинулся к саду. У слияния двух рукавов Секиз-яба находится довольно большая площадь, обнесенная глиняной стенкой в рост человека; внутри этой площади, как редут, стояла кала, высота стен которой достигала 2-х сажен. К южной стороне укрепления примыкало несколько небольших садиков. Защитников в названных укреплениях было около 400 человек под предводительством Куль-Батыра. Когда кавалерия приблизилась к садам на близкий ружейный выстрел, то текинцы произвели залп, которым убито несколько человек казаков и драгун. Вслед затем кавалерия ворвалась в первое укрепление, но успешно действовать в нем не могла, ибо первый двор был разделен целой сетью глиняных стенок. В числе первых убит был генерал-майор Петрусевич. Смерть Петрусевича на время смутила драгун; но вслед затем опять закипел ожесточенный бой, и один дворик за другим переходил в наши руки, а текинцы искали спасения в задних дворах и в высокой кале. Вдруг последовал сигнал «отбой», поданный полковником Арцышевским, оставшимся старшим после смерти Петрусевича. Кавалерия очистила сады и отступила сначала к Ольгинской кале, а потом к Правофланговой. Это была первая серьезная неудача в экспедиции и стоила она отряду довольно дорого. Убиты были: генерал-майор Петрусевич, подполковник Булыгин и есаул Иванов, нижних чинов – 12; ранены: 1 обер-офицер и 37 нижних чинов. Лошадей убито 9.

Таким образом, попытка генерала Скобелева держать Геок-тепе в блокаде не удалась, да и не могла быть удачной, ибо для такой серьезной задачи он имел слишком недостаточное количество войск.

27 декабря, перед вечером, после отдыха в лагере, наш батальон, кроме 13-й роты, которая осталась в лагере, вновь собрался в траншее. На этот раз князь Магалов почему-то счел нужным взять в траншеи и батальонное знамя. До того времени

знамя не бралось, да и ни один батальон не носил его в траншеи, а оставлял его в лагере. Мы, офицеры, сказали о том батальонеру, но, к несчастью, он не обратил внимания на наши слова, и знамя понесли. В эту ночь предполагалась закладка 2-й параллели и устройство к ней ходов сообщения. Как всегда, работы производились ночью, во избежание больших потерь. Утром 28 декабря новая траншея с небольшим ровиком была настолько глубока, что могла служить надежной защитой от неприятельских пуль. День прошел спокойно; большая часть солдат, утомленных бессонной ночью и тяжелыми работами, спала; те из офицеров, которые не спали, расположились группами в траншеях. Во второй параллели находились 15 и 16-я роты, причем взвод последней составлял прикрытие мортирной батареи, устроенной на правой оконечности параллели; 14-я рота занимала редут № 2, вооруженный 9-фунтовым орудием; здесь же было и батальонное знамя. Наступил вечер. В 6 часов нас должны были сменить ширванцы; но на этот раз они почему-то запоздали. Роты 4-го батальона были не военного состава, и, за исключением больных и оставшихся в лагере людей, численность каждой из них не превышала 75–80 человек; следовательно, в 3-х ротах, занимавших 2-ю параллель и редут № 2, было около 230 человек. 1-ю параллель и осадную № 1-й батарею занимали две роты туркестанского батальона. Уже стало темнеть, когда инженерные офицеры с солдатами саперной роты вышли для разбивки следующих осадных траншей. Солдаты наши убрали свои котелки и спокойно стояли в траншеях в ожидании смены. Вдруг часовые обратили наше внимание на какую-то неясную массу, подвигавшуюся от крепости. Спустилась сильная мгла, так что рассмотреть, что это такое, положительно нельзя было. Тем не менее, роты зарядили ружья и на всякий случай стояли в полной готовности. Прошло еще несколько мгновений; неясная масса стала обозначаться рельефнее: не было сомнения, что это текинцы. Последовала команда – и грянул залп. В тот момент, когда роты готовились произвести второй залп, смотрю, бегут к нам саперы (во главе их – поручик Черняк) и кричат: “Что вы делаете, вы по своим стреляете!” Этот возглас привел нас в полное смущение: значит, произошла какая-то нелепая ошибка и залп был произведен по своим же. Однако размышления были очень непродолжительны. Почти вслед за саперами появились текинцы, и раздался громкий крик их “ур!”, “ур!” Над нашими головами выросли целые тучи полуобнаженныхтекинцев с шашками в руках. Все это произошло так быстро, что, как мне помнится, между первым залпом и неожиданным появлением текинцев прошло не более полминуты. Положение 15 и 16-й рот,

принявших на себя первый удар неприятеля, было далеко не выгодное: они стояли в траншеях, глубиной около двух аршин, между тем как неприятель толпился над головами солдат.

Натиск противника был в высшей степени стремителен.

Взвод 16-й роты, стоявшей в мортирной батарее, был изрублен до одного человека; из другого взвода этой же роты, расположенного ближе к мортирной батарее, уцелела едва половина. 15-я рота страшным порывом массы неприятеля разбита была на две неравные части: одна из них – большая (с командиром роты) – оттеснена влево, а другая – меньшая – осталась в траншее. Первое, что пришло нам в голову, это поскорее выскочить из узкой траншеи, ибо в ней мы могли все погибнуть, не будучи в состоянии даже драться. На открытом поле бой сделался еще ожесточеннее. Солдаты ясно сознавали, что у такого врага пощады нет, поэтому дрались на сколько сил хватало, дорого продавая свою жизнь. Однако борьба была неравная: враги превосходили нас численностью почти в 20 раз. Солдаты разбились на отдельные кучки и штыками отбивались от многочисленного неприятеля; но все усилия храбрецов были напрасны, и они погибали под ударами шашек. Сбив две передовые роты, неприятель устремился на редут. Залп 14-й роты не остановил натиска, и мгновенно редут наполнился толпами остервенелых фанатиков. Завязалась борьба насмерть; к нападавшим прибывали свежие силы, а ряды защитников редута редели. В первый момент схватки убили князя Магалова, после него пал ротный командир поручик Чикарев, за ним – подпоручик Готто. Знаменщик унтер-офицер Захаров, получив более 10 ран, падает и передает знамя ближайшему солдату, но и тот сейчас же погибает под ударами шашек. Остаток роты, всего около 30 человек, вытесненный из редута и окруженный со всех сторон текинцами, отступает по полю. Вскоре вся эта масса приблизилась к редуту № 1, откуда раздался залп туркестанской роты. Но, заметив в толпе дерущихся наших солдат, командир роты находится в нерешительности, продолжать ли стрельбу. Тогда из толпы раздаются громкие голоса: “Стреляйте, братцы, стреляйте, нас тут мало – все больше текинцы”. Последовало еще несколько залпов, жертвами которых делаются текинцы и герои-апшеронцы. Здесь нападение было отбито, хотя текинцы доходили до редута, и некоторые из них были убиты около самого орудия.

Как только я выбрался из передовой траншеи, около меня сгруппировалось человек 12 солдат 15-й и 16-й рот. На нас бросилась было одна толпа, но ружейный огонь остановил ее, и я со своей маленькой командой добрался до колена, образуемого

соединительным ходом между 2-й параллелью и редутом № 2. Я положительно не знал, куда мне идти: вперед двигаться, где виднелись толпы текинцев, уже начавших грабить убитых, не имело смысла; увидя, как мала моя команда, они, наверное, задавили бы ее своей численностью; отступить к 1-й параллели – невозможно было, ибо там сосредоточилась теперь вся масса текинцев. О движении в лагерь не могло быть и речи. Мое недоумение разрешил бывший со мной унтер-офицер Ткачев, посоветовав мне остаться на месте. “Все равно, – говорил Ткачев, – их погонят назад, и тогда, ваше благородие, мы их примем здесь”. Вскоре моя команда увеличилась еще несколькими человеками от разных рот. Я никогда не забуду картины ночного боя 28 декабря: она была поразительна. С целью поддержать вылазку, текинцы открыли со стен сильнейший ружейный огонь, и вся крепость была как бы опоясана широким огненным кольцом. Наш лагерь тоже горел: 60 орудий открыли огонь по крепости. Все поле битвы искрилось частыми ружейными огоньками. Треск ружей, выстрелы из орудий, гром от разрывавшихся снарядов, крики текинцев и, по временам, наше «ура» – все это слилось вместе, и в воздухе стоял какой-то невообразимый гул. Прошло минуты три; позади начали раздаваться правильные выдержанные залпы – значит, неприятель отступал; и, действительно, он не замедлил появиться около нас. Сначала показались одиночные бежавшие текинцы, а затем они повалили беспорядочными толпами. Текинцы, как и вообще все среднеазиатские народы, решительны только в первые моменты боя: если они сопровождаются успехом, тогда храбрость их проявляется в полном блеске; но достаточно малейшей неудачи – и решимость у азиатов исчезает безвозвратно: они начинают бежать и уже никакая сила их не остановит. Теперь те же текинцы, которые так стремительно рвались вперед, неудержимо пробегали мимо меня в 20 шагах, объятые каким-то паническим страхом. Солдаты мои не замедлили воспользоваться случаем и посылали в толпу неприятеля залп за залпом. Через несколько минут стала подходить какая-то часть – то полковник Куропаткин вел нашу 16-ю роту. От товарищей своих я узнал печальные вести: знамя наше взято, Магалов, Чикарев и Готто убиты, а почти вся 14-я рота вырезана. Вслед затем прибыл Скобелев с начальником штаба полковником Гродековым и со свитой. “Где вы были?” – обратился ко мне генерал; я ответил, что оставался на том месте, где он меня застал. “Отчего же вы не убиты?” – спросил Михаил Димитриевич. Я видел хорошо, что генерал наш сердит; тем не менее, вопрос его меня удивил и отчасти взволновал. “Ваше превосходительство, – ответил я, – место, на

котором вы изволили застать меня с командой, именно такое, где убивали; если я остался жив, то во всяком случае это не моя вина".

Генерал не возразил на это ни слова, а приказал мне подробно описать ему ход боя. Я начал рассказывать, что знал, и передал известия о потере знамени и смерти офицеров. "Вот это плохо, что знамя потеряно", – сказал Скобелев, – отправляйтесь сейчас с несколькими человеками, осмотрите все канавы и окрестную местность, быть может, знамя не взято текинцами и где-нибудь лежит".

Бывший здесь командир туркестанской роты доложил генералу о том, как наши солдаты, замешанные в толпе текинцев, кричали, чтобы по ним продолжали стрелять. Тогда Михаил Димитриевич обратился к подошедшей в это время 14-й роте, в которой осталось только 17 человек, поблагодарил ее за доблесть и поздравил оставшегося в живых фельдфебеля Острелина Георгиевским кавалером. К несчастью, самые тщательные поиски знамени оказались тщетны: я обшарил все канавы и ручьи, доходил до стен крепости и все-таки знамени не нашел. Как оказалось впоследствии, текинцы унесли его с собой в крепость.

Вылазка 28 декабря стоила нам очень дорого: убиты 6 штабси обер-офицеров и 91 нижний чин; ранены 1 обер-офицер и 30 нижних чинов. Собственно, 3 роты апшеронцев потеряли убитыми: командира батальона, подполковника князя Магалова, поручика Чикарева, подпоручика Готто и батальонного врача Троцкого, нижних чинов – 74; ранено 28 нижних чинов. Кроме того, текинцы захватили одно горное оружие и два зарядных ящика.

Главная причина постигшей апшеронцев катастрофы заключалась в полной нераспорядительности траншей-майора Богаевского, который, когда уже смеркалось, не озаботился выслать охранительную цепь; не было впереди ни одного секрета – это факт, не подлежащий сомнению и оспариванию, о чем я докладывал генералу Скобелеву в присутствии его начальника штаба полковника Гродекова (ныне генерал-майор).

Вторая причина – малочисленность трех рот, занимавших линию обороны почти в 800 шагов длины. Траншеи еще не были вполне окончены, не имели ступенек, и мы сидели в ямах, откуда выскочить не так легко было. Текинцы рубили солдат сверху.

Третья причина – это смущение в ротах, когда бежавшие саперы начали кричать: "Что вы по своим стреляете!" Успей роты произвести второй и третий залп – дело могло принять совсем другой оборот, и апшеронцев не постигла бы такая неудача.

Ночь батальон провел в траншеях, а на другой день

отправился в лагерь. Положение наше было самое тяжелое. Потеря знамени угнетала офицеров и солдат нравственно: мы не могли смотреть друг другу в глаза, хотя, собственно говоря, укор апшеронцам в этом был бы несправедливым, ибо за честь знамени они отдали свою жизнь, то есть то, что дороже всего для человека, больше жизни отдавать было нечего: около знамени лег командир батальона и почти вся рота с ее офицерами. Неужели этого недостаточно для оправдания батальона, который всегда ревниво оберегал славу и честь полка?

На другой день генерал Скобелев, желая показать текинцам, что их временный успех не может повлиять на общий ход осады, приказал полковнику Куропаткину овладеть несколькими калами, именуемыми Великокняжескими. Здесь было три больших калы, которые впоследствии названы: Главной, Охотничьей и Туркестанской. Главная кала, расположенная у Великокняжеского ручья, находилась от крепости в 300 шагах, остальные две – в 150 шагах. Калы были заняты с боя, причем мы потеряли: 1 обер-офицера и 14 нижних чинов убитыми; ранены: 1 штабс-офицер, 3 обер-офицера и 34 нижних чина. Войска Куропаткина расположились в калах.

Того же числа лагерь отряда перенесен на 280 сажен ближе к крепости.

Великокняжеские калы укреплены были надлежащим образом, и в стенах пробиты бойницы.

Ночью 30 декабря текинцы вновь произвели вылазку; на этот раз целью их нападения явились левый фланг осадных работ и левый фланг лагеря. Как и 28-го числа, нападение неприятеля отличалось большой стремительностью, и в первые моменты боя они вытеснили нас из передовых траншей роты. Хотя подоспевший резерв и отбил вылазку, тем не менее текинцы успели захватить одно орудие.

Левый фланг лагеря охранялся 3-м батальоном Апшеронского полка. Когда завязался в траншеях бой, то одновременно массы пеших и конных текинцев бросились на лагерь. Роты стояли в полной готовности встретить противника; подпустив его на близкое расстояние, подполковник Попов произвел один залп и, не дав опомниться текинцам, – второй залп, после чего роты бросились в штыки. Но неприятель, потеряв много убитых и раненых от ружейного огня, обратился в полное бегство.

Одновременно с нападением на траншеи и лагерь, текинцы пытались овладеть правофланговой калой, но были отбиты. В этот день отряд потерял: 1 обер-офицера и 52 нижних чина убитыми, 2 обер-офицера и 96 нижних чинов ранеными.

С 30 декабря наш батальон бессменно находился в траншеях.

Без сна и без пищи мы проводили уже 4-й день. Полоскание желудков чаем производилось по нескольку раз в день, питались одними сухарями, а о горячей пище забыли уже и думать.

Нервы находились в самом напряженном состоянии; с завистью поглядывал я на каждого раненого, уносимого в лагерь, и не раз мысленно желал быть раненым, чтобы хоть на время успокоиться. У меня был товарищ, офицер кавказской гренадерской артиллерийской бригады, князь Херхеулидзе; он не раз выражал желание, чтобы его ранили в руку. Наконец, судьба сжалилась над ним: его действительно ранили в руку, навылет, в мягкие части; но несчастный от этой пустой, в сущности, раны и умер. Новый год я с 14-й ротой встречал на мортирной батарее. Было уже 11 часов; утомленный донельзя бессонными ночами, я прикорнул около одной из мортир. Около 12 часов меня разбудил начальник артиллерии правого фланга полковник Гейнс: “Вставайте, сейчас будем новый год встречать”. Мортиры были заряжены, и, когда стрелка часов показала 12, из мортир раздался залп по крепости. Одновременно такие залпы раздались из лагеря и из всех осадных батарей. Снаряды с мортирной батареи полетели в крепость. Высоко в воздух взвился целый сноп ядер; затем они, светясь точно звезды, со своим характерным звуком, стали опускаться над Геок-тепе, ускоряя падение с приближением к земле. Вот они скрылись за стенами. Прошло несколько мгновений; раздалось несколько оглушительных взрывов – и опять все стихло. На батарее была приготовлена закуска: стояла бутылка спирта, солдатские сухари и несколько кусочков холодного мяса. Каждый из нас выпил, закусил куском мяса с сухарем – и тем закончилась встреча нового года. Что-то он нам принесет, этот новый год? Хоть бы уж скорее штурм и покончить с этой проклятой крепостью.

Между тем, осадные работы подвигались довольно успешно, и 31 декабря из Великокняжеской калы начались минные работы с целью взорвать часть стены восточного фаса. Минными работами заведовал сначала подполковник Яблочков, а когда его ранили, то капитан Маслов.

Ввиду того, что мину вести стали очень далеко от стены, решили бросить начатые работы и овладеть небольшим загоном и плотиной вблизи самого рва, после чего начать новую мину.

Назначенные с этой целью 3 роты (в том числе 11-я рота апшеронцев под командой поручика Коркашвили) и команда охотников подпоручика Воропанова, в ночь на 4 января двинулись для занятия загона, что и было исполнено без всяких препятствий со стороны текинцев. Вслед затем отвели от плотины воду в старое русло. Загон насколько возможно укрепили,

обложили земляными мешками и заняли одной ротой. Ночное дело стоило нам 2-х убитых нижних чинов и раненых – 1 обер-офицера и 14 нижних чинов.

На другой день, 4 января, часов в 8 вечера, текинцы произвели третью вылазку, и опять на левый фланг. Но о предполагаемой вылазке заранее было уже известно, и были приняты все меры к отпору. Войска были выведены из траншей и расставлены перед рвами. Текинцы одновременно бросились на левый фланг, на занятый накануне редут у Великокняжеской калы и на Ольгинскую калу (левее Правофланговой). Неприятель был везде отбит с огромной потерей.

В помощь гарнизону Ольгинской калы, командовавший войсками правого фланга полковник Навроцкий послал нашу 14-ю роту. Когда рота подходила к кале, то неприятель уже отступал, и нам оставалось только послать ему вдогонку несколь ко залпов[30].

Тем не менее, и на этот раз осадные войска понесли большие потери: убиты 1 обер-офицер и 10 нижних чинов; ранены 3 обер-офицера и 54 нижних чина; контужено 11 нижних чинов. Захвачен у нас один ракетный станок. Работы у Великокняжеской калы продолжались с большой энергией. Загон, где был устроен редут, совершенно укреплен; около него устроена овальная траншея и начаты две перекидные сапы; к 6 января они подвинулись на 8 сажен вперед и между ними устроили глубокий соединительный ход.

Перед вечером 6 января батальон наш занимал редут № 1. С нами находился вновь назначенный командир батальона войсковой старшина флигель-адъютант граф Орлов-Денисов. Около 4 часов вечера небо заволокло темными, свинцовыми тучами, и вскоре разразился такой ураган, какого я еще в жизни никогда не видел. Солдат буквально засыпало тучами песка и мелкого камня. В двух шагах впереди ничего нельзя было видеть; нос, глаза и рот были полны песка. Все мы ожидали, что неприятель непременно воспользуется случаем и произведет вылазку. Но, к счастью, текинцы также ожидали нападения и не оставляли крепости. Через час буря стихла, выглянула из-за туч луна, и все мы вздохнули с облегченным сердцем.

7 января у нас было удивительное зрелище. В этот день Скобелев предложил текинцам перемирие для уборки неприятельских тел. Трупы текинцев, после вылазки 4 января, валялись повсюду около наших траншей, уже начали разлагаться и производили зловоние. Текинцы согласились на перемирие, и около часу дня перестрелка прекратилась. Стены Геок-тепе покрылись массами текинцев в разноцветных халатах; солдаты

также повылезли из траншей. Генерал Скобелев находился в 3-й параллели и в бинокль рассматривал крепость и толпившихся на стенах ее текинцев. Между ними ясно можно было заметить даже невооруженным глазом одного пожилого текинца, по-видимому, почетного человека, который расхаживал по стене и кричал своим собратьям: “Смерть тому, кто выстрелит”. И за это время, действительно, не раздалось не только ни одного выстрела, но даже ругательного возгласа по адресу русских.

В то время как происходила уборка тел (хотя для этой цели вышло очень мало народу, ибо неприятель опасался с нашей стороны измены), Скобелев предложил текинцам сдаться, но получил отказ. “Ну так выведите из крепости ваших жен и детей, чтобы они не погибли”, – сказал генерал. “Не ваше дело; наши жены и дети спрятаны; да, вы дойдете к ним только через наши тела”, – отвечали храбрые защитники. Потом текинцы начали кричать со стен, чтобы мы спрятались, так как они начнут стрелять. Когда все солдаты скрылись в траншеи, а стены крепости опустели, то спустя час после начала перемирия, раздался первый выстрел текинцев и опять началась перестрелка.

Вообще поведение нашего неприятеля во время перемирия заслуживает полного уважения, принимая во внимание, что это народ полудикий, ведущий и понимающий войну по-своему.

В то время как к юго-восточному фасу стены велась мина, все усилия артиллерии левого фланга направлялись к тому, чтобы пробить снарядами брешь в южной стене. Но толстая глиняная стена мало поддавалась усилиям артиллерии, да и повреждения текинцы сейчас же заделывали верхами от кибиток. Желая помочь артиллерии, начальник отряда решил расширить брешь посредством пироксилинового взрыва. В 7 часов вечера 7 января меня и гардемарина Майера потребовали в кибитку Скобелева. “Я вас посылаю, – сказал нам генерал, – сделать взрыв в стене; дойдите до "подковы"[31], отсюда спуститесь в ров и произведите взрыв, а теперь отправляйтесь к начальнику штаба за подробными указаниями”. Мы поклонились и вышли из кибитки. Полковник Гродеков на карте показал нам, где “подкова”, приказал делать все в величайшей тишине и в случае если текинцы заметят нас, то, не открывая своего намерения, без стрельбы отступить. В качестве переводчика дали армянина Тервартанова.

В 8 часов вечера гардемарин Майер с матросами, гальванической батареей и двумя пудами пироксилина, а я с 40 апшеронцами вышли из 3-й параллели и поползли к стене. Ночь была холодная, очень темная, и, вдобавок, моросило. Мы без шума приблизились к крепости, стены которой едва заметными темными линиями обозначались впереди. По дороге попадалось

множество убитых текинцев, которых неприятель не убрал. До подковы, судя по карте, было не более 150 шагов, а между тем мы ползли уже минут 10, и этой траншеи еще не видно было. Остановились, чтобы осмотреться, и увидели, что направляемся к юго-западному углу крепости. Повернули назад и уже ползли вдоль рва, шагах в 15 от него. На стенах слышался разговор, и видно было, как караульные курили кальян. Вот, наконец, и желанная подкова. Но в то время, как Майер собирался уже переходить ров, Тервартанов сообщил, что голоса текинцев раздаются снова во рву, и они собираются на вылазку. Я и теперь не могу сказать наверное: правду ли говорил переводчик, или он, струсив, соврал нам. Последнее мне кажется вернее, ибо в эту ночь текинцы никакой вылазки не делали. Однако, имея в виду точное приказание полковника Гродекова, мы решились отступить, не желая быть открыты неприятелем. Скобелев ожидал нас в траншее. Узнав, в чем дело, он рассердился на нас и на переводчика: “Переводчик, наверное, вам соврал. А вы, мальчишки, поверили ему. Хотя бы, наконец, сделали по стене залп, чтобы показать текинцам вашу дерзость”. Название “мальчишки” до такой степени нас разобидело, что едва ушел генерал, как мы вновь вышли из траншеи и опять поползли к стене. Не успели мы сделать и 40 шагов, как слышим позади зовущие нас голоса: то был с казаками полковник князь Эристов, посланный Скобелевым за нами. “Воротитесь, вас генерал требует”, – сказал он нам. Мы отправились. Михаил Димитриевич сидел уже в своей кибитке, за большим столом, на котором горели два канделябра.

“Вы это куда пошли, кто вам приказал? – накинулся на нас генерал. – Обидно стало, что мальчишками вас назвал? Но ведь мальчишки не значит трусы, а в трусости я вас не обвинял. Ну чего вы стоите и молчите? Да, вы оба мальчишки, обоим вам вместе, поди, и тридцати восьми лет нет; я вам в отцы гожусь”.

Видя, что наш генерал переменил тон, мы немного оправились. «В отцы не в отцы, а в дядюшки годитесь, ваше пр-во», – сказал Майер.

– А как вы думаете, сколько мне лет?

– 36 лет, ваше пр-во», – ответил я.

– Ну, положим, не 36, а целых 39.

“Однако, убирайтесь, – сказал генерал, вставая из-за стола, – и без моего приказания никуда не суйтесь”. Затем он взял нас обоих за плечи и ласково подтолкнул к двери. Мы раскланялись и вышли.

Прошло еще три дня томительного ожидания. Минные работы велись с необычайной энергией, чему много

способствовал Михаил Димитриевич, постоянно наблюдавший за работами и торопивший саперов. Ночью в крепости в последние дни наблюдалась полная тишина, даже не слышно было криков верблюдов и ослов и лая собак, как будто бы все это по ночам исчезало из Геок-тепе или уходило куда-то в недра земли.

Наш батальон по-прежнему оставался на правом фланге; прошло уже две недели со времени дела 28 декабря, а между тем как офицеры, так и все до одного солдата не могли свыкнуться с разразившимся над батальоном бедствием. “Эх, – говорили солдаты, – хотя бы уж штурм поскорее, чтобы или смерть, или возвратить знамя”. Со дня потери знамени я не слышал между солдатами ни шуток, ни смеха, ни песен: все как бы ушли в себя. Что передумал и перечувствовал каждый из них – предоставляю судить каждому. Но положение наше было далеко не завидное. Что скажут в полку, как там примут известие о потере знамени? – эти вопросы нас мучили ежечасно, ежеминутно. 10 января генерал Скобелев объявил нам, что пошлет батальон в голове штурмующих войск добывать себе знамя. Это решение любимого нами генерала принято было батальоном с величайшей радостью. “Уж постараемся заслужить”, – говорили ободрившиеся при этой вести солдаты. И все мы сознавали, что нам действительно нужно постараться и заслужить Царскую милость и кровью добыть себе знамя. 11 января капитан Маслов донес Скобелеву, что мина утром 12 января будет готова, и того же числа была отдана диспозиция к штурму. Одна из копий этой диспозиции, разосланная в части, и до сих пор у меня сохранилась; приведу выдержки из нее:

“Завтра, 12 января, имеет быть взят штурмом главный вал неприятельской крепости у юго-восточного угла ее.

Для штурма назначаются колонны:

1) Полковника Куропаткина – из 11 рот, 1 команды, 9 ракетных и 1 гелиографного станков[32].

Колонна овладевает обвалом, произведенным взрывом Великокняжеской мины, утверждается на нем прочно, укрепляется в юго-восточном углу крепости и входит в связь со второй колонной полковника Козелкова.

Сборный пункт – Великокняжеская кала, 7 часов утра.

2-я колонна полковника Козелкова, во главе которой – 4-й батальон апшеронцев, состояла из 8 рот, 2-х команд, 3-х орудий, 2-х ракетных и одного гелиографного станков[33].

Колонна овладевает артиллерийской брешью, входит в связь с первой колонной, прочно утверждается и укрепляется на бреши, в общей обоюдной зависимости с колонной полковника Куропаткина. Сборный пункт – 3-я параллель, к 7 часам утра в

передовом плацдарме.

3-я колонна подполковника Гайдарова – 4 роты, 2 команды, 1 сотня, 5 орудий, 5 ракетных и один гелиографный станок[34].

Колонна овладевает Мельничной калой и ближайшими к ней ретраншементами, с целью подготовления и обеспечения успеха второй колонны; затем усиленным ружейным и артиллерийским огнем действует по внутренности крепости, обстреливая ее продольно и в тыл неприятелю, сосредоточенному против главной атаки, и, наконец, только в зависимости от успеха главной атаки, наступает на главный вал.

Сборный пункт – Опорная кала, 7 часов утра.

Общий резерв в моем распоряжении у Ставропольского редута в 7 часов утра; 21 рота, 24 орудия и гелиографный станок[35].

Атаку начинает подполковник Гайдаров в 7 часов утра. Одновременно вся артиллерия действует по крепости. Штурму обвалов предшествует усиленная бомбардировка в течение получаса.

Атака обоих обвалов начинается одновременно, тотчас после взрыва мин у Великокняжеской позиции. Приказание взорвать мину получит от меня письменно начальник инженеров в Великокняжеской кале.

Артиллерия действует по внутренности крепости, согласно указаниям, данным мной начальнику артиллерии.

Людям иметь сухари, чай и сахар на два дня, котелки, баклажки, 120 патронов и шанцевый инструмент.

Форма одежды: мундир или сюртук, по усмотрению начальников частей.

Перевязочные пункты: 1) на Великокняжеской позиции; 2) на левом фланге 3-й параллели; 3) в Ставропольском редуте; 4) при колонне подполковника Гайдарова – сначала в Опорной, а потом в Мельничной кале; 5) у хода сообщений между 1-й и 2-й параллелью и, кроме того, 6) резервные перевязочные пункты в лагере и на Великокняжеской позиции.

Я буду находиться в начале боя в Ставропольском редуте”.

Остальные войска и орудия распределены были гарнизонами в калах. Комендантом лагеря назначался полковник Арцышевский; для охраны лагеря в нем собраны были все денщики, нестроевые команды и сотня Оренбургского (№ 5) полка.

Вечером, накануне штурма, охотники, под прикрытием 13-й роты апшеронцев, ходили взрывать пироксилиновую мину в артиллерийской бреши; хотя мина и была взорвана, тем не менее она произвела очень недостаточный обвал и почти не сделала

никакого уширения.

Вечером наш батальон перевели на левый фланг и расположили его в 3-й параллели. Ночь прошла спокойно, но мало кто спал – все думали о предстоявшем штурме, о том, придется ли кому остаться в живых. Мы отлично сознавали важность возложенной на нас задачи: ведь батальону первому придется идти на штурм, проложить, так сказать, дорогу другим, но зато самим, наверное, сильно пострадать.

Забрезжил свет и наступило серенькое утро. Солдаты зашевелились, стали приводить себя в порядок, кое-кто, на случай смерти, в коротких словах завещал пожитки товарищу. Все мы были сосредоточенны, но совершенно спокойны. Желанный штурм наступал, а что там дальше будет – об этом мало кто раздумывал. С рассветом началась обычная перестрелка; впрочем, с нашей стороны мало стреляли. Но вот громыхнуло первое орудие, за ним пошли остальные, и бомбардировка открылась. Стрельба была настолько сильна, что в воздухе от разрывающихся снарядов стоял какой-то стон. У нас у всех звенело в ушах. Весь огонь артиллерии направлен был на артиллерийскую брешь с целью возможно больше расширить ее. Несмотря на адский огонь, текинцы, стоя в самой бреши и не обращая внимания на разрывавшиеся около них снаряды, поспешно лопатами забрасывали брешь. “Сейчас начнется штурм, приготовьтесь”, – сказал нам, проходя, какой-то адъютант. Все взоры устремились к Великокняжеской кале, где взрыв должен был послужить сигналом атаки. В 11 часов 20 минут на восточном фасе крепости раздался страшный глухой удар ивту же секунду высоко над крепостью поднялся огромный столб земли. Батальон выскочил из траншеи и двинулся на штурм. Впереди шли 40 охотников из батальона под командой подпоручика Попова, за ним батальон в ротных колоннах. При 16-й роте несли штурмовые лестницы и фашины для забрасывания рва. Не успели мы пройти и сорока шагов, как первым упал прапорщик Усачев – ему пуля пробила ногу; вслед затем получил две тяжелые раны граф Орлов-Денисов; падая, он указал батальону на брешь. Не обращая внимания на постоянно падавших товарищей, апшеронцы упорно шли к стене, и, наконец, с криком “ура!” бросились на брешь. Взбираться на насыпь было очень трудно, ибо она была очень крута и все время осыпалась: солдаты то и дело скатывались назад и опять упрямо лезли вперед. В числе первых взобрался на брешь подпоручик Попов, но тотчас же сбежал вниз, держась за голову: он был ранен. Рядом со мной падает убитый наповал фельдфебель Острелин: пуля попала ему прямо в лоб. Солдаты нашего батальона на несколько минут унизали гребень бруствера

и схватились с текинцами врукопашную. Дрались чем попало: штыками, пиками, шашками, бросали друг в друга кусками глины. Во время рукопашной схватки какой-то текинец ранил в грудь пикой прапорщика Кашерининова. Но вот сзади нас крикнули “ура” – то шел в атаку 3-й батальон апшеронцев. Этот крик заставил солдат нашего батальона вскочить, и все как один человек ринулись вниз, в крепость. Первое, что представилось нам в крепости, это стоявшая у самой стены огромная кибитка, из которой текинцы производили непрерывную пальбу. Сейчас же бросились к ней, и началось расстреливание кибитки. Через минуту она была полна только трупами. Так вот она, эта крепость, подумал я. Внутри, насколько хватал глаз, стояли кучками и отдельно кибитки; вся внутренность крепости была изрыта ямами и канавами. Из каждой кибитки раздавались выстрелы. Вправо от нас по стенам и вдоль восточной стены шел ожесточенный бой колонны Куропаткина с текинцами. Наш 3-й батальон также ворвался в крепость; рядом со мной стоял раненный в руку подпоручик Дегтярев. Скобелев был уже на стене, и около него развевалось знамя 3-го батальона. “Где ваш командир батальона?”, – спросил я Дегтярева. “Кажется, он убит, или, во всяком случае, тяжело ранен”, – ответил он мне. Приняв еще на стене крепости, по приказанию нашего нового командира батальона майора Хана Нахичеванского, команду охотников, я продвинулся с ней немного вперед. Никто из нас не знал, идти ли дальше или остановиться, так как, согласно диспозиции штурма, войска уже выполнили свою задачу. Лично мое недоумение разрешил полковник Куропаткин (его колонна уже вошла в связь с нашей), приказав мне присоединиться к его колонне и двигаться внутрь крепости.

Перед нами отступали кучки текинцев; из-за каждой кибитки раздавались выстрелы, и в моей команде уже ранили 6 человек. Влево от меня двигались 10-я и 11-я роты апшеронцев, а сзади шел 4-й батальон. На стены крепости ввезли орудия и открыли из них огонь. Чем более войска углублялись в крепость, тем защита становилась все слабее и слабее. “Где же текинцы?” – спрашивал я себя. Вот уж недалеко и холм Денгли-тепе. С одной стороны на него взбиралась какая-то туркестанская рота, с другой – я с охотниками. И что за зрелище представилось нам отсюда! Все поле за крепостью, насколько мог охватить глаз, было сплошь покрыто толпами бегущих текинцев. Скобелев уже получил о том известие и немедленно отправил пехоту и кавалерию в преследование неприятеля. У самого выхода из крепости, как раз у северного фаса, находилось несколько обширных, довольно глубоких ям, которые буквально кишели женщинами и детьми.

Все они наполняли воздух отчаянными воплями. У Денгли-тепе я чуть было не отправился к праотцам. Шагах в 15 от холма сидел, поджав ноги, текинец. Когда мы взбежали на холм, он прицелился и выстрелил из ружья. Пуля пробила мне фуражку и задела наружные покровы передней части головы. Разрядив ружье, текинец преспокойно бросил его и стал ожидать смерти. Просто жаль было убивать такого молодца, но приказ Скобелева “не щадить никого” слишком ясно звучал в наших ушах, и через несколько мгновений текинец был поднят на штыки. Такой же участи, я помню, подвергся и какой-то хан, пришедший к Скобелеву с переговорами о мире, как только мы вступили в крепость.

Преследование текинцев продолжалось несколько верст за крепостью. Было уже 4 часа пополудни, когда батальон возвращался в лагерь. Здесь нас ожидала радостная весть: знамя наше найдено командой Воропанова, и первые солдаты, увидевшие и схватившие дорогую для нас святыню, были опять-таки апшеронцы. Оглушительное “ура” раздалось в батальоне, и никогда оно не было так сердечно, так искренно и так радостно. Мы обнимали друг друга; солдаты делали то же самое; у многих на глазах блестели слезы. Когда нам принесли знамя, то солдаты с восторгом толпились около него и целовали полотно и древко. Тем не менее, знамя не приказано было выносить до тех пор, пока не последует на то Высочайшей санкции, и его опять отнесли к кибитке Скобелева.

Итак, Геок-тепе пало, и, нужно откровенно сказать, совсем для нас неожиданно. Согласно диспозиции к штурму, вся задача штурмующих войск сводилась только к овладению юго-восточным фасом крепости, всю же крепость предполагалось взять на другой и даже на третий день, подвигаясь постепенно вперед. Генерал Скобелев ожидал сильного сопротивления, и мы таковое встретили, но не со стороны всех текинцев: на стенах дралось только тысяч пять или шесть защитников, решившихся умереть, но не отступать; остальные же после взрыва бежали. Вот почему мы так сравнительно легко овладели крепостью.

Общая же потеря отряда при взятии Геок-тепе заключалась в 4-х обер-офицерах и 55 нижних чинах убитыми; в 18 офицерах и 236 нижних чинах раненными; в 12 офицерах и 73 нижних чинах контуженными. Лошадей убито 47, ранено 24.

Неприятель потерял во время штурма убитыми 8000 человек. Кроме того, множество тел текинских валялось в разных ямах; масса тел, раньше убитых, кучами сложена была в некоторых местах, около стен, ибо у нашего противника не хватало времени хоронить их.

Скобелев отдал солдатам крепость на три дня. Из кибиток выносили дорогие ковры, паласы, различные серебряные и золотые украшения и проч. Все это солдаты уже 12 января продавали за бесценок. Огромнейший ковер, аршина в 3 или 4 в квадрате, шел за 5, много-много за 10 рублей. Но главное, на что набросились солдаты, это на съедобное: каждый из них тащил себе горшок сала, лук, крупу, барана, курицу – словом, что попадалось под руку. Вечером в лагере запылали в сале лепешки из муки. Меня солдаты тоже угостили такими лепешками, и, право, мне тогда показалось, что вкуснее я ничего не едал.

Богатый самыми разнообразными впечатлениями и событиями день 12 января кончился; наступил вечер. Все офицеры нашего батальона собрались в кибитку командира 13-й роты поручика Коркмасова. Со времени прихода под Геок-тепе наш товарищеский кружок уменьшился ровно вдвое – осталось всего 7 человек. Странное впечатление производила эта компания на свежего человека: у одного подвязана голова, у другого – рука, третий хромал, у четвертого – глаз подбит и т. д. – это все следы недавнего штурма. Костюмы были также довольно замечательные: один в тужурке, другой в шведской куртке с погонами, третий в полушубке, четвертый в русском тулупе, пятый в тюркменском тулупе с узкими рукавами – и, кажется, ни одного не было в установленной форме. Генерал Скобелев разрешил нам носить какую угодно одежду, но обязал иметь погоны. Вскоре компания разошлась по своим кибиткам, чтобы после долгих бессонных ночей хорошо уснуть.

Утром 13 января меня разбудил какой-то шум. Я встал, напился чаю. Смотрю: мой денщик, из мордвин, ухмыляется. “Чего ты смеешься?” – спрашиваю его. “Пожалуйте, ваше благородие, я вам что-то показать хочу”, – отвечает он мне.

Выхожу из кибитки и в удивлении только руками развел: у юламейки стоят привязанные к колу два осла, козел, три барана и две борзых собаки – словом, целое хозяйство. “На какого лешего ты притащил их?” – спрашиваю своего мордвина. “А как же, другие берут, и я взял”. Против такого веского аргумента нечего было и отвечать; тем не менее, я приказал своему Лепорелло убрать всю эту живность, куда он хочет. Но упрямый мордвин все-таки держал этот зверинец около моей кибитки, и был очень опечален, когда в одну ночь, к моему большому удовольствию, всех зверей кто-то увел.

В тот же день отправились мы осматривать крепость. Она имела около четырех верст в окружности и обведена была очень толстой глиняной стеной, толщина которой у основания иногда доходила до трех, а на верхушке – до одной сажени. Вся

внутренняя площадь изрыта ямами и подземельями, куда текинцы прятались сами и укрывали своих жен и детей от губительного огня артиллерии. Недалеко от северной стены и ближе к западной возвышался холм Денгиль-тепе. Здесь у текинцев помещались различные мастерские для производства патронов и гильз к бердановским ружьям. Несмотря на то, что работа их была исключительно ручная, патроны получались довольно чистой отделки и мало чем отличались от наших заводских. В крепости ходило множество солдат, которые ни одной кибитки не оставляли, не обшарив ее самым основательным образом. Каждую минуту встречались солдаты, тащившие ковры, паласы, дорожки, различные серебряные украшения и проч. И такое хозяйничанье продолжалось в течение трех дней. У Великокняжеской калы расположились табором текинские женщины и дети, которых Скобелев приказал вывести сюда из крепости. После усиленной боевой деятельности весь отряд три дня отдыхал. 16 января наш генерал получил от Августейшего Главнокомандующего Кавказской армией две телеграммы. Первая гласила следующее: “Спешу сообщить тебе Всемилостивейшую ответную телеграмму Государя Императора. "Петербург, 14 января, 12 час. дня. Благодарю Бога за дарованную нам полную победу. Ты поймешь Мою радость. Спасибо тебе за все твои распоряжения, увенчавшиеся столь важным для нас результатом. Передай Мое спасибо всем Моим молодцам; они вполне оправдали Мои надежды. Генерал-адъютанта Скобелева произвожу в полные генералы и даю Георгия 2-й степени. Прикажи поспешить представлением к наградам. Александр". Осчастливленный Царским одобрением, поздравляю тебя всей душой с Высочайшими Монаршими милостями, столь доблестно тобой заслуженными. Михаил”. Вслед затем Михаил Димитриевич получил вторую телеграмму от Великого Князя Михаила Николаевича, в ответ на телеграмму, излагавшую подробности боя 12 января. Этой телеграммой Его Императорское Высочество извещал генерала Скобелева, что Государь Император повелел возвратить 4-му батальону Апшеронского полка знамя, утерянное 28 декабря 1880 года. Такая Высокая милость Царя к батальону привела всех нас в неописуемый восторг, и когда Скобелев прочитал последнюю телеграмму, то крики радости долго оглашали лагерь.

На другой день все офицеры отряда отправились к кибитке Скобелева поздравить его с Монаршими милостями. Вскоре к нам вышел сияющий Михаил Димитриевич в погонах без звездочек, которые его денщик уже успел спороть. Вынесли несколько бутылок шампанского, и каждый из нас с бокалом в руке

подходил к генералу и поздравлял его.

Для окончательного покорения текинского оазиса и для занятия города Асхабада, сформирован был отряд под начальством полковника Куропаткина, в составе: 15 рот, 6 эскадронов и сотен, 12 орудий и 2-х ракетных станков.

Отряд этот выступил к Асхабаду 16 января, а 18-го город был занят без всякого сопротивления со стороны текинцев. Вообще, после падения крепости Геок-тепе, покорение Ахалтекинского оазиса, жители которого были объяты паническим страхом, не представило ровно никаких затруднений. Каждый день являлись к Скобелеву депутации от различных племен Ахала с изъявлением безусловной покорности. Покорившихся водворяли на местах их прежних жительств. Вечером 27 января командующий нашим батальоном (майор Хан Нахичеванский) получил предписание выступить с 8-м батальоном на следующий день в свою штаб-квартиру – урочище Ишкарты. Вместе с нами выступил и 3-й батальон. Всю дорогу до Вами шел страшный дождь; в селениях по пути нас встречали текинцы, вступали с солдатами в разговор, называли их “кардаш” (брат), – словом, показывали все признаки самых миролюбивых отношений».

Л.А. Богуславский.

История Апшеронского полка.

Заключение. Россия, Туркестанский край. Итоги

Таким образом закончился последний бурный период истории Туркестана и завершилось водворение владычества России в Средней Азии. Первые шаги наши в этой стране при совершенно чуждых еще для нас условиях были, как мы видели, робки, неуверенны и случайны, сопровождаясь нередко неудачами, но, чем больше мы подвигались вперед и чем больше осваивались со Средней Азией, тем движение наше становилось все увереннее, сопровождаясь в огромном большинстве случаев блестящими успехами. Превосходство дисциплины, организации и вооружения наших войск, а равно выдержка и испытанная храбрость солдат дали возможность в короткое сравнительно время и с ничтожными жертвами присоединить к России огромную страну. Нестройные полчища туземцев нигде не были в состоянии сколько-нибудь стойко противостоять силе русского оружия, и нередко горсть русских брала сильные крепости и обращала в бегство десятки тысяч туземцев. Жертвы наши людьми были обыкновенно ничтожны, между тем как потери неприятеля огромны; исключением в этом отношении явилась лишь осада Геок-тепе, где мы встретили упорное сопротивление. С 1847 года – когда мы впервые стали твердой ногой на Сыр-Дарье – по 1872 год выбыло из строя убитыми около 400 и ранеными около 1600, а всего около 2000 человек. В оба перехода (1879–1881 гг.) на Геок-тепе и при штурмах укрепления, упорно защищаемого текинцами, мы лишились 445 человек убитыми и 1101 – ранеными, из которых впоследствии умерло 176. Общие потери наши при завоевании Туркестана едва ли превышали 1000 человек убитых и 3000 раненых, из которых небольшая часть впоследствии умерла. С такими, сравнительно, ничтожными жертвами была покорена в течение около 45 лет огромная страна, площадь которой занимает более пятой части Европы. Некоторые дела и победы были особенно блестящи. Сотня уральских казаков (114 человек) под командой есаула Серова ведет под Иканом трехдневный бой с 10 000 коканцев, оставаясь притом два дня без пищи и воды. Генерал Черняев с отрядом в 1950 человек берет штурмом Ташкент со 100-тысячным населением и 30 000 войска при 63 орудиях. Генерал Романовский с отрядом до 4000 человек разбивает в 1866 году под Ирджаром 40-тысячную бухарскую армию с потерей 1 убитого и 11 раненых. Генерал Кауфман с 3500 человек овладевает труднодоступной позицией под

Самаркандом, на которой было сосредоточено до 60 000 бухарских войск, и занимает город с потерей 2-х убитых и 38 раненых и контуженных, и т. п.

Несравненно большие трудности пришлось преодолевать нашим войскам в Туркестане в борьбе с природой страны и с климатическими ее особенностями. Бесплодные степи, пустыни и сыпучие пески, в которых приходилось совершать походы, плохое качество, а иногда и полное отсутствие воды, тропическая жара летом и суровые холода зимой, недостаток соответствующей пищи, сильные лихорадки в орошенных оазисах и другие этого рода условия не только до крайности затрудняли движение войск, но и вызывали развитие болезней, от которых страдала и гибла масса народа. Во время походов на Геок-тепе с мая 1879 года по июнь 1881 года от лихорадок, желудочных болезней, тифа, цинги и других заболеваний умерло 946 человек, т. е. вдвое больше, чем было убито во время стычек и штурмов. В особенности трудны были переходы по безводным сыпучим пескам в страшную жару, когда даже верблюды, единственные вьючные животные, приспособленные к жизни в пустыне, погибали сотнями, а люди в полном изнеможении от физических страданий, от жары и жажды падали и не в состоянии были подняться. Иногда доходило до того, что люди, изнемогая от жажды, пили мочу. Но стоило только добраться до колодцев и подкрепить силы, как войска снова неутомимо шли вперед, горя желанием побед и распевая песни, сложенные на славные эпизоды их походной жизни…

Вспомним, братцы, про былое,
Как в Чиназе на Дарье
Собиралися мы живо
Бить эмира в Ирджаре.

Греми, слава, трубой,
Мы дралися за Дарьей,
По степям твоим, Чиназ,
Разнеслась слава о нас.

Собиралась вот громада —
Тысяч с лишком в шестьдесят,
А нам этого и надо,
Есть где удаль показать.

Греми, слава, трубой…

И т. д.

Благотворные последствия покорения Туркестана были неисчислимы. Смуты, междоусобия, нашествия кочевников и кровавые войны, обездоливавшие Среднюю Азию в течение длинного ряда веков, прекратились, а гром оружия, непрерывно раздававшийся в стране с первых времен ее истории, замолк навсегда. Непрекращавшиеся разбои, грабежи и набеги, разорявшие целые области, – с уничтожением разбойничьих гнезд, служивших приютом степным хищникам и грабителям – отошли в область преданий. Личная и имущественная безопасность сделались всеобщим достоянием. Закон и порядок были водворены там, где царствовали вечная анархия, необузданный произвол и право сильного, а смута была нормальным явлением. Увод людей в рабство, от которого в течение столетий так страдали окрестные страны, и в особенности Персия, прекратился, и десятки тысяч рабов, томившихся в цепях и погибавших от непосильных трудов, получили свободу. В одной только Хиве было освобождено 15 000 рабов-персов. Мир и спокойствие водворились в Средней Азии, дав ей возможность широкого культурного и экономического развития. Орошение и земледелие получили сильное развитие, а некоторые отрасли сельского хозяйства, как, например, культура американских сортов хлопчатника и сахарной свеклы, возникли вновь, обещая в будущем огромные успехи. Возникло горное дело и другие отрасли промышленности, а волна русских переселенцев уже докатилась до недр Тянь-Шаня и подступов к Памиру. Железные дороги прорезали степи и пустыни, а пароходы бороздят мутные волны Аму-Дарьи. Страны, совершенно недоступные еще 25 лет тому назад или посещаемые с огромными трудностями и риском, стали вполне безопасными не только для смелых путешественников, но и для обыкновенных туристов. Путешествие по Средней Азии превратилось в недорогую и приятную прогулку, в течение которой турист из окон вагона-столовой может любоваться страшными среднеазиатскими пустынями и могучим историческим Оксом, через который перекинут один из величайших мостов в мире. В орошенных оазисах из жалких селений возникли благоустроенные города, в которых стали развиваться просвещение, духовная жизнь и европейская культура. Словом, покорив Среднюю Азию, мы приобщили эту страну к культурному миру и обеспечили возможность экономического и духовного ее развития. Вместе с тем мы приобрели обширную страну, крупное, постоянно возрастающее значение которой для всей империи не может ныне подлежать никакому сомнению.

А. А. Керсновский
«История Русской армии»

Ф. Васильев. Портрет князя Александра Бековича-Черкасского

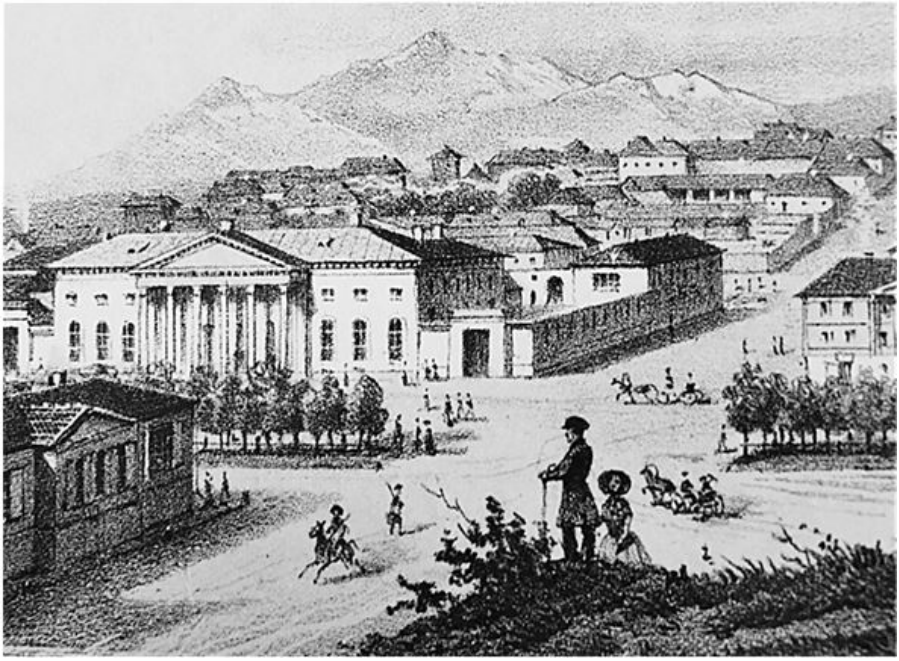
Генерал И.Д. Бухгольц

Граф Перовский. Хивинский поход

Легкое орудие кавалерийской казачьей роты № 14

Перовск (Ак-Мечеть, Кызыл-Орда)

Граф Василий Алексеевич Перовский



Город Верный (Алма-Ата) конец XIX века

Император Александр II

Генерал Г.А. Колпаковский

Генерал М.Г. Черняев

Киргиз-кайсак (казах)

Киргиз-кайсаки (казахи) около юрты

Узун-Агачское сражение в 1861 году

В. Верещагин. Туркестанский офицер

В. Верещагин. Туркестанский солдат

В. Верещагин. Нападают врасплох

Генерал Н.А. Веревкин

Бухара, крепость Арк

Самарканд, площадь Регистан

Генерал Н.Н.Головачев

Генерал К.П. Кауфман

Н. Каразин. Хивинский поход 1873 года. Через мертвые пески

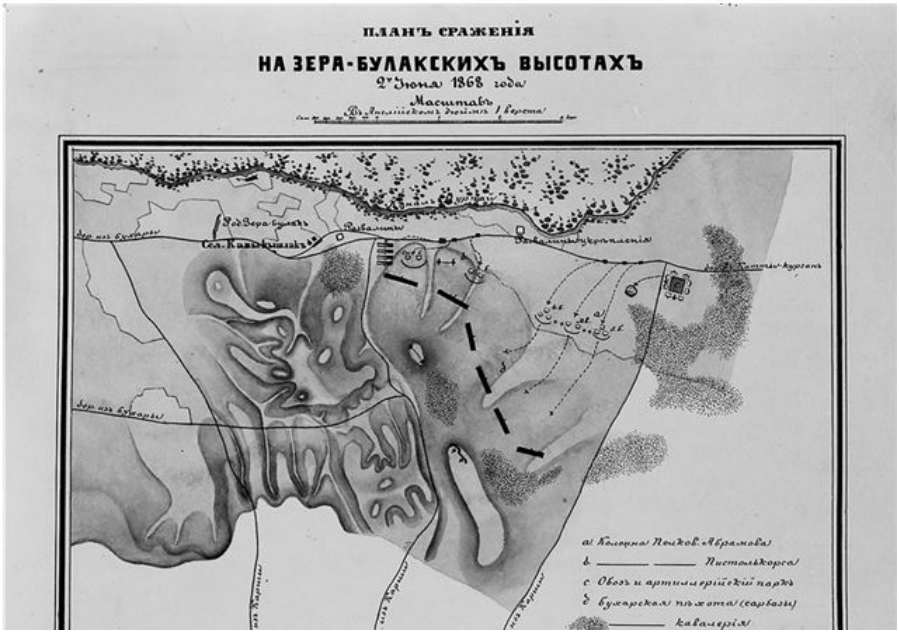
Худояр, хан Коканда

Мятежник Пулат-хан (Исхак Хасан-улу)

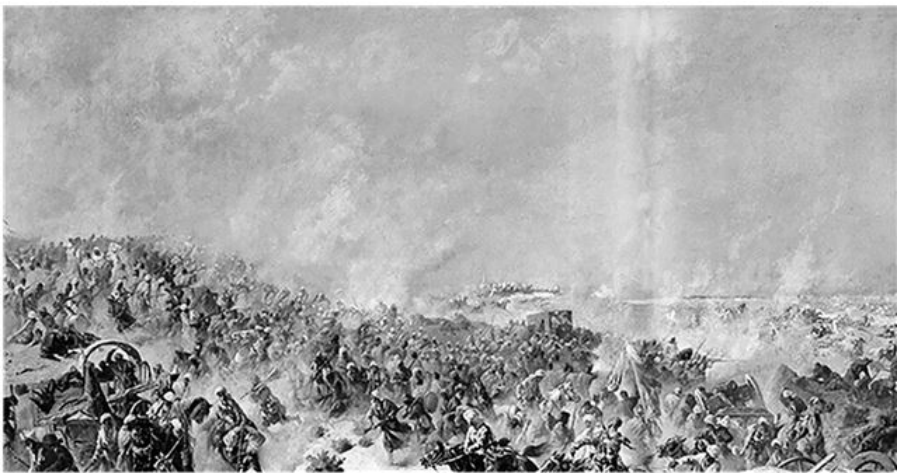
В. Верещагин. Парламентеры. «Сдавайтесь!» «Убирайтесь к черту!

Мятежник Абдуррахман Автобачи. Гравюра с рис. Н.Каразина

Наср-Эддин последний хан Коканда

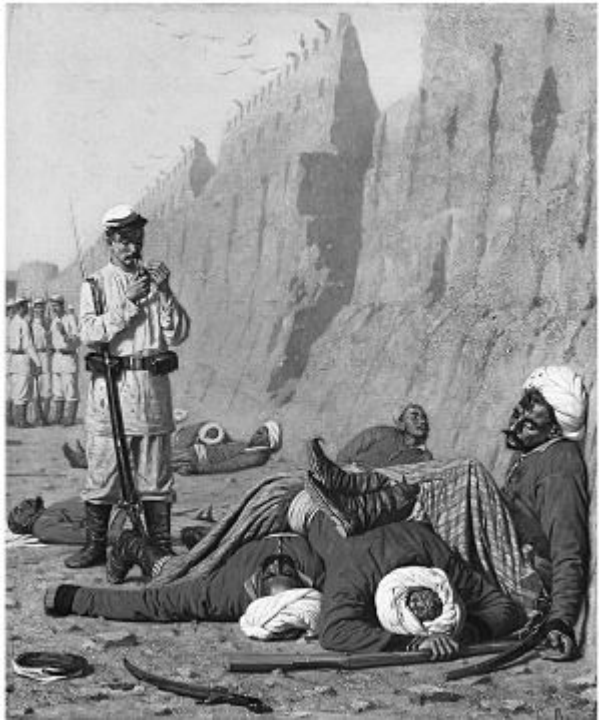


План сражения на Зарабулакских высотах


Н. Каразин. Сражение на Зарабулакских высотах

В.Верещагин. У крепостной стены (Самаркандское восстание)

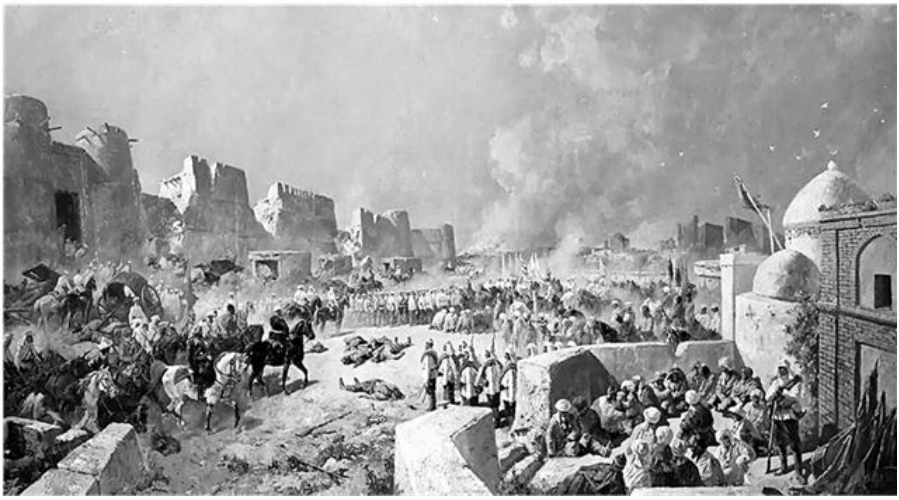
В. Верещагин. После удачи (фрагмент)



В. Верещагин. После неудачи (Самаркандское восстание)

Художник В. Верещагин 1877–1878 годы. На груди – Крест за оборону Самарканда.

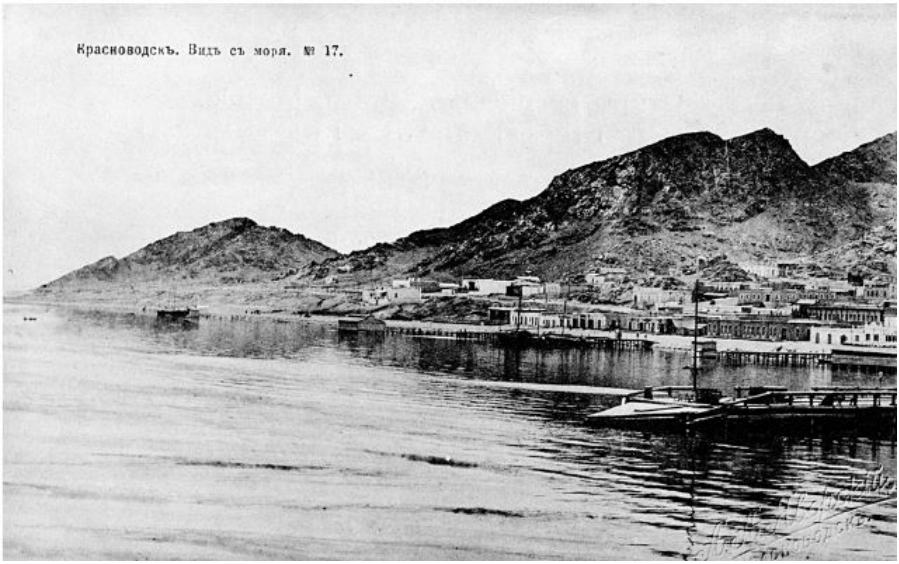
Офицер, художник и писатель – Н.Каразин. 1867–1870 годы.



Н. Каразин. Вступление русских войск в Самарканд 8 июня 1868 года

Генерал М.Д. Скобелев

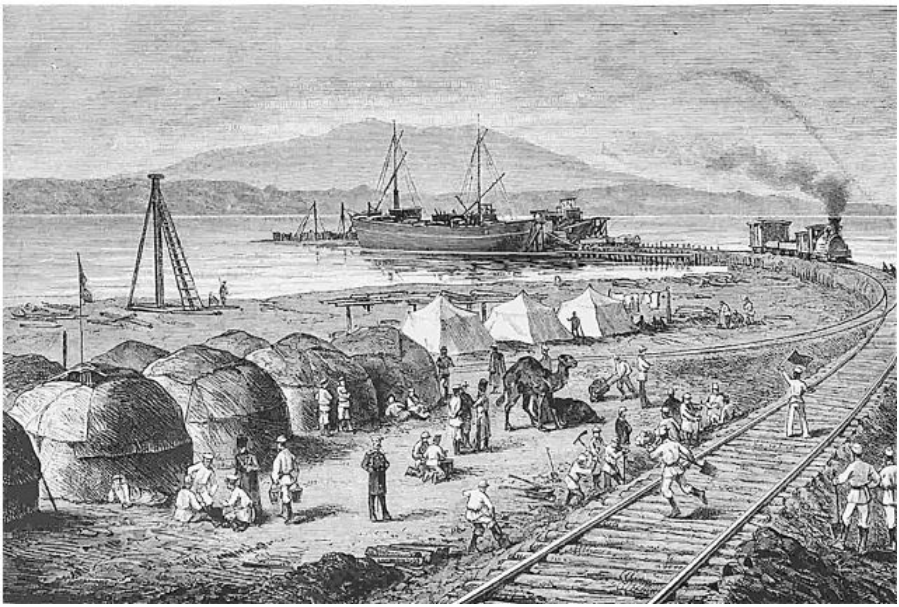
Полковник А.Н. Куропаткин



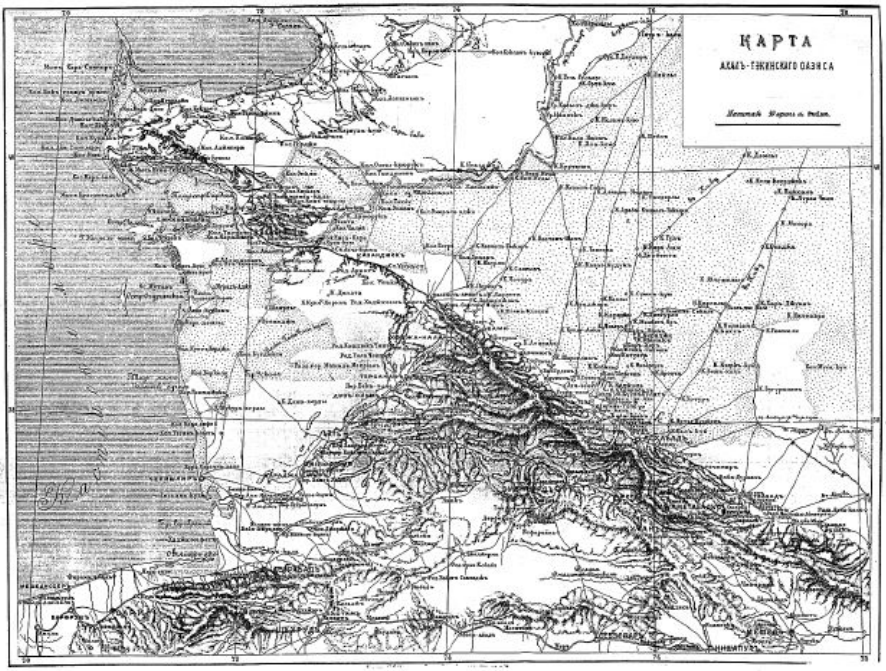
Красноводск. Начало XX века

Полуостров Мангышлак

Плато Устюрт



Ахал-Текинская экспедиция 1881 года

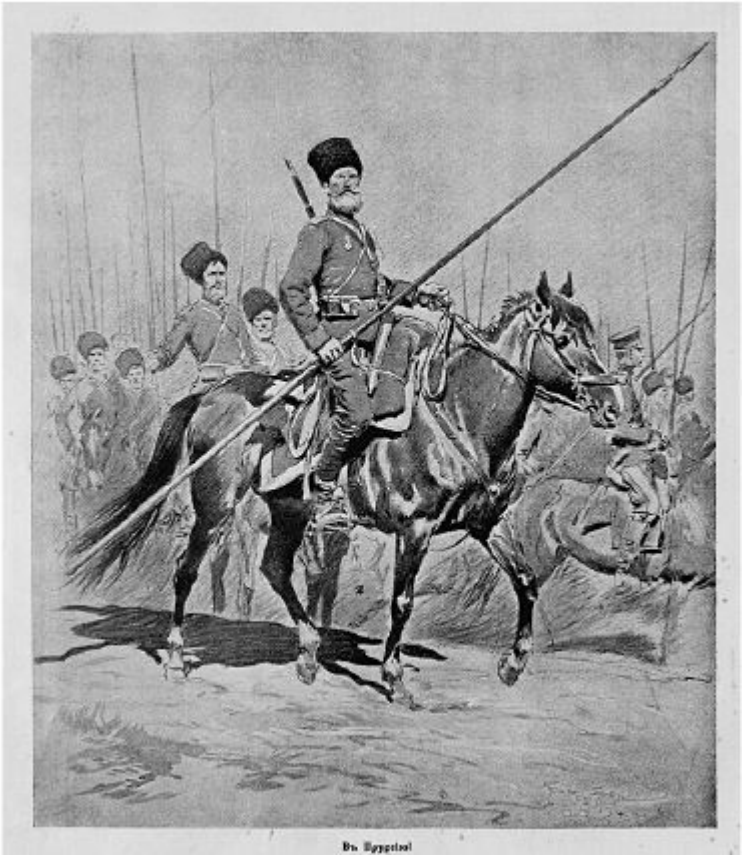


Ахал-Текинский оазис, карта

Император Александр III

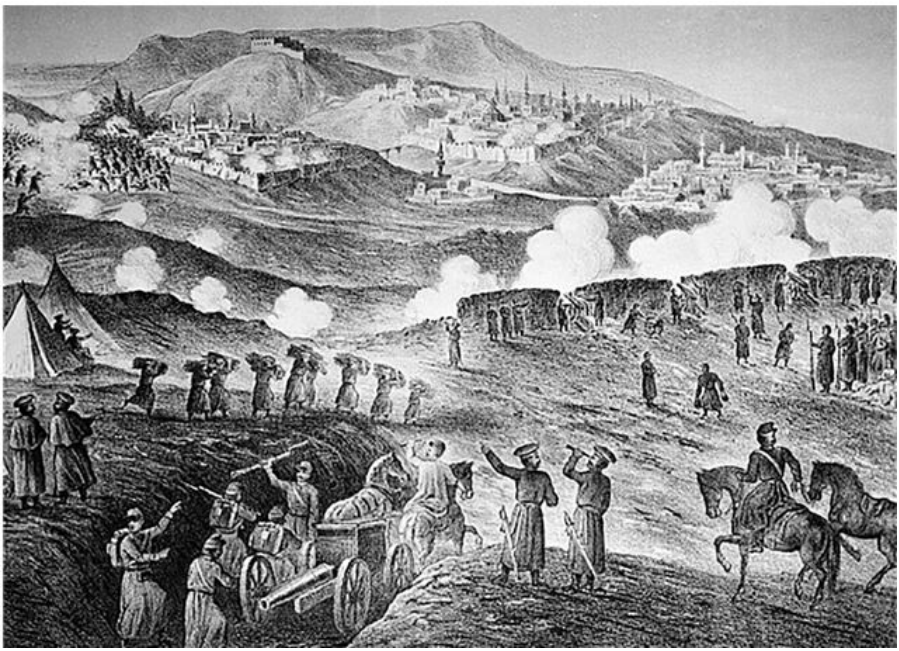
Великий князь Михаил Николаевич

Туркмены-текинцы

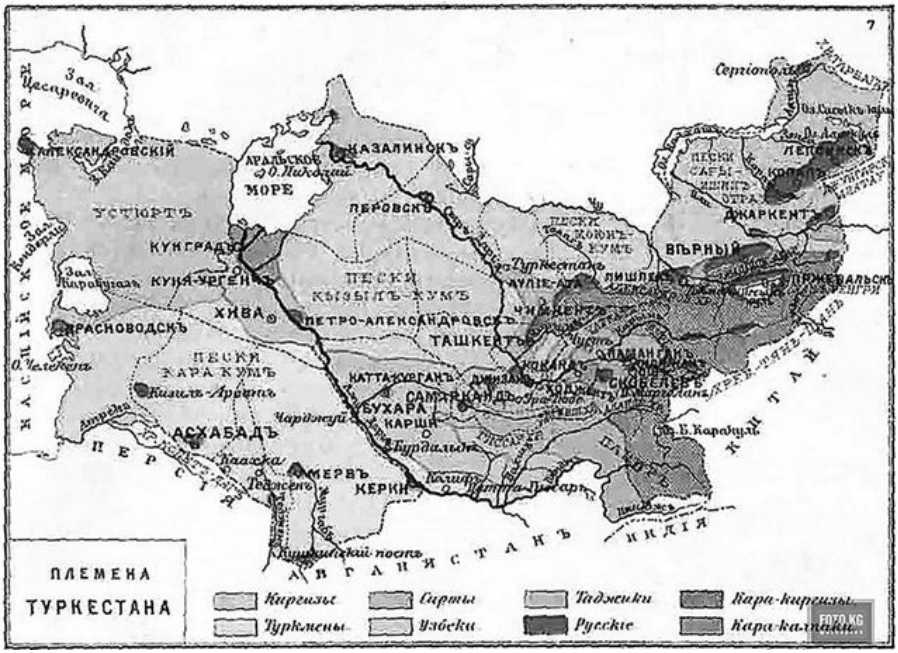


Уральские казаки

Хива, крепость Ичан-кала



Штурм крепости Геок-тепе



Карта Туркестанского края

Ответственный редактор А.В. Блинский *Редактор*
Художественный редактор
Компьютерная верстка А.Л. Блинский
Корректор
Выпускающий редактор Л.В. Человечкова
Православное издательство «Сатисъ»
199004 г. Санкт-Петербург. В.О. 1-я линия д. 20 литер «Г» помещение 5Н; тел.: 8 (812) 323-63-21
e-mail: satis-redakt@yandex.ru
По вопросам приобретения продукции издательства «Сатисъ» обращайтесь по адресу:
199004, Санкт-Петербург, В.О. Большой проспект д.1. 8 (812) 323-63-21 Интернет-магазин www.satis.spb.ru, тел.: 8-931-227-09-81 e-mail: satis_spb@mail.ru

notes

Примечания

1

Князь Бекович-Черкасский был родом из кабардинских князей и до Святого Крещения носил имя Девлет-Гирея.

2

Давыд Мартемьянович Бородин, сын известного старшины пугачевских времен, Мартемьяна Бородина, был войсковым атаманом в первой половине прошлого столетия.

3

Тюра – начальник.

4

Так называются небольшие группы скрытых часовых.

5

Собственное имя небольшой деревни.

6

Ощущение это мне передавали впоследствии пленные, которых, впрочем, было весьма немного, по неудобству драть живьем, а потом еще возиться с ними, стеречь и т. д.

7

Китмень – орудие для земляных работ, напоминает нашу мотыгу. Батик – насаженная на палку тяжелая металлическая шишка.

8

Заимствовано мной из личного рассказа Нурмеда о его ургутских похождениях.

9

Бей! Бей!

10

Так называют они наших солдат за их обыкновенный костюм.

11

Национальные блюда азиатов.

12

Донесение майора Буравцова полковнику Ломакину, от 15 апреля, № 50.

13

Начальники колонн приняли за правило: расходовать воду таким образом, чтобы по приходе к колодцу всегда иметь хоть небольшой запас ее на случай засорения или отравления водоема и, вообще, пока успеют набрать воду из нового колодца. Люди, зная, что в запасе есть вода, шли бодрее.

14

Предписание начальника экспедиционного отряда Оренбургского военного округа начальнику Мангишлакского отряда, от 21 апреля 1873 года, № 281.

15

Письмо генерал-лейтенанта Веревкина командующему войсками Дагестанской области от 17 мая 1873 года № 400 из лагеря под гор. Ходжейли.

16

Наказ войскам, часть 3. § 613, №№ 188 и 191.

17

Приказание по Мангишлакскому отряду 29 июля 1873 года, № 87.

18

Предписание начальника Мангишлакского отряда майору Навроцкому и поручику Гриневичу, 8 мая 1873 года.

19

Подпоручик Каркашвили.

20

Рапорты поручика Гриневича начальнику Мангишлакского отряда 20 мая и 1 июня 1873 г. №№ 43 и 52.

21

Как оказалось потом, Туркестанский отряд никакой остановки не делал, а генерал Кауфман никаких обязательств в этом роде никому и никогда не давал.

22

В действительности Туркестанский отряд 26 мая был под Хазараспом, в 65 верстах от Хивы.

23

Это оказалось неверно: хан вышел из города перед вечером 28 мая.

Гродеков. Хивинский поход 1873 г. С. 306.

25

Гродеков. Война в Туркмении. Т. 2, с. 77.

26

Приказ по отряду от 10 июня 1880 года, за № 91.

27

Гродеков. Т. 2, с. 139.

28

Согласно дислокации войск, составленной 20 августа, 13, 14 и 15-я роты назначались в состав гарнизона укр. Бами, а 16-я рота – в Кизил-арвате.

29

Третья колонна заняла Арчман, Дурун и Келете.

30

14-й ротой с 4 января командовал подпоручик Руднев.

31

Оставленная текинцами траншея.

32

6 рот Ширванского полка, 3 роты Туркестанского линейного батальона, команда охотников и рабочих, полурота саперов, смешанная казачья сотня, горные взводы: 6-й батареи 21-й артиллерийской бригады и туркестанский, 2 картечницы, 2 ракетных станка из туркестанского отряда и гелиографный станок.

33

4-й батальон Апшеронского и батальон Ставропольского полков, взвод саперов, команды морских охотников и рабочих, взвод 6-й батареи 21-й артиллерийской бригады, 1 картечница, 2 ракетных и один гелиографный станок.

34

Батальон Самурского полка, команды охотников и рабочих, взвод саперов, 4-я батарея 20-й артиллерийской бригады, одна картечница, конно-горный взвод, 5 ракетных станков, 1 сотня Таманского казачьего полка и гелиографный станок.

35

3-й батальон Апшеронского, 6 рот Дагестанского, 3 роты Самурского и 2 роты Ширванского полков, рота железнодорожного батальона, спешенный трехротный батальон из дивизиона Тверских драгун и Полтавского казачьего полка, 4-я батарея и 3 взвода 3-й батареи 19-й и полубатареи 1-й батареи 21-й артиллерийских бригад и гелиографный станок.